

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2016

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.В. Мамаев** — Особенности системы муниципальных финансов России накануне первой мировой войны 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Л.И. Ивонина** — Станислав Лещинский 17

ВОСПОМИНАНИЯ

- Н.В. Солнцев** — Сабир 45

СООБЩЕНИЯ

- О.А. Плех** — Должностные преступления и наказания в первой половине XIX в. 53

- А.В. Федин** — Борьба иезуитов с индейским алкоголизмом в Новой Франции в XVII в. 68

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- С.Б. Панин** — «Афганское направление» в российской политике перед первой мировой войной 87

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

В.С. Романенко — Версальская система и СССР: политика на Ближнем Востоке в 1921—1927 гг.	106
П.А. Искендеров — Становление албанской государственности	115

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

С.В. Зяблицева — Эвакуация 1941—1942 гг. как фактор перемен в культурной жизни Западной Сибири	126
Е.Н. Наземцева — Политико-правовое положение русской эмиграции в Китае в период второй мировой войны	137

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

А.А. Машковцев — Баптисты и евангельские христиане Среднего Поволжья и Приуралья в годы первой мировой войны	150
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.В. Политов — Влияние монголо-татарского ига на Древнерусское государство в дореволюционной историографии	160
В.Я. Мауль — Т.Л. Лабутина. Англичане в допетровской России; Британцы в России в XVIII веке	172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Особенности системы муниципальных финансов России накануне первой мировой войны

А.В. Мамаев

Аннотация. В статье на основе собранных Минфином за 1912 г. данных и ряда других источников анализируется состояние финансовой системы российских городов в преддверии мировой войны и революции. Автор делает вывод о недостаточности финансовой базы и диспропорции в развитии хозяйства муниципалитетов в зависимости от размера городов, предприимчивости городских деятелей, того, какими законами их деятельность регулировалась. По мнению исследователя, накануне первой мировой войны и революции возникла необходимость радикального изменения муниципально-финансовой системы в России, но власть не была готова пойти на это.

Ключевые слова: Россия, начало XX в., город, городское самоуправление, городское хозяйство, муниципальные финансы, бюджет, доходы, расходы.

Abstract. The article examines the state of the financial system in Russian cities on the eve of the First world war and revolution on the basis of statistics of the Ministry of Finance for the 1912 and other sources. The author makes the conclusion about inadequacy of financial basis and imbalances in the development of municipalities depending on the size of city, enterprise of urban leaders, laws governing their activities. According to the researcher, on the eve of the First world war and revolution there was a need to change radically the municipal finance system in Russia, but the government was not willing to go for it.

Key words: Russia, beginning of the XX century, city, city self-government, municipal economy, municipal finance, budget, income, expenses.

Начало XX в. в России — время ускоренной урбанизации. Особенно быстро росла численность населения в столицах и крупных городах. К 1910 г. около 77% горожан жили в большом или среднем городе и лишь 23% — в городах с числом населения менее 20 тысяч. В крупных городских поселениях происходила трансформация социальных отношений от общинных к общественным, там концентрировалась образованная, амбициозная, активная часть населения страны. Про-

---

Мамаев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН, научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: andreydx2006@yandex.ru.

Mamaev Andrey V. — candidate of historical sciences, senior researcher of Institute of Economics RAS, researcher at the Institute of Russian History RAS. E-mail: andreydx2006@yandex.ru.

цессы развития городской среды и общества в России шли не в одинаковом темпе. В промышленно развитых столицах и крупных городах интенсивно развивалась сфера услуг, торговля, финансовая сфера, но более трети — 35,8% городов — к 1897 г. по-прежнему относились к доиндустриальному типу — свыше 50% их самостоятельного населения выполняли административную, военную или аграрную функции ¹.

В начале XX в. действовало Городовое положение 1892 г., определявшее основы организации самоуправления. К 1911 г. из 973 городов России с учетом Польши по полному Городовому положению 1892 г. управлялись лишь 454 города, в остальных Городовое положение вводилось не полностью или вообще не действовало: по статье 92 Городового положения управлялись 15 городов (эта статья касалась незначительных уездных и безуездных городов, где обязанности членов управы с разрешения министра внутренних дел могли возлагаться единолично на городского голову, кроме того, на городское управление могли быть возложены обязанности по мещанскому управлению), по упрощенному варианту организации самоуправления — 310 городов, по особым узаконениям — 194 города ². Причинами введения упрощенного самоуправления являлись недостаточность у города денежных средств, особенности занятости населения или степень развития торговли и промыслов ³. Суть упрощенного самоуправления состояла в наличии вместо городской управы и головы только одного лица как исполнительного органа — городского старосты. Компетенция и права собрания городских уполномоченных и старосты были более узкими, чем по основному закону.

Институт самоуправления в предреволюционной России выступал основным инициатором и двигателем начинаний в сфере городских социальных благ: ассенизации, мощения и благоустройства улиц, электроснабжения, водоснабжения, в том числе устройства водопровода, организации частной торговли по определенным правилам, создании или помощи в открытии и работе образовательных и медицинских учреждений, регулировании работы частных извозчиков и организации общественного транспорта.

Само состояние муниципального хозяйства являлось индикатором развитости города. Данные о финансовом положении муниципалитетов, путях получения доходов и направлениях расходования средств могут многое рассказать о том, какой была городская Россия накануне первой мировой войны и революции, выявить особенности, диспропорции, противоречия, наблюдавшиеся в сфере городского хозяйства. В этой связи весьма ценным источником является собранная департаментом окладных сборов Министерства финансов статистическая информация о состоянии городских финансов в 1912 году. Полученные Минфином материалы, основанные на данных практически всех российских городов, были изданы только к 1917 г., а потому практический интерес к ним почти сразу был утрачен. Вихрь революции смел с исторической арены прежние органы городского самоуправления и сделал на долгие десятилетия интерес к их прошлому лишь академическим и изначально крайне предвзятым. И предреволюционные авторы либерально-социалистического направления, и советские подчеркивали убогость состояния городов. Данные статис-

тики Минфина могут позволить подкорректировать некоторые позиции и взгляды, уже устоявшиеся в исторической науке.

Городовое положение 1892 г., действовавшее к началу 1917 г., предоставило общественным управлениям ограниченную налоговую базу: оценочный сбор с недвижимых имуществ, промысловых свидетельств, заведений трактирного промысла и пивных лавок, с извозного и перевозного промыслов, лошадей, экипажей, велосипедов и собак. В пользу городов поступали разного рода пошлинные сборы: актовый, адресный, за клеймение и употребление мер и весов, с аукционных продаж, за стоянку судов, за проход и проезд по городским сооружениям. Некоторым городам было разрешено взимать больничный и канализационный сборы ⁴. В 1912 г. был принят закон, сокративший расходы на содержание правительственных учреждений, в 1913 г. городам была предоставлена $\frac{1}{8}$ часть государственного налога на городскую недвижимость ⁵. Права самостоятельно вводить новые налоги города не имели.

В муниципалитетах концентрировалась совсем небольшая часть общего объема средств, сосредоточенного в руках органов публичной власти. По данным на 1909 г., расходы российских городов без Польши составили 180, 883 млн руб., то есть примерно 7% от государственного бюджета (с учетом Польши по данным за 1910 г. — 7,5%) ⁶, на 1913 г. расходы городов (без Финляндии, но с Польшей) составили 297 млн 060 тыс. 90 коп. или примерно 9,1% от государственного бюджета, процент земства был ненамного больше (1913 г. — около 10% от государственного бюджета) ⁷.

Сравнение ситуации с местными финансами в Англии, Германии и в российских муниципалитетах показывает недостаточность финансовой базы городов России и высокий уровень централизации средств в казне. Так, в Англии размер местных бюджетов составлял 83% от общегосударственного, в Германии — около 50%. Как отметил в своем докладе на Съезде 1913 г. по городским финансам киевский городской голова, председатель съезда И.Н. Дьяков, «если мы допустим, что вышеприведенные цифры бюджетов общин других стран можно принять за сумму неизбежных трат, при которых общинное хозяйство может стоять на должной высоте, то получим..., что... бюджеты русских общин должны увеличиться в 6 с половиной раз» ⁸.

В абсолютном значении доходы российских городов в начале XX в. росли ежегодно на 7—12%: так, в 1909 г. рост составил 7,6%, в 1910 г. — 0,5%, в 1913 г. — 12,7% ⁹, однако в значительной степени этот рост не приводил к качественным изменениям из-за того, что одновременно быстро росла и численность горожан.

В муниципальных финансах российских городов наблюдались значительные диспропорции, отражавшие степень развития городского хозяйства. Так, бюджет каждого из двух столичных городов — Москвы и Петербурга — в 1912 г. составлял около 43,5 млн руб., в 4,5 и более раз превосходя бюджеты других крупных городов, а 33 российских города с самым большим бюджетом, составлявшие 4,3% от числа городов, где действовало Городовое положение 1892 г., концентрировали у себя 67,7% от общей суммы бюджета городов ¹⁰.

Расходы российских муниципалитетов в расчете на 1 горожанина различались в разы, и здесь в лидерах также были столицы, а пока-

затели муниципалитетов, где действовало Городовое положение, как правило, были значительно выше, чем в городах, в которых самоуправление было организовано в урезанном виде или вообще отсутствовало. В 1912 г. из общей суммы бюджета городов Европейской части России, где было введено Городовое положение 1892 г., на каждого жителя приходилось в среднем 12 руб. 92 коп., в том числе в Москве — 29 руб. 29 коп., в Петербурге — 23 руб. 38 копеек. Города, где Городовое положение 1892 г. в полной мере не действовало, в среднем могли расходовать на жителя 8 руб. 27 копеек. Эти суммы были в разы меньше, чем в Западной Европе. По информации Л.А. Велихова, в Англии в начале XX в. на горожанина в среднем падало около 30 руб. муниципальных расходов, в Пруссии — около 25 рублей ¹¹.

Чем крупнее был российский город, тем, по общему правилу, большая сумма бюджета приходилась на одного жителя. Так, если в городах с населением более 1 млн чел. на каждого горожанина в среднем приходилось 26 руб., то в городах, насчитывающих от 400 тыс. до 1 млн чел. — 13 руб. 60 коп., с населением от 50 до 100 тыс. — 10 руб. 76 коп., от 25 до 50 тыс. — 9 руб. 5 коп., от 10 до 25 тыс. — 6 руб. 40 копеек. В городах, в которых проживало менее 2 тыс. чел., на каждого приходилось лишь 5 руб. 23 копейки ¹². Данные Минфина показывают, что наиболее значительное влияние на жизнь горожан оказывало развитое хозяйство столичных муниципалитетов, отставание губернских городов было качественным, а городское хозяйство во многих небольших, как правило, уездных и безуездных городах, находилось в зачаточном состоянии.

Диспропорцию в величине расходов разных по размеру городов можно объяснить особенностями доходной базы муниципальных бюджетов. Доходы налогового характера составляли в городах с Городовым положением лишь 21,5% бюджета, без Городового положения — 34%, в то время как в земских бюджетах на долю налоговой составляющей приходилось 71,1% доходов ¹³. Более половины (54,7%) всех городских доходов в 1912 г. получалось от городских сооружений и предприятий (31%) и от различных пособий городам и возврата расходов (23,7%). Доходы от городского имущества и оброчных статей давали 17,8% бюджета, сбор с недвижимых имуществ — 14,2%, с торговли и промыслов — 5,8%, различные пошлины — 1,7%, остальные сборы — с лошадей, экипажей, собак, зачеты и различные поступления принесли 5,8% от общей суммы дохода ¹⁴.

Важнейшими источниками поступлений в бюджеты городов в начале XX в. являлись оценочный сбор и доходы от городских предприятий и имуществ. Городское имущество, без учета предприятий, приносило городам с Городовым положением в среднем 18,8% бюджета, без полного Городового положения — 9,1%, причем чем меньше был город, тем большая часть его бюджета формировалась за счет муниципальной собственности. Если в городах с населением свыше 1 млн жителей этот показатель составлял 6,3%, то в городах, где проживало от 100 до 200 тыс. чел. — 27,8%, от 5 до 10 тыс. — уже 44,2%. Около 60% от общего размера доходов от муниципального имущества приходилось на поступления с земель. Доходы от зданий составляли 32,4%, от рыбной ловли, перевозок, за стоянку судов — 3,1%, остальное давали проценты с запасного капитала и текущих счетов ¹⁵.

Для муниципальных предприятий была характерна иная тенденция: значительные доходы от них получали более крупные города. В Москве и Санкт-Петербурге к 1909 г. муниципальные предприятия приносили 49,2% доходов всего бюджета, в нестоличных городах с бюджетом свыше 2 млн руб. доля городских предприятий в общих муниципальных доходах сокращалась до 32,7%, в городах с бюджетом от 0,5 до 1 млн руб. — до 23,4%, с бюджетом от 300 до 500 тыс. руб. — до 16%, от 100 до 300 тыс. руб. — до 12,1%, от 25 до 50 тыс. руб. — до 6,7% от общих годовых поступлений в бюджет¹⁶. Несмотря на почти абсолютное господство принципа муниципализации, как отмечал муниципальный деятель, депутат Госдумы Л.А. Велихов, около трети городов почти не имели доходного имущества — это были небольшие, в основном заштатные муниципалитеты¹⁷.

К 1912 г. доля городских предприятий в доходах городов, особенно крупных, еще более возросла: в столичных городах с населением более 1 млн чел. она составила 58%, от 400 тыс. до 1 млн чел. — 28,8%, от 100 до 200 тыс. — 22,2%, от 50 до 100 тыс. — 17,5%, от 25 до 50 тыс. — 15,2%, от 10 до 25 тыс. — 9%, от 5 до 10 тыс. — 5,7% от общей суммы бюджета, в городских поселениях, где проживало менее 2 тыс. чел. — только 5,2%¹⁸.

Среди предприятий наиболее крупные доходы городам, в основном столичным, приносили городские железные и шоссейные дороги, а также концессии на их эксплуатацию — в среднем 12,5% от бюджета (однако если не считать Петербург и Москву — только 1,4% общегородского бюджета), водопроводы — 6,3%, скотобойни — 3,4%, электрические станции — 2,6%, предприятия по удалению нечистот (канализация, ассенизационные обозы, мусоросжигательные станции) — 2%. В целом по городам с Городовым положением муниципальные предприятия приносили 32,2% доходов бюджета, ожидаемый чистый доход, за вычетом расходов на содержание предприятий, составлял 18,4% бюджета¹⁹.

Большое число городских предприятий требовало крупных расходов на их содержание и развитие. Наиболее значительными такие траты были в столицах: в среднем 27,7% бюджета, в городах с населением от 100 тыс. до 1 млн чел. уже значительно меньше — около 10—12%, от 25 до 100 тыс. чел. — около 8% бюджета, от 10 до 25 тыс. — 4,7%, от 5 до 10 тыс. — лишь 2,5% бюджета, однако показатель сильно варьировался в разных городах. Так, Чернигов тратил на городские предприятия 28% бюджета, Псков — 27,6%, Вятка — 24,8%, то есть почти как в столицах²⁰.

«Прогрессивные» течения в муниципалитетах, отстаивая интересы широких масс обывателей, считали правильным отказаться от использования городских предприятий как источника дохода, поэтому стремились сохранять низкие тарифы и ограничивать чистую прибыль. В связи с этим важным источником поступлений оставался оценочный сбор с домовладельцев. Он в 1912 г. принес городам, где действовало Городовое положение 1892 г., 13,2% доходов бюджета, городам без полного Городового положения — 22,5% бюджета. В городах с населением до 200 тыс. жителей с Городовым положением оценочный сбор колебался от 10 до 12% от доходов бюджета, в городах с населением более 200 тыс. чел. составлял 14—17%. В большин-

стве городов с Городовым положением — 606 или 78,9% — оценочный сбор считался по ценности недвижимости, в 127 городах или 16,5% — по доходности, в 35 городах — 4,6% — по смешанному способу ²¹.

От уплаты оценочного сбора были освобождены казенные здания, помимо городского сбора с имущества взимались аналогичные сборы в пользу государства и земства ²². Закон от 1910 г. о государственном обложении городской недвижимости привел, фактически, к росту сумм, собиравшихся с домовладельцев в пользу госказны, в 3 раза. А земства на основе собственных оценок могли облагать недвижимость городов, входивших в их состав, без каких-либо ограничений в ставках. При этом размер оценочного сбора в пользу городских самоуправлений был ограничен 1% от ценности имущества либо 10% от доходности.

Несмотря на крайне ограниченные возможности, предоставленные муниципалитетам, многие города не доводили обложение оценочным сбором до максимально возможного уровня, во многом из-за значительной роли в цензовых думах домовладельцев. Тем не менее, подсчеты департамента окладных сборов на 1912 г. показали, что обложение оценочным сбором достигало предельных норм, установленных законом, в 529 городах (68,9%), во многих других оно было близким к предельному ²³. Следует учитывать, что при постоянном росте стоимости городской недвижимости и инфляции переоценка иногда не производилась десятилетиями. По данным Министерства финансов на 1912 г., облагаемая налогом доходность недвижимости, исчисленная городскими управлениями, оказалась ниже казенной оценки, используемой для взимания государственного налога на городскую недвижимость, на 42,8% ²⁴. «На практике при определении стоимости земли несколько гласных (домовладельцев и землевладельцев) садятся за стол, на котором лежит план города и... “устанавливают цены”, руководствуясь, главным образом, вдохновением. Вполне понятно, что такие цены не пригодны для объективной оценки...», — отмечалось в «Известиях Саратовской городской думы» ²⁵. По свидетельству депутата Госдумы и муниципального деятеля Л.А. Велихова, в Петербурге влиятельные гласные воздействовали на оценочные комиссии, добиваясь пониженной оценки их домов, в итоге недвижимость представителей стародумцев была оценена на 50—100% ниже, чем такая же собственность прогрессистов ²⁶. О масштабах недопоступления средств от оценочного сбора свидетельствуют данные из Уфы: проведенная в 1910 г. переоценка недвижимости привела к росту доходов города сразу на 52% ²⁷. Кроме того, у домовладельцев имелась возможность переложения суммы оценочного сбора в виде платы за аренду жилья на квартиронанимателей, съемщиков комнат.

Сборы с промысловых свидетельств и остальные мелкие сборы и пошлины играли сравнительно незначительную роль в городских доходах, составляя в разных городах от 2 до 11% бюджета. Из среднего показателя в 5,9% в городах с Городовым положением промысловые свидетельства и личный промысловый налог приносили 1,5% бюджета, трактиры и пивные лавки — 2,5%, извозный промысел — 0,6%, прочие сборы — 1,3% ²⁸.

Интересным показателем являются данные о том, в какой мере государство поддерживало муниципалитеты. От казны в 1912 г. горо-

да с Городовым положением получали в среднем лишь 6,5% от средств бюджета — свидетельствуют данные департамента окладных сборов. Причем из этих сумм целевые пособия на нужды образования, которые выдавались городам с 1907 г. с целью введения всеобщего трехлетнего обучения, составляли только 18,1%, пособия на прочие цели — санитарные нужды, устройство мостов, дамб, мостовых, возмещение за прием госналога с городской недвижимости — 11,9%. Остальные средства от казны являлись возмещением расходов муниципалитетов на общегосударственные цели: почти половина (48,4%) представляла собой выплаты за расквартирование войск, 10,4% — содержание полиции, 11,2% — возмещение сбора с патентов ²⁹.

В раздел пособий городам и возврата расходов входили также разные мелкие поступления: из прибылей городских общественных банков (в 1912 г. — 1,1% бюджета), плата за лечение (встречавшаяся в сметах 147 городов) и больничный сбор (существовавший только в 12 городах с Городовым положением и 4-х без него), которые давали 1,5%, плата за обучение в городских учебных заведениях — 0,4%, сборы с домовладельцев (на устройство мостовых и тротуаров, содержание трубопроводов, ночных караулов), приносившие 0,3%, пособия от земств — 0,3%. Из специальных средств города, где действовало Городовое положение 1892 г., формировали 10,8 % бюджета, в том числе поступления от займов, предназначенные для расходования в данном году, составляли 7,7% бюджета, отчисления из запасного и специальных капиталов — 3,1%. О значительной степени распространения муниципального кредита свидетельствуют следующие данные: за один 1912 г. к займам прибегли 23,8% городов, где действовало Городовое положение 1892 г., и 3,1% — без полного Городового положения ³⁰.

Накануне революции одним из актуальных стал вопрос о выделении городов из земств, что могло дать муниципалитетам дополнительные источники доходов. Собственникам недвижимости городов, входивших в губернское и уездное земство, приходилось платить не только городской и государственный налог на недвижимость, но и земский. Получаемые земствами с городов средства отнюдь не всегда расходовались на нужды именно городов. Так, Саратовское уездное земство в 1916 г. около 55% своих доходов получало за счет обложения городской недвижимости, а губернское земство — 14,4% от своей доходной сметы, всего 714 тыс. рублей. В то же время от земств Саратов имел только содержащуюся за счет губернского земства больницу и подъездные пути к городу для движения грузов. Городской оценочный сбор давал Саратову только примерно 317 тыс. рублей. «Иначе говоря, городские имущества уплачивают земству, которое дает городу только Александровскую больницу, вдвое больше, чем городскому управлению, которое дает все, что в силах дать», — отмечалось в «Известиях Саратовской городской думы» ³¹. Во Владимирской губернии земские сборы с городских недвижимых имуществ, согласно «Ежегоднику Министерства финансов за 1913 год», превысили оценочный сбор, который получали города, в 2,15 раза, в Вятской губернии земство получило в 5,8 раза больше с городской недвижимости, чем самоуправления важнейших городов.

По данным на 1915 г., земские сборы, взимаемые в Елисаветграде, превышали размер городского оценочного сбора на 547%, в Там-

bove — на 303,3%, Вятке — на 252%, Екатеринославе — на 242,7%, Царицыне — на 177,5%, Нижнем Новгороде — на 162,7 %, в Калуге — на 157,6%. В Москве, Царицыне, Харькове, Ярославле около половины доходов уездные земства получали от обложения недвижимости городов. До революции 1917 г., несмотря на многочисленные ходатайства муниципалитетов (от крупных, например, Харькова, до мелких, вроде Цивильска Казанской губернии с 3,2 тыс. жителей или Чухломы с 2,8 тыс. горожан) лишь 4 города — Петербург, Москва, Киев и Одесса — были выделены из состава губернского земства и только 11 — из состава уездного ³².

Свою роль в недоборе доходов играл плохой учет налогооблагаемой базы. Так, проведенная в 1906 г. перепись предметов налогообложения в Петербурге показала, что торгово-промышленных заведений в городе было на 9% больше, чем зарегистрировано в городской управе, лошадей — на 25% больше, собак — на 75%, автомобилей — на 54% ³³.

Муниципальная налоговая система все меньше соответствовала принципу справедливости, зачастую чрезмерно облагая тех, чьи доходы и так были невелики, и оставляя вне своего внимания горожан, получавших значительную прибыль, например, квартиросъемщиков, имевших доходы от акций, облигаций, высокооплачиваемой работы. Кроме того, она отличалась непропорциональностью: если более развитые и населенные города могли получать значительные суммы с оценочного сбора, земель, городских строений, предприятий, кроме того, здесь был более-менее налажен муниципальный кредит, то в более патриархальных, слабо затронутых урбанизацией городах оценочный сбор с доходности или ценности имущества не мог быть значительным, городских предприятий, как правило, было гораздо меньше, а существенные суммы займов привлечь было намного сложнее.

Можно предположить, что на муниципальные доходы благотворное воздействие оказали бы совершенствование налоговой системы и устранение диспропорций, повышение доли общественно-правовых доходов за счет введения новых прямых налогов, основанных на обложении всех горожан, независимо от того, были они домовладельцами или квартиронанимателями, а также расширение целевых субсидий со стороны государства. Учитывая высокую значимость частно-правовых доходов — поступлений от предприятий, имущества — важным способом увеличения бюджета могли бы стать создание новых предприятий, грамотная политика сдачи в аренду или концессию имущества. Возможности получения доходов путем косвенного обложения были ограничены тем, что оно падало, прежде всего, на бедное население. Важным условием повышения доходов был рост благосостояния общества.

Данные, собранные Минфином, позволяют сделать некоторые выводы и касательно расходов муниципалитетов. В соответствии с Городовым положением 1892 г. сначала городам требовалось покрыть обязательные расходы, и лишь затем оставшиеся средства они могли тратить на иные цели. К обязательным правительство относило траты на содержание правительственных учреждений, пособия разным ведомствам, воинские повинности, отопление и освещение тюрем, содержание полиции и пожарных команд, уплату займов, потребности

внешнего благоустройства³⁴. Часть обязательных трат, как показано выше, компенсировалась из государственного бюджета. С одной стороны, обязательные расходы направлялись на реализацию тех функций, которые обычно выполняло государство, таким образом, правительство перелагало на города траты, которые должно было нести само. С другой стороны, выделение первоочередных расходов «предостерегало... от нецелевого использования и “разбазаривания” городских средств..., помогало государству бороться с предпочтениями и случайностями»³⁵.

По данным департамента окладных сборов Минфина за 1912 г., полиция обходилась городам в среднем в 5,9% бюджета, воинская квартирная повинность (имевшая место в 89,5% городов с Городовым положением) — 3,8%, содержание пожарных команд — 2,6%, участие в расходах по содержанию правительственных учреждений — 1,2% бюджета (всего — 13,5%)³⁶. Данные Минфина за 1912 г. свидетельствуют, что в качестве компенсации за размещение войск и полиции города с Городовым положением получали лишь около 3,8% от бюджета, то есть в среднем в 2,5 раза меньше, чем на эти общегосударственные цели они реально тратили.

Как видим, не имевшие отношения к городским нуждам расходы самоуправления составляли не слишком большую, но заметную часть бюджета: если бы этих расходов не было или они полностью покрывались государством, города могли бы значительно увеличить траты на образование, медицину, общественное призрение. Многие городские самоуправления жаловались, что траты на общегосударственные цели за счет муниципалитета составляли большую часть разрешенных им общественно-правовых доходов. По данным Царицынского городского головы, за десятилетие с 1903 по 1912 гг. Царицын потратил на расквартирование войск и полицию 70,6% налогов и сборов, а Саратов с 1898 по 1907 г. — 66%³⁷.

Все остальные траты осуществлялись непосредственно в интересах городов. По информации на 1912 г., на уплату долгов города тратили 15,2% своего бюджета, содержание городских предприятий в среднем обходилось в 14,3% расходов, городской недвижимости — 8,5%, траты на медицину, санитарию и ветеринарию составляли 12,5%, на народное образование шло 12,1%, на благоустройство — 9,5%, на общественное призрение — 3,2%, на содержание аппарата управления и сиротского суда тратилось 7,4% бюджета, на уплату налогов города расходовали 1,1% бюджета, на образование капиталов отчислялся 1% бюджета³⁸. Каждое городское управление само определяло приоритеты в расходовании средств. Так, в 1912 г. лидером по расходам на общественное призрение относительно общего бюджета была Тверь — 10,8% бюджета, Нижний Новгород расходовал 7,6%, Киев — 6,4%, Москва — 5,8%, Тула — 5,7% бюджета³⁹.

Ассигнования на медицину и ветеринарию в 1912 г. были заложены в бюджетах 93,3% российских городов. Не предполагали ничего тратить на нужды медицины лишь мелкие посады, местечки и заштатные города. В целом, чем крупнее были города, тем, как правило, большую долю своих бюджетов они отдавали на эти цели. Так, если города с населением свыше 400 тыс. чел. и столицы тратили в среднем чуть более 17% бюджета, то города с населением от 25 до 100 тыс. чел. — лишь 9—10%, а городские поселения от 2 до 25 тыс. чел. — около 5% бюджета⁴⁰.

Обратную динамику показывают траты на народное образование: устройство и содержание городских школ, пособия на содержание казенных учебных заведений, церковно-приходских, частных и общественных школ, пособия и награды учителям и ученикам, траты на учебные пособия. Если в столичных городах в 1912 г. на эти цели расходовали в среднем 9,7% бюджета, то в городах с числом жителей от 400 тыс. до 1 млн — 11,9%, от 100 до 200 тыс. — 13,8%, от 25 до 100 тыс. — 15,4%, от 5 до 25 тыс. — 18—20% бюджета. Не выделили на это средств 3,4% городов с Городовым положением, в основном мелкие посады, заштатные городки. Около 83% издержек приходилось на начальные школы, что соответствовало первоочередной потребности борьбы с неграмотностью ⁴¹.

Города с Городовым положением выделяли на внешнее благоустройство в среднем лишь 7,4% расходов, из этих сумм на освещение тратилось 28,6% средств, на содержание и ремонт мостовых, тротуаров — 26,6%, на новые работы по благоустройству города — 25,1%, на бульвары и общественные сады — 7,4%, на ремонт мостов — 5%, на содержание прудов, колодцев, сточных труб, канав — 3,7%. Траты на эти цели отсутствовали лишь в 27 мелких посадах и заштатных городках России ⁴².

Бюджетный дефицит и превышение расходной сметы над доходной накануне войны и революции стали в городах хроническим явлением. Улучшить городское хозяйство и избежать значительных единовременных трат можно было с помощью кредитов и займов.

Задолженность городов быстро росла. Если в 1891 г. российские города были должны 58 млн 733 тыс. руб., то в 1901 г. — 245 млн 884 тыс. руб., а в 1911 г. — 335 млн 190 тыс. руб., то есть долги за 20 лет выросли в 5,5 раз, в том числе, за 10 лет с 1891 по 1901 гг. — в 4 раза ⁴³. Однако, как справедливо отмечал публицист Г.И. Шрейдер, «важна не абсолютная величина задолженности, какую бы огромною она ни казалась; важно ее относительное значение. Исчисляется ли она в тысячах или миллиардах, — это, в сущности, безразлично, если только она не ложится непосильной тяжестью на местный бюджет и на плечи налогоплательщиков, и если обусловившие ее займы в достаточной мере продуктивны, то есть окупаются произведенной... муниципализацией...» ⁴⁴.

По данным департамента окладных сборов на 1912 г., из средней суммы в 15,5% от общего бюджета, расходуемой городами с Городовым положением на уплату долгов, платежи по облигационным займам составляли 49,3%, 14,7% производилось по займам у частных лиц и учреждений, 12,2% — по займам из общественных и частных банков, 10,7% — на уплату недоимок казне и разным учреждениям, 6,5% — на возврат займов из специальных средств, 3,8% — на уплату по ссудам из казны и Госбанка ⁴⁵.

На основе этих данных можно было бы сделать вывод, что роль облигационных займов в муниципальной финансовой системе была ведущей, однако в действительности такие займы так и не распространились на большое число городов. Расходы по облигационным займам в 1912 г. несли только 63 города, где действовало Городовое положение, или 8,1%, в то время как по займам у частных лиц и учреждений платили 462 города, или 59,7%; 40,8% — 316 городских

поселений — платили по займам из общественных и частных банков, платежи по ссудам из казны и Госбанка производили 214 городов с Городовым положением (около 27%)⁴⁶.

Большая часть губернских, а также уездные города, заинтересованные в получении заимообразно небольших сумм, не могли использовать возможность выпускать облигации. Кредиты на небольшие суммы было сложнее получить в банках, которые соглашались на это только при более высоких процентных ставках. Оставалась возможность займа у частных лиц и банков. Поэтому найти средства для постройки городских предприятий, на цели благоустройства, культурного развития, обеспечения городов топливом и на другие производительные задачи малым и средним городам было весьма сложно, что тормозило развитие городского хозяйства.

По данным департамента окладных сборов Минфина, на 1 января 1912 г. долги городов составили 499 млн 223,3 тыс. руб., в том числе львиная доля — в городах с Городовым положением — 448 млн 103,3 тыс. рублей. Наибольшую сумму долгов имела Москва — 122 млн 191,7 тыс. руб., Петроград — 103 млн 39,6 тыс. руб., Варшава — 55 млн 267,1 тыс. руб., Баку — 27 млн. 949,7 тыс. руб., Рига — 23 млн 266,9 тыс. рублей. Долги превышали 5 млн в Киеве, Харькове, Екатеринославе, Астрахани, Поти и Саратове. На них приходилось 73,7 % общей задолженности городов России⁴⁷.

Наиболее обременены долгами были крупные города. Так, отношение суммы задолженности к бюджету города на 1 января 1912 г. составляло 239,9% в столичных городах, 249,8% — в городах с населением от 400 тыс. до 1 млн жителей, 217,5% — в городах от 200 до 400 тыс. чел., 165,8% — в городах от 100 до 200 тыс., 122,5% — от 50 до 100 тыс., 111,8% — от 25 до 50 тыс., 115,8% — от 10 до 15 тыс., 63,2% — от 5 до 10 тыс., 56,6% — от 2 до 5 тыс. жителей. Средняя задолженность города с Городовым положением в 1912 г. составляла почти двойной его средний бюджет — 183,3%. Относительно высокой задолженностью обладали: Баку — 297,5%, Одесса — 278%, Рига — 275,8%, Москва — 267,6%, Варшава — 265,3%, Петроград — 212,3% бюджета⁴⁸. Города с населением менее 2 тыс. чел. были должны в среднем только 28% бюджета. Очень значительная часть городов — 39,4% — не имела никаких долгов к началу 1912 года⁴⁹. Это означает, с одной стороны, что муниципальные деятели небольших городов зачастую не стремились развивать хозяйство (иначе они не могли бы обойтись без займов), с другой, что небольшие города испытывали острую нужду в займах для развития.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что накануне революции российские муниципалитеты не были переобременены долгами. Скорее можно говорить о недостаточном использовании городами, особенно мелкими, возможности брать займы. Уплата долгов была растянута на много лет, они выделялись в основном на производительные цели, кроме того, в условиях усиления инфляции и обесценивания денег тяжесть долгов уменьшалась. Рост муниципальной задолженности означал, что города активно вовлекались в рыночные капиталистические отношения, и это открывало перед ними новые источники получения средств на расширение хозяйства.

Исследование показало, что в начале XX в. муниципальное хозяйство и финансовая система больших городов развивались гораздо более быстрыми темпами, чем мелких. Эта диспропорция во многом объяснялась несовершенством муниципально-финансового законодательства. Своими успехами в развитии муниципального хозяйства крупные города были обязаны не столько законам, сколько собственной предприимчивости и возможностям рынка. Такие муниципалитеты по факту становились крупными капиталистами, извлекая доходы и сводя бюджеты частно-правовым путем, чтобы тратить прибыль на общественно-правовые нужды. Это несло в себе опасность резкого сокращения поступлений и банкротства в сложные времена, кроме того, эти, фактически косвенные налоги, ложились тяжелым бременем на малообеспеченные слои населения.

Все более заметной к началу первой мировой войны становилась проблема несоответствия увеличившихся масштабов деятельности муниципалитетов узкой налоговой базе при отсутствии дешевого муниципального кредита. Несоответствие завышенных ожиданий и реальности стало фактором революционизирования интеллигентных слоев населения.

Ускоренная урбанизация, развитие гражданского общества, планы общественности и властей по демократизации института самоуправления и повышению значимости муниципального уровня власти вели в начале XX в. к неизбежной радикальной перестройке финансовой базы муниципалитетов. Отказ от опоры только на домовладельцев и торговцев, вовлечение широких масс в общественную жизнь должны были повлечь за собой введение прямого муниципального налогообложения всех горожан, независимо от наличия недвижимости или производства, и привести к ограничению возможности пополнять доходы за счет эксплуатации городских предприятий. Накануне революции экономисты и городские деятели подготовили целый ряд проектов трансформации муниципально-финансовой системы в этом ключе.

Крайне важным фактором являлся курс государства: готовность властей поощрять местные инициативы, прислушиваться к предложениям общественных деятелей, обеспечивать благоприятные условия развития городского хозяйства. Устранить неравномерность в финансировании разными муниципалитетами сфер образования, здравоохранения, культуры, призрения могли бы целевые пособия, субсидии от казны, однако государство эту возможность почти не использовало. В городское хозяйство требовались крупные капиталовложения, которые самодержавие не делало, ощущалась потребность в выработке четкой общегосударственной политики по развитию местного хозяйства и благоустройства, необходимость в более профессиональных кадрах управленцев, опоре на научную и инженерную мысль. Неготовность монархической власти к решению финансовых проблем муниципалитетов при наличии таких возможностей, неспособность ликвидировать множество искусственных препон на пути к интенсификации роста городского хозяйства являлись фактором, обусловившим усиление оппозиционности правительству в образованном городском обществе.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект 15-31-01234 «Финансовая система городского самоуправления в России в начале XX века: проблема реформирования»).

1. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII— начало XX века). Т. 1. М. 2003, с. 287—289, 302—305.
2. Календарь-справочник городского деятеля на 1915 год. СПб. 1914, с. 35.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е, т. XII, № 8708, с. 436.
4. Там же, т. XII, № 8708, с. 430—456. Городовое положение 1892 г., ст. 127, 135—136.
5. ТВЕРДОХЛЕБОВ В.Н. Влияние войны на городские и земские финансы. В кн.: Вопросы мировой войны. Пг. 1915, с. 450; Городское дело. 1916, № 4, с. 181—182.
6. Календарь-справочник городского деятеля на 1912 год. СПб. 1911, с. 127.
7. Календарь-справочник городского деятеля на 1915 год, с. 33.
8. Труды Первого Всероссийского Съезда представителей городов по вопросам улучшения городских финансов. Киев. 1914, с. 18.
9. Календарь-справочник городского деятеля на 1915 год, с. 35.
10. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год. Стат. отделение департамента окладных сборов Министерства финансов. Пг. 1917, с. XXXI.
11. ВЕЛИХОВ Л.А. Основы городского хозяйства. М.-Л. 1928, с. 405.
12. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год, с. XXVIII—XXX.
13. Там же, с. XXXII.
14. Там же.
15. Там же, с. XLIII—XLV.
16. Календарь-справочник городского деятеля на 1914 год. СПб. 1914, с. 51.
17. ВЕЛИХОВ Л.А. Ук. соч., с. 407.
18. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год, с. XXXIV.
19. Там же, с. XXXV—XXXIX.
20. Там же, с. LIV—LV.
21. Там же, с. XLV—XLVI.
22. ПЕТРОВ М. Городское управление накануне революции. — Городское дело. 1918, № 2, с. 44.
23. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год, с. XLVI—XLVII.
24. Там же, с. XLVI—XLVII.
25. В. Оценка земель в городах. — Известия Саратовской городской думы. 1916, № 6 (январь-март), с. 32—33.
26. ВЕЛИХОВ Л.А. Ук. соч., с. 409.
27. СТРЕЖНЕВ С. Опыт краткой характеристики задач городского управления в деле народного образования. Уфа. 1916, с. 4.
28. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год, с. XLVIII—XLIX.
29. Там же, с. XLII.
30. Там же, с. XLI.
31. Известия Саратовской городской думы. 1916, № 8 (июль-сентябрь), с. 108—109.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1288, оп. 5, 1917 год, д. 67, л. 1—44.
33. СУХОРУКОВА А.С. Петербургская дума и городское хозяйство в начале XX века (1900—1914 гг.). В кн.: Петербургская городская дума, 1846—1918. СПб. 2005, с. 207.
34. Полное собрание законов Российской империи, т. XII, № 8708, с. 430—456. Городовое положение 1892 г., ст. 138—139.
35. ВИНОГРАДОВ В.Ю. Становление и развитие городского самоуправления в России в 1870—1914 гг. М. 2005, с. 183.

36. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год, с. L—LI, LXVI.
37. РГИА, ф. 1288, оп. 7, год 1913, д. 82, л. 15об, 101.
38. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год, с. L—LI.
39. Там же, с. LXVI.
40. Там же, с. LVII—LIX.
41. Там же, с. LX—LXII.
42. Там же, с. LXII—LXIX.
43. Календарь-справочник городского деятеля на 1916 г. СПб. 1915, с. 122.
44. ШРЕЙДЕР Г.И. Муниципализация и ее противники. — Вестник Европы. 1912, № 4, с. 299—300.
45. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год, с. LII—LIII.
46. Там же, с. LIII—LIV.
47. Там же, с. LXXV.
48. Там же, с. LXXV—LXXXVI.
49. БРЕЙТЕРМАН А.Д. Облигационные займы русских городов. СПб. 1913, с. 1.

Станислав Лещинский

Л.И. Ивонина

Аннотация. На фоне политических и культурных реалий века Просвещения в статье представлен многоплановый анализ фигуры польского короля Станислава Лещинского. Автор показывает, что Станислав не был мечтателем, а человеком действия, которому в его долгой жизни нередко сопутствовала удача. Философ-просветитель и просвещенный правитель Лотарингии, для роли короля Речи Посполитой он оказался негоден в значительной степени благодаря игре «дворов и альянсов» на европейской арене. Одним из первых среди политиков Европы Станислав I распознал будущую роль России в судьбе Польши и в международных делах.

Ключевые слова: Просвещение, шляхта, политика, война, дипломатия, корона, конфедерация.

Abstract. Against the background of political and cultural realities of the Age of Enlightenment the article presents a multifaceted analysis of the figures of the Polish king Stanislas Leszczyński. The author shows that Stanislas was not a dreamer but a man of action, often lucky in his long life. Philosopher and enlightened ruler of Lorraine, he turned out to be worthless for the role of the King of Rzeczpospolita largely because of the game “courts and alliances” in the European arena. One of the first among European politicians Stanislas I recognized the future role of Russia in the fate of Poland and in international affairs.

Key words: Enlightenment, nobility, politics, war, diplomacy, crown, confederation.

«Истинный философ не должен ни слишком возвышать, ни слишком унижать в своем мнении какое-либо звание. Он должен наслаждаться удовольствиями жизни, не будучи их рабом: богатством, не прилепляясь к оному, почестями без гордости и хвастовства. Он должен претерпевать несчастья без боязни и без надменности; почитать ненужным все то, чего он не имеет, и достаточным все, что имеет». Считается, что эти слова принадлежат одной из самых заметных фигур европейского масштаба первой половины XVIII в. — дважды польскому королю и герцогу Лотарингскому Станиславу Лещинскому¹. Мало сомнений в том, что их автор имел в виду, прежде всего, самого себя. Насколько правдив этот возможный автопортрет, и в какой степени ему соответствует жизненный путь Станислава I?

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Ivonina Liudmila I. — doctor of historical sciences, professor of Smolensk State University. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Образ этого человека, отраженный в немногочисленных биографиях, достаточно противоречив. Отечественные авторы его не жалуют, точнее, в большинстве своем относятся к нему скептически или нейтрально, как к фигуре исторически второстепенной. Феофан Прокопович называл Станислава «незаконным королем польским», а его политику — «неистовством, вероломством и безстыдством». В 1734 г. Прокопович посвятил Лещинскому эпиграмму, в которой отмечал, что слава дважды торопилась в его «дом», но «не дошла и стала»². «Лещинский действительно мог нравиться: он был молод, приятной наружности, честен, жив, отлично образован, но у него недоставало главного, чтоб быть королем в такое бурное время, недоставало силы характера и выдержливости», это человек, не обладавший «... ни блестящими способностями, ни знатностью происхождения, ни богатством...», — отзывался о нем С.М. Соловьёв³. Малоизвестный шляхтич, «мягкий и уступчивый» ставленник Карла XII, а затем и Людовика XV, «дубликат» польского короля — самые распространенные характеристики, данные Лещинскому российскими историками вплоть до сегодняшнего дня. При этом их внимание ограничивается рамками его военно-политической деятельности⁴.

В зарубежной историографии ситуация несколько иная. Специальные работы о Станиславе Лещинском принадлежат перу французских и польских историков. Современники польского короля во Франции характеризовали его как фигуру позитивную и многогранную, что связано как с политической линией Версаля, так и с политико-просветительской деятельностью Лещинского в Европе. «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера оценила его жизнь как выдающуюся и достойную подражания. Вольтер, для которого Польша была частью Сарматии (позднеантичное название Восточной Европы, основным населением которой были сарматы), познакомился с Лещинским в 1725 г. и много общался с ним в Люневиле в 1748—1749 годах. Взгляды французского просветителя в отношении польского короля эволюционировали: в «Истории Карла XII» (1731 г.) он предстает героем, философом и справедливым государем, противостоящим орлам России и Австрии. После Полтавской битвы Станислав, превосходя Карла умом и интеллигентностью, мобилизовал дезорганизованные силы, как мог, чтобы самому защищать то, что бросил шведский король. Тем не менее, как в «Истории Российской империи правления Петра Великого», так и «Истории Карла XII» Вольтер, возвышая Станислава над шведом, подчеркивал в конечном итоге превосходство того, кто основал Петербург, над тем, кто украсил Нанси. Лещинский у него — человек разумный и дружелюбный, образец религиозной терпимости, покровитель искусств и наук. Управляя Лотарингией, он сделал больше всех «сарматских» королей на берегах Вислы. Со временем просветитель пришел к выводу, что король Станислав, противостоя могущественным силам и политическому союзу Станислава Августа Понятовского и России, спасителем отчизны быть не мог. А Ж.-Ж. Руссо оценивал Лещинского, как «более чем добродетельного гражданина, который для своей отчизны делает все, что может»⁵.

Не обошли Станислава I вниманием и немецкие просветители, в частности, Иоганн Готфрид Гердер. В 1798 г. в одной из поэм Гердер представил разделы Польши как предостережение для Германии, а в 1802 г. написал поэму о Станиславе Лещинском, на примере которого обрисовал стереотипы Просвещения. В одной строфе поэмы он обращался к Польше: «Горе тебе, о Польша!», а в другой — к Лещинскому: «Но счастье, Станислав, тебе!». Автор воспевал геркулесовы усилия последнего, вознагражденные «империей наук и искусств», но не в Польше, а в Лотарингии. В поэме словно подразумевалось,

что Лещинскому повезло, когда он потерял Польшу, недостойную просвещенного монарха ⁶.

В Лотарингии образ Станислава исключительно богатый и многоаспектный — как архитектора, искусствоведа, литератора, ученого, хозяйственника и правителя. Его общественную и писательскую деятельность рассматривают как попытку создания представительского государства, а место Лещинского в памяти благодарных лотарингцев можно выразить словами из статьи «Лотарингия» в той же «Энциклопедии»: «... правление его было очень счастливым. Еще долго ее жители будут с благодарностью вспоминать имя того, кто был им настоящим отцом». В последние годы во Франции в нем, прежде всего, видят символ интеллектуального расцвета Лотарингии XVIII в. и наравне с другими выдающимися деятелями вписывают его имя во французскую культуру Просвещения. 2005 год явился апогеем его памяти: 250-летний юбилей основания площади Станислава в Нанси привел к многочисленным торжествам под названиями «Нанси — 2005, век Просвещения» и, более того, — «Нанси — столица Просвещения» ⁷.

В Польше образ Станислава выглядит довольно размытым. В ряду польских королей Лещинский занимает последнее место, не принадлежит он и к пантеону народных героев. Как отмечает польский историк М. Форуцкий, он не служит образцом ни ныне популярной в Польше карьеры на Западе, ни способности распространения польской культуры в Европе, ни даже мецената, не представляется в целом значимой и его политическая или писательская деятельность. Ярлык несчастного короля в Польше и изгнанника за границей заслонил его лучшие стороны: в польской историографии его признавали респектабельным, правдивым, но слабым; считали добродетельным, но сомневались в его философских способностях. Его «амбициозное правление» в Лотарингии рассматривалось как нечто среднее между политическим экспериментом и драмой на европейской арене, в которой Станислав играл роль вымышленного героя. Так, известный исследователь конфликтов на Балтике и политической истории XVIII в. Э. Чеслак, анализируя жизненный путь Лещинского, прежде всего, в контексте политических и военных событий эпохи, поместил его в «круг шведской политики сверхдержавы» и в «круг французской политики» ⁸.

На рубеже тысячелетий ситуация изменилась. В связи со вступлением Польши в НАТО (1999) и ЕЭС (2004) «европейская» фигура Станислава Лещинского приобрела значимость. В современных польских работах его даже называют «лекарем больной Отчизны», акцентируя внимание на его просветительской деятельности. Польские историки отмечают, что фигура Станислава занимала одно из самых значительных мест в польско-французских отношениях, не столько политических, сколько культурных, и являлась своеобразным посредником между Польшей и Западом. Подчеркивается, что интеллектуальная мысль Лещинского в русле польской реформаторской линии века Просвещения была смешением сарматских и европейских теорий, а ее республиканские идеи оказали влияние на интеллектуальный генезис Французской революции ⁹.

Тому, что представление о Станиславе Лещинском колеблется в диапазоне от пренебрежительного отношения до апологетики, способствовала и головокружительная история его жизни — история молодого человека, ставшего в 22-летнем возрасте познаньским воеводой; пана из Рыдзыны, претендовавшего на королевскую корону; польского короля-пилигрима, скитающегося по Европе в надежде, что судьба вернет его на родину; коронованного изгнанника, который выдал свою дочь за самого завидного жениха в Европе; филосо-

фа эпохи Просвещения, который свои лотарингские владения превратил в одно из просвященных мест континента.

Критическое отношение к этому королю как к «человеку ниоткуда», малоизвестному, в значительной степени рассеивается, если принять во внимание его генеалогию. Станислав Лещинский, появившийся на свет 20 октября 1677 г. во Львове (Лемберг), происходил из знатной великопольской семьи, носившей герб Венява. На этом гербе в золотом поле находится воловья голова черного цвета с рогами, загнутыми наподобие полумесяца. В ноздрях у вола — круг или кольцо, сплетенное из древесных ветвей. Фигура в нашлаемнике чаще изображается как обращенный вправо лев с короной на голове и мечом в правой лапе. Есть версия, что этот герб появился в Польше в связи с прибытием в 966 г. чешской княжны Данбрувки (Дубравки, Dąbrówka), ставшей женой польского короля Мечислава I (935—992). Согласно легенде, род Лещинских ведет свою историю от древней чешской фамилии Перштейнув (Persztejnów). Сама же фамилия происходит от великопольского местечка Лешно. Среди предков Станислава были примас, канцлер, епископы, воеводы, казначеи, гетманы. Его прапрадед Рафал Лещинский, воевода Белзский, при Сигизмунде III (1566—1632) занимал одно из видных мест среди кальвинистской шляхты, но перед смертью в 1636 г. перешел в католичество. Сын Рафала Богуслав Лещинский исполнял за свою жизнь много должностей — генерального старосты великопольского, подскарбия великого коронного (казначей), подканцлера коронного и др. В конце 1641 — начале 1642 г. он, как и его отец, отказался от кальвинизма и стал католиком. Несмотря на смену вероисповедания, Богуслав продолжал поддерживать протестантов. Многие ценили его ораторское искусство, но считали эгоистичным и бесчестным и даже подозревали в растрате денег и королевских драгоценностей. Несмотря на это, дед Богуслав любил говорить: «Кто хочет найти Божью кару, тому надо найти сокровище»¹⁰.

Отец Станислава Рафал Анджей Лещинский (1650—1703) по количеству должностей обогнал Богуслава. Самыми значимыми среди них были: воевода калишский и познаньский, генеральный староста великопольский и воевода ленчицкий, посол в Турции и подскарбий великий коронный. Рафал Анджей был также известен как поэт и оратор, оставивший после себя рукопись «Дневник посольства в Турцию 1699 г.» («Dziaryjusz poselstwa do Turcyi, w roku 1699 odbytego»), которая ныне хранится в Российской Национальной библиотеке (Санкт-Петербург), и историческую поэму «Хотин» («Chocim»). В 1676 г. он женился на Анне Яблоновской (1660—1727), дочери каштеляна краковского и гетмана великого коронного Станислава Яна Яблоновского. Станислав был их единственным ребенком и продолжателем рода. Как видно, все Лещинские были интеллектуально развиты и склонны к творческому и философскому осмыслению действительности.

Как последнего представителя дома, Станислава берегли и воспитывали под надзором святого отца и домашних учителей. Одаренный живым умом, мальчик быстро постигал тайны различных наук, развивавших его природные способности. Он рос здоровым и веселым, отличаясь добротой, щедростью, храбростью и свободолобием. К 17 годам Станислав в совершенстве владел латынью и бегло говорил по-испански (его гувернер был испанцем); хорошо разбирался в математике, а особенно в механике; писал стихи и прозу. В 18 лет молодой шляхтич был избран на сейм, где обратил на себя внимание не только других послов, но и короля Яна III Собеского (1629—1696). Станиславу не сиделось в Польше. Поставив целью изучить жизнь других народов, в 1695 г. он отправился на Запад. Сначала он появился при дворе императора Священной Римской империи в Вене,

затем посетил Испанию, Рим, где имел аудиенцию у папы Иннокентия XII, Флоренцию, Венецию и, наконец, оказался во Франции.

Как известно, двор Короля-Солнце Людовика XIV (1643—1715) считался образцовым для всей Европы и представлял собой своеобразную модель «метрополии», обязательную для подражания «местными артистами». Двор являлся «цивилизатором» дворянства, что было актуально для Франции и значительной части континента. Своей политикой французский монарх не только заставил, но и привлек дворян ко двору, при котором превыше всего ценились искусства, придворный церемониал и остроумная беседа. Всепроникающее влияние Франции выразилось в повсеместной моде на все французское и в роли французского языка как международного средства общения, дипломатии и культуры ¹¹. Неудивительно, что Франция покорила молодого путешественника своим величием, научными и культурными достижениями. Благодаря рекомендациям, перед Станиславом открывались все двери, а в Версале он довольно близко сошелся с молодым герцогом Бургундским. Только весть о смерти Яна Собеского и письмо отца заставили его вернуться на родину ¹².

Юность закончилась, начиналась полная непредсказуемых поворотов жизнь. В Польше было неспокойно. Здесь следует сказать о том, что эпоху Вестфальской системы в международных отношениях в Европе (1648—1815), особенно до Французской революции конца XVIII в., в литературе часто называют временем «дворов и альянсов». В области международного права в то время господствовал принцип равновесия сил между государствами, во внутренней политике все более укреплялась монополизация власти, обозначенная большинством историков термином «абсолютизм» ¹³. Подобная ситуация была характерна для подавляющего большинства европейских государств. Исключением стали пережившие реформы буржуазного характера Великобритания и Республика Соединенных Провинций Нидерландов, а также Речь Посполитая, сохранившая архаические структуры «шляхетской республики», вступившая в полосу кризиса и ставшая «яблоком раздора» для целого ряда сильных держав — как представителей «западной формы монополизации», так и «восточной». Все это сказалось на выборах нового короля, расколовших Польшу на фракции и посеявших новые противоречия в Европе, только что пережившей Десятилетнюю войну (1689—1697) и готовившуюся к борьбе за испанский трон на западе и за Балтику на северо-востоке.

После смерти Яна Собеского начался бурный период межкорольевья. Кандидатов на престол было много: сын покойного короля Якуб Собеский, герцог Лотарингский Леопольд, маркграф Людвиг Баденский... Магнатами даже поднимался вопрос о кандидатуре дяди Станислава гетмана Яблоновского. Но главными претендентами были Франсуа-Луи, 3-й принц де Конти, известный как Великий Конти, и саксонский курфюрст Фридрих II Август Веттин (Август Сильный). Фактически с 1697 г. началось континентальное противостояние между Россией и Францией в польском вопросе. Пётр I противился только одному кандидату — принцу Конти — потому что Версаль находился в дружественных отношениях с Османской империей и враждебных с Австрийским домом. К тому же французский посол Мельхиор де Полиньяк проинформировал польских вельмож об обещании Стамбула заключить с Польшей мир и вернуть ей Каменец-Подольский, если королем будет избран французский принц. Поэтому Пётр в посланном в Варшаву письме заявил, что, если магнаты поддержат Конти, то это сильно скажется на взаимоотношениях России с Речью Посполитой.

17 (27) июня 1697 г. прошли двойные выборы: одна партия провозгласила Конти, другая — курфюрста Саксонского. Для поддержки

Августа, который пообещал царю оказать России поддержку в борьбе с Османской империей и Крымским ханством, Пётр двинул к литовской границе войско князя Ромодановского. Хотя Конти и был избран королем Речи Посполитой большинством голосов, он отказался от короны, убедившись, что не справится с силами соперника: литовский гетман Сапега не выполнил свое обещание оказать ему помощь, к тому же в Польшу шло саксонское войско. Август II использовал пассивность француза и отправился на Вавель, по дороге привлекая к себе знать. По закону, установленному сеймом, коронацию можно было провести только с использованием символов, находившихся в Вавельском хранилище. Дверь в сокровищницу была закрыта на восемь замков, ключи от которых хранились у восьми сенаторов. Шестеро из них были сторонниками Конти. Дверь нельзя было открыть, а ее взлом считался святотатством. Август не растерялся, и коронационные символы вынесли через отверстие в стене, оставив дверь в нетронутном состоянии. Он принял католичество и 15 сентября 1697 г. был коронован в Вавельском кафедральном соборе. Август хорошо помнил фразу великого французского короля Генриха IV Бурбона: «Париж стоит мессы»¹⁴.

Во время избирательной кампании Станислав вместе с отцом вначале поддерживал кандидатуру королевича Якуба Собеского. Рафал Лещинский часто повторял, что «лучше вольно жить в опасности, чем в спокойной неволе». За молодого Собеского выступил и примас Польши архиепископ Гнезненский Михал Стефан Радзиевский. Человек огромных амбиций и ненасытной жадности, он вскоре принял сторону принца Конти и стал беспорным лидером профранцузской партии. В сложившихся обстоятельствах Лещинские признали победу Августа Сильного и подписали его элекцию (избрание)¹⁵.

Нетрудно догадаться, что возвышению молодого Лещинского во многом способствовали его отец и дядя. Еще в 1696 г. по воле отца Станислав принял должность старосты Одолановского. В 1697 г. оценивший его переход на свою сторону Август II сделал его в 1699 г. воеводой Познани. Произошли перемены и в личной жизни. 10 мая 1698 г. в Кракове Станислав вступил в брак с Екатериной (Катаржиной) Опалинской, дочерью старосты и кастеляна Яна Карла Опалинского. В следующем году на свет появилась их первая дочь Анна, которая умерла незамужней в 1717 г., а в июне 1703 г. родилась вторая дочь Мария, которой будет суждено стать королевой Франции. Союз молодых супругов основывался как на расчете, так и на взаимной глубокой симпатии. Долгие годы Станислав был верен жене, не замечая других женщин.

Тем временем, в Европе назревали две войны — Северная (1700—1721) и война за Испанское наследство (1701—1714). Как король Польши Август Сильный устраивал Империю и Россию, но никак не Швецию или Францию. Дипломатическая и военная «возня» вокруг Речи Посполитой крепко связала интересы всех коалиций в испанском и северном конфликтах. А сама она стала идеальной территорией для свободных прогулок любого иностранного войска и для его содержания за счет разобщенного во всех отношениях населения.

Во внутренней политике Август II пытался проводить централизаторскую политику, но традиции шляхетской вольницы оказались сильнее. Кроме короля и Речи Посполитой (Республики), действовавших, чаще всего, в противоположных направлениях, в стране существовали многочисленные фракции шляхты, возглавлявшиеся крупнейшими магнатами. Эти фракции проявляли самостоятельность и во внешнеполитических вопросах и нередко вступали в вооруженные конфликты друг с другом. Так, Великое княжество Литовское переживало гражданскую войну, и одна из воюющих сторон, возглавляемая магнатами Бенгтом и Казимиром Сапегами, не раз взывала к шведской помощи, поскольку сторонники Августа во главе с Григо-

рием Огинским и Михаилом Вишневецким одерживали в этой войне верх. Политическая анархия особенно усилилась во время Северной войны. Постоянная междоусобица была благодатной почвой для вмешательства иностранных дипломатов, и не только соседних государств. Польские магнаты часто ставили личные амбиции выше государственных интересов, и во время внешней опасности страна была не в состоянии организовать свою оборону. Что, собственно, и произошло при вступлении в Польшу армии «Северного Александра» — шведского короля Карла XII¹⁶.

В марте 1698 г. Август II заключил соглашение с датским королем Кристианом V, а в августе того же года провел тайное совещание с Петром I в Раве-Русской недалеко от Львова, где обсуждался план совместной наступательной войны против Швеции. Его сопровождал гетман Яблоновский, политическое влияние которого в Польше было весьма значимым. Наконец, 21 ноября 1699 г. представители Августа генерал Карлович и Паткуль подписали в Москве Преображенский союзный договор с Петром от имени саксонского курфюрста (Речь Посполитая присоединилась к Северному союзу только в 1704 году). Договор предусматривал взаимные обязательства в войне против шведов, ликвидацию шведского господства над восточной Прибалтикой, передачу Лифляндии и Эстляндии Августу II, а Ингрии и Карелии — России, для которой выход к Балтийскому морю был наиважнейшей задачей.

В феврале 1700 г. саксонские войска осадили Ригу, но вопреки ожиданиям Августа II ливонская знать его не поддержала. Наступление шведов в августе того же года вынудило Копенгаген заключить Травендальский мирный договор и отказаться от союза с польским королем. Сняв осаду Риги, Август отступил в Курляндию, что позволило Карлу XII перебросить часть своего войска по морю в Пернов (Пярну). 19 (30) ноября 1700 г. шведы нанесли тяжелое поражение русскому войску в сражении под Нарвой. После этого Карл XII решил не продолжать активные военные действия против русской армии, а нанести основной удар по войскам Августа II, намереваясь превратить Речь Посполитую в буферную зону между шведами и русскими. В июле 1701 г. шведские силы, не встретив серьезного сопротивления, пересекли Двину и заняли Ливонию. Затем последовало их вторжение на польскую территорию, приведшее к нескольким крупным поражениям армии Августа II. В 1702 г. была взята Варшава, одержаны победы под Торунью и Краковом, а в 1703 г. — у Данцига и Познани¹⁷.

После вступления Карла XII в Польшу там оформились три основные политические силы: во-первых, это сторонники короля Авгу-

ста, не желавшие подчиняться шведам. При этом они не были едины по стратегическим вопросам, ибо Август был даже согласен на раздробление польских земель при условии сохранения его власти и мог договориться об этом с кем угодно. Большинство членов его Государственного совета справедливо признавало, что Польшу легко победить, но трудно подчинить, и поэтому необходимо постоянно бороться и добиваться хоть видимости единства. Две другие группировки готовы были пойти на подчинение шведам, конечно, в собственных интересах — это партия Сапегов и шляхта, руководимая кардиналом-примасом Радзиевским. Карл же, подчинивший, но не могущий контролировать Польшу, желал любой ценой иметь здесь «собственного» короля. В этом заключалась его польская дипломатия уже с начала Северной войны — он заявлял, что новый король, в отличие от непокорного Августа, принесет полякам мир.

В начале войны Рафал и Станислав Лещинские, как и большинство магнатов и шляхты, не желали поддерживать внешнюю политику Августа, могущую усилить его власть в Речи Посполитой. Но против короля тоже не выступали. В 1702 г. Рафал, ставший подскарбием коронным, заметил: «Я поляк, равно как и мой сын..., и мы будем служить королю до тех пор, пока он правит в интересах народа». Тогда же старший Лещинский принял участие в переговорах с Карлом XII, превратившихся на деле в фарс. Польское посольство красноречиво пыталось убедить Карла не вступать на их территорию, и при этом просило отдать назад пушки, которые забрала у них саксонская армия и которые стали трофеями шведов. В конце аудиенции польские послы рассорились между собой и стали размахивать саблями. Тогда Карл в первый раз увидел, с кем ему придется иметь дело в Польше. Примас Михал Радзиевский поначалу тоже пытался быть посредником между обоими королями, но, в конце концов, выступил против Августа Сильного и на сейме в Люблине в 1703 г. перешел на сторону Швеции¹⁸.

В принципе, в первые годы XVIII в. еще никто в Речи Посполитой и за ее пределами не помышлял, что молодой Лещинский, находившийся в тени отца и дяди, наденет корону. Сам Станислав, конечно, тоже. С Карлом XII он впервые встретился на аудиенции в июне 1702 г. в Варшаве, куда он прибыл в сопровождении отца, примаса Радзиевского и других магнатов. Шведский король заявил послам, что не изменит своего решения о детронизации Августа. Он заметил молодого человека, деликатность и открытость которого ему понравились, и сказал приближенным: «Наконец, я познакомился с поляком, который будет моим другом!»¹⁹ Но делать королем познаньского воеводу Карл еще не думал.

Смерть отца в январе 1703 г., сделавшая его главой рода, и развитие событий многое изменили в судьбе Станислава. В конце 1703 г. в письме к Республике шведский король назвал удобную ему кандидатуру на трон — сына знаменитого короля Яна Собеского Якуба. Но Август немедленно арестовал Якуба Собеского и отправил в Саксонию. Карл, впрочем, не особенно огорчился, бросив знаменитую фразу: «Ничего, мы состряпаем полякам другого короля»²⁰. И предложил польский престол брату Якуба Александру, который и принес в Варшаву новость о заключении старшего Собеского с просьбой о помощи. Но Александр отказался от сомнительной чести перебежать дорогу брату. А когда Карл предложил корону стороннику Собеских старому магнату Опалинскому, тот не принял ее даже под угрозой лишения своего имущества. Шведский король и генерал Арвид Хорн, которого он оставил в Варшаве во время своих военных «польских прогулок» 1703—1704 гг., уже отчаивались найти «подходящего поляка». Выход был найден в лице молодого познаньского воеводы, по-

нравившегося Карлу. Михалу Радзиевскому, который предпочитал видеть на польском троне иностранца, пришлось смириться с этой кандидатурой.

И здесь возникает вопрос, который историки либо обходят, либо освещают очень скупо: почему Станислав согласился принять корону? Чтобы ответить на него, надо попытаться взглянуть на происходившее его глазами. Честолюбие не будем сбрасывать со счетов, но не оно было главным в этом историческом решении. Большую роль в том, что Станислав согласился стать королем, сыграл его провиденциализм, позже проявившийся в его высказываниях и сочинениях. Отсюда его склонность повиноваться судьбе и братья за дело, которое ему предлагают. Врожденная интеллигентность только дополняла эту его особенность. И, разумеется, немалое значение имел его опыт познания. Путешествуя по Европе и общаясь с разными людьми, он, возможно, не видел особой опасности для Польши временно идти в русле шведской политики. Ведь шведское государство второй половины XVII — первой половины XVIII в. было своеобразным политическим феноменом. Экспансия шведов в Северо-Восточной Европе и Германии радикально отличалась от имперской экспансии других государств раннего Нового времени в том, что она не являлась более или менее спонтанным выбросом энергии, генерированной экономически, политически и духовно превосходящими, либо обделенными слоями общества, а была ответом на внешние изменения. Швеция была империей по необходимости, результатом политики центральных властей. Личная инициатива не играла здесь никакой роли, и шведы почти не эксплуатировали завоеванные территории на Балтике и в Германии в экономических целях ²¹.

Еще важно то, что молодой Лещинский являл собой тип образованного, мыслящего патриота своей родины, мечтавшего о ее процветании. В этом плане влияние на него мог оказать и дядя Ян Станислав Яблоновский, который сначала поддерживал Августа, а затем стал приверженцем своего племянника. Примечательно, что Август II приказал арестовать Яблоновского и заключил в крепость Кенигштайн. После освобождения из заключения Яблоновский оставил политическую деятельность и занялся сочинительством. Он писал о недостатках современной ему польской жизни, осуждал принцип *liberum veto*, из-за которого Польша грозит большие неприятности, и призывал своих соотечественников «освободиться от грехов» и произвести улучшения во всех сферах жизни.

В любом случае, первый раз Станислав стал королем по чистой случайности. Он был образованным человеком из знатной семьи, с безупречным прошлым, но еще не обладал влиянием и не успел проявить характер. Молодой человек показался шведскому королю подходящей фигурой на должность марионеточного правителя Польши. При этом сам Лещинский полагал, что королем он будет временно, до освобождения Якуба Собеского из заключения.

14 января 1704 г. созданный в Варшаве Радзиевским сейм при обещании выплаты 500 000 талеров, подкрепленной угрозой шведского оружия, объявил Августа низложенным за вступление в войну против Швеции без согласия Республики. Началось бескорольевье, а вместе с ним и выборы нового короля. Среди кандидатов опять всплыло имя принца Конти, из поляков на должность короля, помимо Лещинского, претендовали великий гетман коронный Иероним Любомирский и воевода витебский и великий гетман литовский Сапега. Карл XII возложил ответственность за выборы на Хорна, а сам оставался в предместье Варшавы Блони. Перед выборами Станислав заявил: «Только свободный голос народа может вознести меня на трон — иначе, что станет с нашей свободой, если Карл просто назначит

меня королем?» На это генерал Хорн ответил, что его господин просто считает его лучшим кандидатом, способным избавить Польшу от неприятностей²².

Историк Анджей Загорский полагает, что выборы Лещинского являлись комедией и фарсом при участии шведской армии, нескольких подкупленных сенаторов и пьяной шляхты. Это было действительно так, многие магнаты выборы просто проигнорировали. Например, Радзиевский, обидевшись на то, что при выборе короля шведы не прислушались к его мнению, сказался больным, а после выборов заявил, что они не были свободными. 12 июля 1704 г. Станислав Лещинский был избран польским сеймом королем Речи Посполитой. Когда епископ Познаньский Николай Швенцицкий трижды прокричал его имя и трижды спросил присутствующих, согласны ли они иметь королем этого человека, зал ответил троекратными выкриками «виват» и подбрасыванием шапок в воздух. Хорн перестраховался: в толпу шляхтичей он запустил больше ста переодетых шведов, громко кричавших на латыни «виват, король Станислав!»

Второй король Речи Посполитой не имел ни денег, ни хорошей армии, поэтому попросил Карла ссудить ему 300 тыс. риксдалеров на содержание войска, с которым он вместе со шведами может предпринять поход в Саксонию и «утвердиться в любви своего народа». Но ни денег, ни армии Станислав пока не получил — шведский король хотел выждать и посмотреть, как он будет вести себя до коронации, чем совершил немалую ошибку. Карл оттолкнул от себя многих видных поляков, которые, подобно Иерониму Любомирскому, уже на следующий день после выборов задумались, а не переметнуться ли опять к Августу. Сейм, собравшийся в Сандомире, организовал Сандомирскую конфедерацию, объединившую сторонников Августа II и объявившую о непризнании Станислава Лещинского королем. Все это происходило в условиях ожесточенных междоусобиц и под воздействием угроз, подкупа, а также лестных обещаний преследующих свои интересы соседних держав — России, Швеции и Пруссии, вступавших в переговоры сразу со всеми польскими группировками. При этом Швеция и Россия являлись непримиримыми противниками, а Пруссия, связанная обязательствами в войне за Испанское наследство со Священной Римской империей и Морскими державами, оставалась нейтральной.

В августе 1704 г. был заключен Нарвский договор между Петром и Августом о союзе против Швеции, согласно которому Речь Посполитая официально вступала в войну на стороне Северного союза. Вместе с Саксонией и сторонниками Августа Россия развернула военные действия на польской территории. В сентябре того же года Августу удалось совершить внезапный рейд из-под Львова на север и взять Варшаву. Он пленил весь немногочисленный столичный гарнизон вместе с Хорном, но Лещинскому со 150 всадниками охраны удалось бежать. Коронная армия отказалась его поддержать, а Любомирский открыто перешел на сторону Августа²³.

Лишь после вторичного взятия Варшавы шведами состоялась торжественная коронация Станислава I. Кардинал-примас в надежде исправить положение рассчитывал на римскую курию, но та фактически повернулась спиной к польским проблемам. Поэтому Радзиевский, прикрываясь тем, что выборы Лещинского нарушали традицию, передал функции коронации другому лицу. 4 октября 1705 г. львовский епископ Йозеф Зелинский возложил золотую корону на чело Станислава и вручил ему скипетр. Эти регалии были специально изготовлены на средства полевой армии шведов для нового короля (еще одна корона предназначалась для королевы) взамен древних, которые забрал с собой Август Сильный. Станислав стал называться «Бо-

ждей милостью королем Польским, великим князем Литовским, Русским, Прусским, Мазовецким, Жмудским, Ливонским, Смоленским, Северским и Черниговским». После коронации королевские регалии увезли в шведскую Померанию. Лещинский сознавал непрочность своего положения и, принимая корону, втайне от Швеции дал Собеским письменное обязательство передать ее Якобу после его освобождения. Но ему пришлось просидеть на троне 5 лет вплоть до Полтавского сражения 27 июня 1709 г., после которого он без затруднений пошел навстречу желаниям Петра I и отказался от короны. Унижения, которые ему пришлось перенести за это время, прежде всего от своего покровителя, он принимал и как гордый шляхтич, не имевший права отказаться от избранного пути, и как философ-стоик с присущим ему провинциализмом.

В ноябре 1705 г. между Карлом XII и Станиславом Лещинским был заключен союзный договор, согласно которому Карл, в частности, обязывался при условии победы над Россией вернуть Речи Посполитой территории, утраченные ею в последней войне. Это означало, что Польше могли быть возвращены земли, которые, согласно Андрусовскому перемирию 1667 г. и «Вечному миру» 1686 г., перешли к России. Но политический раскол в Польше не позволил шведскому королю достичь там полного господства — надо было заставить Августа отречься от польской короны. 3 февраля армия шведского фельдмаршала Реншельда, насчитывавшая 12 тыс. солдат, нанесла поражение у Фрауштадта 30-тысячной саксонской армии, включая 1 500 русских. В июле того же года Карл XII вторгся в Саксонию²⁴.

24 сентября 1706 г. был опубликован манифест шведского короля, расположившегося в Альтранштедте (несколько миль от Лейпцига), согласно которому война приостанавливалась на 10 недель. Параллельно Карл XII стал грозить Августу лишением уже не только статуса польского короля, но и саксонского курфюрста. Скоро в городе появились послы Августа II Пфлингстен и Имгоф с полномочиями вести со шведами переговоры и подписать договор о мире. Требования шведского короля включали отречение Августа от польской короны в пользу Станислава Лещинского, выход из всех союзов против шведов, разрыв отношений с Россией, освобождение плененных им членов «шведской партии», расположение шведской армии на зимние квартиры в Саксонии и ряд других моментов. 13 октября договор, означавший полную капитуляцию Августа, был подписан. В парафировании мирного договора чисто символическое участие принял и Станислав. Во время одного из торжественных обедов Карл хотел намеренно столкнуть обоих королей, заставляя Августа подойти к «сопернику» и пожать ему руку. Чтобы избежать неловкости Станислав, сделав приветственный жест издали, поспешил удалиться. В апреле 1707 г. Август формально поздравил его с принятием польской короны²⁵.

Произошедшие события породили целую волну международных дебатов и разнообразных вариантов политических группировок и союзов в дальнейшем. На период осени 1706 — весны 1707 г. Альтранштедт стал центром пристального внимания всей Европы. В сложившейся военно-политической ситуации того времени Станислав Лещинский, а не Август Сильный, оказался наиболее приемлемой фигурой в роли польского короля для стран — участников параллельной войны за Испанское наследство. Ведь их главной целью в случае, если Карл XII не станет их союзником, было, по крайней мере, нейтрализовать шведов и направить их силы в любую другую сторону — лишь бы подальше от военных действий на Западе.

Однако Карл XII ясно шел к конфликту с Империей, заявив, что никакого марша на Москву не будет. Поначалу предложения Версаля

о сотрудничестве были восприняты им благосклонно, но вскоре ситуация изменилась. В апреле 1707 г. в Альтранштедт прибыли имперский посол князь Вратислав и главнокомандующий силами Великого союза Великобритании, Нидерландов и Империи герцог Мальборо, а в мае французский командующий герцог Виллар предпринял наступление в Нидерландах. Тогда же трансильванский князь Ракоци выступил против Вены, в чем проявилась традиционная восточная политика Франции. Расхождение интересов Ракоци и Карла в Речи Посполитой привело к отклонению последним предложений французов. Согласись Карл XII направить свой удар против Империи, а не Петра, Франция, вероятно, вышла бы абсолютным победителем в войне за Испанское наследство и стала гегемоном в Европе. Конечно, шведский король не желал этого, да и интересы его лежали в иной плоскости. Поэтому в Альтранштедте выиграла в итоге не французская дипломатия, а герцог Мальборо, направивший шведов на восток. Великобритания одной из первых признала королем Польши Станислава Лещинского²⁶.

В связи с отказом от трона Августа Сандомирская конфедерация испытывала большие затруднения: многие из ее членов пошли на компромисс с Лещинским. Как заметил польский историк А. Камински, соединение эмансипационных стремлений Августа с намерениями Республики могло бы создать преграду вмешательству царя в польские проблемы. Но конфликт между «золотой свободой» и коронной помешал этому и предоставил возможность Петру I, играя роль посредника, навязать польским партиям свою волю. В марте 1707 г. в Жолкиеве у Львова ему удалось предотвратить распад Сандомирской конфедерации и возобновление союза 1704 года. Попутно русский царь поочередно предлагал на польский трон кандидатуры Александра Меншикова, своего сына Алексея, Якуба Собеского, Михала Вишневецкого, имперского главнокомандующего принца Евгения Савойского и даже князя Ракоци. Первые две кандидатуры были сразу отвергнуты польскими магнатами, а Вишневецкий летом 1707 г. перешел на сторону Лещинского²⁷.

В этих обстоятельствах Станислав, веря в договор 1705 г. с Карлом XII, надеялся на лучшее и, как мог, помогал своему покровителю. Иного выхода он не видел. Еще до того, как шведский король твердо решил двинуть свою армию в Россию, Лещинский стал готовить там «пятую колонну». Письма княгини Анны Дольской, по первому мужу Вишневецкой, свидетельствуют, что уже в конце 1705 г. появился замысел перехода украинского гетмана Ивана Мазепы на сторону шведов. Впрочем, Мазепа не спешил вступать в открытую борьбу за «волю Украины» под шведским флагом. Сначала получаемые им от Станислава Лещинского письма он пересылал Петру I. Так, когда Мазепа в сентябре 1705 г. находился в лагере под Замостьем, к нему прибыл тайный посланник польского короля Франтишек Вольский. Выслушав Вольского, Мазепа приказал его арестовать и допросить, а привезенные письма отослать царю. Но параллельно Мазепа начал двойную игру. Прибыв в ноябре 1705 г. в Дубно на Волыни, гетман посетил Белую Криницу, где встретился с Анной Дольской, а по возвращении в Дубно велел своему генеральному писарю Орлику послать княгине шифр для дальнейшей переписки. В конце 1707 г. к нему прибыл иезуит Заленский с универсалом от Лещинского. В нем говорилось, что для «преславного казацкого народа» пришла пора сбросить с себя ярмо чужого и несправедливого господства и возвратиться «к давним свободам и вольностям под отеческое и наследственное господство польского королевства». Заметно, что Станислав не рассматривал Мазепу как равноправного партнера по переговорам, а обращался и к нему и ко всему войску Запо-

рожскому как «польский король, правдивый от веков государь Украины» к своим подданным, как «милосердный отец к блудным сыновьям», которые должны вернуться под его власть.

Согласно сообщению лютеранского пастора и придворного проповедника Карла XII Нордберга, в октябре 1707 г. у короля Станислава был тайный посланец от гетмана, который сообщил, что «Мазепа предлагает королю польскому и шведскому свое содействие и... обещает устроить мосты для шведского войска, если короли станут покровительствовать его намерениям. Московское войско, которого будет в Украине тысяч шесть или семь, будет истреблено». Договор Мазепы с Лещинским предусматривал, что вся Украина с Северским княжеством, Черниговом, Киевом и Смоленском присоединится к Речи Посполитой, а гетман будет вознагражден княжеским титулом, а также Полоцким и Витебским воеводствами на правах, какими обладал герцог Курляндский. Фактически Мазепа и Лещинский вернулись к идеям Гадячского договора 1658 г. между Гетманщиной и Польшей, в очередной раз планируя создание Речи Посполитой трех народов²⁸.

Поскольку сторонники Августа II в Польше не признали Станислава королем и не порвали союза с Россией, в 1707—1709 гг. он не отправился с Карлом XII в поход на восток, как предполагалось ранее, и не соединился с Мазепой. Король был вынужден оставаться на родине и держать при себе шведский корпус генерала Эрнста фон Крассова. 8 июля 1709 г. шведы потерпели сокрушительное поражение от Петра I под Полтавой. Нельзя сказать, что эта новость для Станислава стала неожиданной — он видел, как сложно удерживать власть в Речи Посполитой и ему, и шведам. После отречения Лещинского от трона Сандомирская конфедерация отменила все постановления его правления, в том числе и в пользу диссидентов²⁹. Политика веротерпимости, за которую ратовал не чуждый идеям развивавшегося Просвещения король, оказалась в Польше неприемлемой.

В целом, два крупных военных конфликта первой четверти XVIII столетия выявили как своих победителей, так и жертв. Одной из последних и явилась Речь Посполитая, которая, тем не менее, изрядно истощив шведов на своей территории, отвела угрозу выступления Карла XII на западе и отвлекла его от более жесткой и прямой борьбы с Россией.

Станислав бежал с семьей в померанский Штеттин, а оттуда в Швецию, поселившись в городе Кристианстад. Семья Лещинских была популярна в Швеции, их часто приглашали на приемы, а Екатерина Лещинская подружилась с вдовствующей королевой Гедвигой Элеонорой. С позволения еще отчаянно цеплявшегося за войну Карла XII в 1714 г. они переехали в княжество Цвайбрюккен, которое шведский король предоставил Станиславу во владение. В 1716 г. саксонский офицер Лакруа совершил покушение на Лещинского, которого спас Станислав Понятовский — по иронии судьбы, отец последнего короля Польши Станислава II Августа Понятовского (правил в 1764—1795 гг.).

Несмотря на то, что для Швеции война уже превратилась в оборонительную и шла на ее собственной территории, Карл XII в 1717 г. начал свой последний поход против Норвегии. 3 мая 1718 г. на Аланских островах между Швецией и Россией начались мирные переговоры. Однако это не могло ни спасти уже никем не поддерживаемого, но по-прежнему непримиримого короля, закончившего свой жизненный путь в Норвегии у крепости Фредриксхаль в 1718 г., ни предотвратить распад Шведской империи. В январе 1719 г. Лещинский был вынужден покинуть свое княжество и просить герцога Лотарингии Леопольда I об убежище, после чего с разрешения Версаля поселился в Виссембурге (Висамбуре) в Эльзасе. Скоро судьба улыбнулась по-

верженному скитальцу — в 1725 г. его дочь Мария стала невестой юного французского короля Людовика XV. После свадьбы Станислав с женой перебрался в замок Шамбор³⁰.

Опека Лещинского Францией органично вписывалась в русло дипломатии Версаля. Еще во время войны за Испанское наследство послы Людовика XIV стремились склонить на свою сторону шведов, чтобы с их помощью восстановить былое преобладание Франции на континенте. Тем не менее, в своих стараниях разрушить тонкую стену, пока еще отделявшую конфликты на западе и на востоке, Франция обращала внимание не только на Швецию, но и на Россию. В рамках дипломатической практики французской внешней политики XVII—XVIII вв. — «Восточного барьера» — Версаль стремился поддерживать связи со странами, находившимися на периферии Вестфальской системы — Швецией, Польшей, Османской империей. В XVII в. это позволяло обезопасить Францию от войны с австрийскими и испанскими Габсбургами, а в XVIII в. ее Департамент иностранных дел обратил внимание на Россию, в частности, на ее политику в Речи Посполитой. Как писал Вольтер в предисловии к «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759—1763), для Европы открытие России в XVIII в. было сопоставимо с открытием Америки.

Поэтому еще в Альтранштедте французский представитель Безенваль, стараясь добиться посредничества Швеции на Западе, пристально наблюдал за поведением русских послов. Возможность вступления Петра в Великий союз вынудила тогда Версаль направить Порту и крымских татар против России. Параллельно французская дипломатия старалась навязать свое посредничество в русско-шведском конфликте с условием — чтобы иметь мир со Швецией, Россия должна признать Лещинского, а, следовательно, и шведские завоевания в Польше³¹. Теперь же, после падения Шведской империи и отречения второго польского короля, Версаль просто был обязан предоставить ему достойное убежище. И, как будет видно из дальнейших событий, рассматривал его фигуру как козырную карту в европейской политической игре.

Брак между Людовиком XV и Марией Лещинской состоялся, когда жениху было 15 лет, а невесте — 22. Восьмилетней испанской инфанте Марии-Анне-Виктории, с которой Людовик XV обручился в 1722 г., было еще рано выходить замуж. В окружении короля опасались, что он умрет без потомков, поэтому надо было найти жену, которая могла бы ему быстро родить сына. Департамент иностранных дел выбрал 99 европейских незамужних принцесс, из числа которых реально на французский престол могли претендовать лишь семнадцать.

Когда портрет Марии Лещинской был представлен королю, Людовик не смог скрыть своего восхищения и объявил Совету, что женится на полячке. Считается, что кандидатура дочери уже не правящего монарха была выбрана для того, чтобы не втянуть Францию в какую-либо политическую коалицию. С другой стороны, распространена точка зрения, что этот союз устроили Луи IV герцог де Бурбон-Конде, который после смерти Регента Филиппа Орлеанского в 1723 г. стал первым министром короля, и его возлюбленная маркиза де При с целью сохранить и упрочить свое влияние. Маркиза внушила герцогу мысль расстроить женитьбу короля на инфанте в пользу более зрелой супруги и отправила художника Пьера Робера в Виссембург написать портрет Марии. Когда художник отослал холст во Францию, семья Лещинских с трепетом стала ожидать приговора министра.

Станислав был удивлен и восхищен честью, не соответствовавшей значению его дома, и давал дочери такие советы: «Отвечайте на упования короля полным вниманием к его персоне, абсолютным повиновением его желаниям, доверием к его чувствам и вашей природной добротой к его стремлениям. Старайтесь всем сердцем угодить

ему, повинуйтесь со всем удовольствием, избегайте того, что может доставить ему малейшее огорчение, и пусть единственным объектом ваших забот станет его драгоценная жизнь, его слава и его интересы». Станислав рассуждал как частный и честный человек, а герцог Бурбон-Конде и маркиза де При надеялись иметь от Марии куда больше, чем почтительность к супругу, рассчитывая, что она окажется в их власти. Кроткая и благочестивая молодая королева с умеренным честолюбием столкнулась с запугиванием и с огорчением и изумлением наблюдала другую сторону ее возвышения. Впрочем, это длилось недолго — в 1726 г. герцог был удален от дел ³².

Несмотря на эти неприятности, поначалу брак был счастливым. Мария родила Людовику 10 детей, но спустя время разница в возрасте и склонность короля к развлечениям разрушили их союз. В придворной жизни Версаля с 1730-х гг. Мария была оттеснена на второй план, а ключевую роль при дворе и нередко в политике играли сменявшие друг друга молодые фаворитки Людовика XV. Но именно в эти годы дом Лещинских приобрел особую международную значимость.

1733—1735 гг. были для Станислава временем поисков, нового обретения, защиты и одновременно утраты польской короны. Это наиболее известный и исследованный в литературе этап его жизни, когда в его деятельности доминировали политические, военные и дипломатические проблемы.

Вечером 11 сентября 1733 г. на широком поле под Варшавой, где собралось до 60 тыс. шляхты на конях, под проливным дождем в течение 8 часов первое лицо в Речи Посполитой после смерти короля примас — архиепископ Гнезненский Теодор Анджей Потоцкий — объезжал ряды блиставших доспехами и гремящих оружием всадников, громкими криками выражавших свою волю. Большинство голосов был избран Станислав Лещинский. Примас торжественно произнес: «Так как Царю царей было угодно, чтобы все голоса единодушно были за Станислава Лещинского, я провозгласил его королем Польским, великим князем Литовским и государем всех областей, принадлежащих этому королевству...». Такой выбор не был делом случая — все тщательно готовилось заранее. 1 февраля 1733 г. скончался Август II Сильный. А уже в апреле-мае того же года Теодор Потоцкий созвал конвокационный сейм, провозгласивший исключение иностранных кандидатов на польский трон ³³. Это были, в сущности, последние свободные выборы польского короля в истории.

Вопрос о новом короле Речи Посполитой обсуждался правительствами европейских стран еще задолго до смерти Августа II. Никто кандидатуру *vivente rege* (выборы короля при жизни предыдущего) не готовил так долго и тщательно, как это делала в 1731—1732 гг. французская дипломатия. Симпатии к Станиславу Версаль подкреплял большими суммами (было уплачено 3 млн ливров), и французскому послу Монти удалось склонить на сторону нужного кандидата влиятельные кланы Потоцких и Чарторыйских. Интересы Франции в Польше и, соответственно, кандидатуру Лещинского поддерживали Испания, Королевство Сардиния, Швеция и Турция.

Еще в декабре 1732 г. в Берлине между Россией, Австрией и Пруссией был подписан договор, по которому стороны обязывались сохранять внутреннее устройство Польши и не допускать на ее престол ставленника Франции. В качестве нового польского короля предлагалась кандидатура португальского принца Эммануэля. Но этот договор в действие так и не вступил: венский двор его не ратифицировал, да и португальский принц не имел никаких шансов на престол Польши — только партия единственного и законного сына и наследника Августа Сильного саксонского курфюрста Фридриха Августа могла реально противостоять Станиславу Лещинскому и его сторон-

никам. Россия, Австрия, а также Дания твердо стали на сторону саксонского курфюрста, который, в отличие от отца, признал 25 августа 1733 г. императорский титул за Анной Иоанновной, а по получении польского престола обязался добиться его признания и в Речи Посполитой. Кроме того, он обещал не претендовать на Лифляндию и сохранить старый образ правления в Курляндии и Польше. По договору с Австрией от 17 июля 1733 г. Фридрих Август отказался от прав на наследство Габсбургов и признал Прагматическую санкцию, разрешавшую наследование трона в Вене по женской линии. Пруссия в разгоравшемся конфликте заняла двойственную позицию, опасаясь усиления влияния России в Прибалтике и германских княжествах, а также имея виды на часть польских земель³⁴. Великобритания и Нидерланды придерживались нейтралитета, хотя британская пресса, подробно освещая события накануне и во время войны за Польское наследство (1733—1735), симпатий к Станиславу не проявляла. Так, летом 1733 г. «Лондонский журнал» сообщал, что «нейтралы в Польше будут голосовать за любого, кроме короля Станислава...», и что русская армия генерала Ласси «вступила в Литву и марширует в Польшу»³⁵.

Перед Людовиком XV стояла задача не только обеспечить Станиславу выигрыш на выборах, но и сделать так, чтобы он появился над Вислой раньше, чем его конкурент. Поэтому он отправил к польским берегам эскадру в составе девяти кораблей, трех фрегатов и корвета под командой графа де ля Люзерна. Официально считалось, что эскадра будет конвоировать корабль «Le Fleuron», на борту которого будет находиться Станислав. Но в ночь с 27 на 28 августа в Бресте на «Le Fleuron» поднялся шевалье де Трианж в костюме претендента на польский трон, а сам Лещинский отправился в Польшу инкогнито по суше. В заблуждение была введена вся Европа и даже вездесущая британская пресса, сообщившая о прибытии Станислава на корабль. Сам он добирался в родные края через Мец, Дюссельдорф и Берлин под именем Эрнста Брамбака, приказчика купца Георга Бавера, в роли которого выступал шевалье Данделот. В Варшаве Станислав остановился в доме де Монти, а 9 сентября неожиданно появился в костеле Святого Креста, что шляхта восприняла с энтузиазмом³⁶.

После избрания Лещинского Версаль посчитал свою миссию выполненной, и французские корабли, стоявшие на рейде в Копенгагене, отправились обратно в Брест. Но судьба Станислава была решена не в Варшаве.

Несогласные с этим выбором ушли на другой берег Вислы в предместье Прагу. Меньшинство шляхты и магнатов отправило в Россию «Декларацию доброжелательности» с призывом защитить «форму правления» в Речи Посполитой. В числе «доброжелательных» были: маршалок великий коронный Юзеф Мнишек, епископ Краковский Ян Липский, Радзивиллы, Любомирские, Сапеги и др. Петербург получил реальный повод для вмешательства, чем и не замедлил воспользоваться. В Польшу было решено ввести уже стоявший на границах «ограниченный контингент» войск из 18 полков пехоты и 10 полков кавалерии, плюс иррегулярные силы (13 тыс. казаков и 3 тыс. калмыков) общей численностью 30 тыс. солдат. Эту армию возглавил губернатор Лифляндии генерал-аншеф Пётр Ласси. 20 сентября он вошел в предместье Варшавы Прагу, а 24 сентября противники Лещинского в количестве 1 тыс. человек избрали на престол Фридриха Августа Саксонского под именем Августа III. Так началась война за Польское наследство³⁷.

22 сентября Лещинский в сопровождении посла Монти и своих сторонников бежал из Варшавы и укрылся в Данциге (Гданьске). Было образовано несколько конфедераций по всей Речи Посполитой, которые начали гражданскую войну со сторонниками Августа III. Но Станислав, понимая, что они вряд ли способны противостоять русской

армии, рассчитывал на французскую помощь. Решение проблемы он видел во вторжении французских сил в Саксонию: тогда его зять сможет сделать с Августом III то же самое, что в свое время сделал Карл XII с Августом II, то есть заставить отказаться от короны Польши. Опытный человек, знавший ситуацию на родине, он писал дочери Марии: «Если король Людовик не овладеет Саксонией, то я буду вынужден покинуть Польшу и возвратиться во Францию». Он помнил, что Август II больше дорожил Саксонией, нежели польской короной, и вполне оправданно полагал, что и его сын думает так же. И если у России и Австрии не окажется приемлемого кандидата, то у него есть шанс утвердиться в Варшаве.

Тем временем Август III с корпусом саксонцев (10 тыс. чел.) вступил в Польшу и 1 января 1734 г. короновался в Вавельском соборе. Желал ли Людовик идти в Саксонию или нет, но к Данцигу эскадру послал. Ласси опередил его, начав осаду города 22 февраля 1734 г. всего с 12 тыс. человек. По мнению Ласси, снабженный хорошей артиллерией Данциг нельзя было штурмовать с такой ничтожной артиллерией и армией, как та, что была в его распоряжении. Осторожность его не понравилась в Петербурге, и в марте Ласси на посту командующего русско-саксонскими силами сменил фельдмаршал Буркхарт Христофор фон Миних — скорее талантливый инженер-гидротехник, нежели полководец. Впоследствии и Миних получил упреки за долгую осаду и за допущение бегства Лещинского из города. Оправдываясь, фельдмаршал писал: «В Данциге было 30 000 вооруженных войск, я же не располагал и 20 000, чтобы вести осаду, а между тем линия окружения крепости простиралась на девять немецких миль» (1 немецкая миля составляла примерно 8 км). Тем временем, английская печать сообщала, что город окружен почти 100 тыс. опытных солдат³⁸.

В условиях осады Станиславу Лещинскому приходилось нелегко. Польский гарнизон с учетом ополчения и шведских волонтеров насчитывал примерно 40 тыс. чел., но реально боеспособных солдат было около 15 тысяч. При этом магистрат города вынес решение, что за размещение и кормежку солдат платит сам король, хотя горожане готовы были помочь ему с провизией. Станислав вел себя деликатно и с присущим ему терпением ожидал французской помощи в количестве 4—9 тыс. человек. Примас же публично заявил, что «не сдвинется с места, даже если обстоятельства сложатся не так, как хотелось бы»³⁹.

Тем временем Миних опубликовал манифест, в котором декларировалось, что все сторонники Лещинского будут считаться врагами своего Отечества, если в течение 14 дней не перейдут на сторону Августа, а король Станислав должен покинуть город. Ожидаемой реакции на этот Манифест не поступило. Расположив свою артиллерию на холмах, Миних стал бомбить Данциг, производя 60 выстрелов в сутки ради экономии, и получая в ответ из осажденного города 200 выстрелов. Как замечали современники, почти все ядра разрывались в воздухе, а сам Миних признавался, что эти обстрелы «более страшат, чем вредят»⁴⁰.

Несмотря на ряд тяжелых боев у стен Данцига, город держался. В апреле Ласси обеспечил безопасность коммуникаций русской армии, разбив сторонников Станислава под командованием воеводы Любельского Тарло и каштеляна Чирского Радзинского. Но штурм форта Хагельсберга перед главными южными воротами Данцига 9 мая закончился для осаждавших полной неудачей. У Лещинского оставалась связь с морем по рукаву Вислы, где у впадения реки в море находился форт Везельмюнде. Это позволяло получать снабжение от шведов и дожидаться обещанного французского десанта. Как раз в день неудачного штурма Хагельсберга французская эскадра адмирала Жана-Анри Берейла (Барая) встала на рейде Данцига. Но война за

Польское наследство имела европейский масштаб и велась не только в восточном направлении. Параллельно Версаль активно воевал в Италии, что, разумеется, распыхало его силы. К тому же Швеция и Турция, несмотря на дипломатию министра иностранных дел кардинала Флери, занимали выжидательную позицию, что охлаждало пыл французов. И на полуострове Вестерплатте — небольшой территории между Везельмюнде и морем — высадились всего 3 пехотных полка бригадира Ламотта де Лаперуза, насчитывавших 2400—2500 человек ⁴¹.

Полки поступали под командование Лещинского и маркиза де Монти, который приказал Ламотту сесть на заготовленные суда на Висле и идти в Данциг. Сам флот должен был крейсировать у Пилау для пресечения доставки вооружения и припасов к осадной армии. Французский десант считал этот план опасным и выступил против отплытия флота в Пилау, чтобы иметь последнюю возможность для спасения короля Станислава в случае падения города. Берейл поддержал это мнение, заявив о скором подходе второй эскадры, после чего он смог бы эффективно противодействовать русскому флоту. В ночь с 14 на 15 мая французский отряд тихо сел на корабли и флот отплыл к Копенгагену, что вызвало отчаяние в городе. Посоветовавшись со Станиславом, Монти срочно написал рапорт Людовику XV о возмутительных действиях Ламотта: «Европа убедилась, что Ваше Величество выслал войска только для видимости, собираясь пожертвовать Данцигом и его бедными горожанами». В результате французский посол в Копенгагене де Плело, дождавшись подхода кораблей, посоветался с офицерами, и 20 мая эскадра вместе с ним повернула обратно к Данцигу ⁴².

Второй раз французская эскадра появилась у заблокированного города 24 мая. Небольшой отряд полковника Юрия Лесли (1 тыс. чел.) оказался зажатым между десантом и гарнизоном города. К несчастью для защитников Данцига, французы потратили два дня на обустройство лагеря, и за это время к Миниху прибыл саксонский 7-тысячный корпус герцога Саксен-Вейссенфельского. Атака Ламотта на русские укрепления 27 мая закончилась неудачей: проводник провел солдат по болотам и вывел прямо на русские позиции. В результате французы, замочившие в болотах патроны, были разбиты. Одним из первых был убит граф де Плело, на теле которого насчитали около 20-ти пулевых и штыковых ран. Параллельно 2 тыс. поляков попытались атаковать левый фланг русских, но были отбиты и отступили обратно в город. В этом бою русская и саксонская артиллерия впервые с начала осады выпустила больше снарядов, чем гарнизон — 539 против 300 ⁴³.

12 июня к Данцигу подошел русский флот адмирала Гордона в составе 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и 7 других судов. Неудивительно, что Берейл отошел к Копенгагену, едва только узнал о приближении Гордона. Ламотт попросил трехдневного перемирия, в ходе которого были утверждены условия капитуляции, а 24 июня французы сдались. В этот же день сдался и польский гарнизон Везельмюнде под командованием капитана Пацерна. Положение Данцига стало безнадежным, и 28 июня магистрат города начал переговоры о капитуляции. Главным условием русской стороны была выдача Станислава Лещинского и посла де Монти.

30 июня 1734 г. Данциг капитулировал и присягнул королю Августу. Но еще 29 июня, поняв, что магистрат склоняется к его выдаче, Станислав Лещинский бежал из города в одежде простолюдина. Горожане выдали Миниху французских агентов, примаса Потоцкого и графа Станислава Понятовского. На город была наложена контрибуция в 2 млн талеров, в том числе 1 млн за побег Станислава. В плен сдались де Монти, подскарбий великий коронный граф Франтишек Оссолинский, печатник Сераковский, сеймовый маршалок Рачевс-

кий и комендант генерал-майор Штайнфлихт, 1197 наемников, 2147 французских солдат и офицеров и 5 коронных полков. Но на верность новому королю присягнуло всего 936 человек. 21 июля Данциг посетил Август III, который в сопровождении Миниха поднялся на борт бомбардирского корабля «Дондер». А в декабре 1734 г. французы, за исключением Монти, которого Анна Иоанновна считала лично виновным в военном столкновении России с Францией, были отпущены на родину. Монти освободили только по просьбе императора Карла VI в конце 1735 года ⁴⁴.

Некоторое время о Станиславе не было слышно, по Польше ходили слухи, что он бежал в Турцию. Объявился же он в Кенигсберге, где прусский король Фридрих Вильгельм I предоставил ему для пребывания свой дворец. Даже в крестьянской одежде, прячась от чужих глаз, Станислав не терял надежды на успех своего дела и не утратил силы духа. Он часто общался с Богом и верил, что Всевышний его не оставит, о чем свидетельствуют его записки об этом тяжелом периоде его жизни. Он говорил: «Возвращаясь,... я целиком отдаю свою судьбу в руки Провидения...» ⁴⁵.

Фридрих Вильгельм I принял его по-королевски, надеясь выторговать у своего гостя в случае успеха часть территорий Курляндии или Поморья. Кроме того, в Польше продолжали борьбу его многочисленные сторонники. Воевать с ними приходилось, в основном, саксонцам, поскольку русские войска стали гарнизонами в Северной и Центральной Польше, а Ласси был отправлен на Рейн в помощь Австрии. Не прекратил сопротивления Адам Тарло, который в начале февраля 1635 г. с 6—7 тыс. чел. двинулся в Калиш, чтобы соединиться с Лещинским. Несмотря на прибывшие подкрепления саксонцев и поляков, ему удалось добиться определенных успехов в районе Калиша и Познани. Но благодаря поддержке Ласси, который послал к Ченьстохову 12 тыс. солдат, объединенные русско-саксонские силы разбили в ряде боев Тарло, а также отряды Радзинского и Загвойского. Вспышка партизанской борьбы имела место и в северных воеводствах, но вскоре тоже была потушена. Однако стоит заметить, что воины Станислава большей частью занимались грабежом имущества сторонников Августа ⁴⁶.

3 октября 1735 г. Франция заключила в Вене прелиминарный мирный договор с Австрией, в соответствии с которым Версаль признавал Августа III королем Речи Посполитой. При условии отречения Станислава Лещинского от польской короны за ним пожизненно закреплялся королевский титул и передавались герцогства Лотарингия и Бар, которые после его смерти должны были отойти к Франции в качестве приданого его дочери Марии. Зять и наследник императора Священной Римской империи Карла VI герцог Лотарингский Франсуа III в качестве компенсации за Лотарингию получал Пармское герцогство в составе Пармы и Пьяченцы и Великое герцогство Тосканское после смерти последнего из Медичи — Великого герцога Джан Гастоне Медичи. Россия согласилась с этим прелиминарным соглашением и присоединилась к Венскому мирному договору от 18 ноября 1738 г., в основном, повторявшему ранее оговоренные условия. Война за Польское наследство завершилась.

26 января 1736 г. Станислав в очередной раз подчинился судьбе и отрекся от престола Речи Посполитой, а в мае отправился во Францию. После смерти Джан Гастоне Медичи в июле 1737 г. он стал герцогом Лотарингии и герцогом Бара, а его супруга Екатерина — герцогиней. В 1738 г. Лещинский продал свои владения Лешно и Рыдзыну графу Александру Йозефу Сулковскому.

«Я король поляков, я потерял мое королевство два раза, но Провидение предоставило мне другое королевство, в котором я сделаю больше хорошего, чем все короли Сарматов...», — с таким настроени-

ем въезжал новый герцог в свою резиденцию, которую он разместил в Люневиле, в 25 км на юго-восток от столицы Лотарингии Нанси. В средствах он не нуждался, получая каждый год 2 млн ливров. По его распоряжению развернулось грандиозное строительство в Нанси и Люневиле. В 1740 г. его придворным архитектором стал Эре де Корни, в лице которого Станислав нашел прекрасного исполнителя своих архитектурных замыслов. В Люневиле появились великолепный дворец в стиле рококо и церковь. Перед дворцом Станислав построил фонтан, напоминающий петергофского Самсона, а в центре Нанси приказал создать площадь в честь Людовика XV, которая впоследствии была названа именем его самого.

В 1750 г. Лещинский основал в столице Лотарингии в здании старого Иезуитского Королевское общество наук и литературы, вошедшее в историю как «Академия Станислава». Параллельно он учредил две премии по 600 ливров каждая, вручавшиеся ежегодно 2 февраля. Одна премия присуждалась ученым, другая — литераторам и художникам. Указом Станислава от 28 декабря 1750 г. в Нанси появилась публичная библиотека, управление которой король поручил своей Академии. Библиотеке и Академии Лещинский оказывал постоянную денежную помощь: с 1751 по 1773 гг. общество получило примерно 80 тыс. ливров, и половина из них была истрачена на нужды библиотеки. Первоначально собрание книг располагалось в галерее Оленей дворца герцога, затем — в ратуше, а в 1788 г. оно было переведено в здание Университета. Часть фонда библиотеки состояла из польских манускриптов, которые и по сей день хранятся в ней. Книги публичной библиотеки Нанси имели экслибрис, состоявший из трех гербовых щитов, расположенных по горизонтали. Центральный, самый крупный щит — герб короля Польши Станислава Лещинского, который обрамляли орденские цепи со знаками орденов Святого Духа и Святого Михаила.

Будучи христианским философом, Лещинский отличался большой веротерпимостью, и не только к христианским конфессиям. Так, в 1638 г. он интерпретировал право жительства евреев в Лотарингии в благоприятном для них смысле. Все главы семей — мужчины и их женатые сыновья — считались принадлежавшими к одной семье, был также отменен закон о заключении всех сделок с евреями только в присутствии нотариуса. В 1753 г. был опубликован указ герцога, разрешавший евреям селиться в 28 населенных пунктах, ранее для них закрытых, но налоги, которые платили евреи, выросли.

Основанная еще в 1730 г. Люневильская фаянсовая мануфактура к 1749 г. благодаря польскому королю приобрела статус королевской. Местный фаянс был и ранее востребован в Европе, но с тех пор приобрел еще большую популярность. Когда однажды Людовик XV спросил своего тестя, как ему удастся сделать счастливыми своих подданных, Станислав ответил: «Любезный сын! Люби свой народ — вот и вся моя тайна»⁴⁷.

В Лотарингии дважды король Речи Посполитой не только посвящал себя любимым занятиям — науке, искусству и благотворительности. Обладая довольно мягким, приятным и даже патриархальным нравом, в своей вотчине Станислав создал особое искусство наслаждения жизнью, несколько похожее на жизнь в Версале своей элегантностью и хорошим вкусом. Но все же атмосфера в Люневиле отличалась от Версальской: здесь не было места скуке — каждодневной проблеме в резиденции Людовика XV. Люневиль стал убежищем для всех тех, кто во Франции или еще где-то не ладил с властями или церковью. Самого Лещинского многие считали тайным масоном. Как раз в его время масонство из Великобритании активно стало проникать во Францию — в 1730-х гг. в Париже насчитывалось пять лож.

Особенно свободно развивались ложи за пределами французской столицы, куда не досягал зоркий глаз полиции. Так, в феврале 1738 г. масоны устроили в Люневиле большой пир. Торжество началось концертом, а в полночь под звуки великолепного оркестра открылся бал, в смежных комнатах шла игра в карты. Братья-масоны и лица обоих полов ожидали прибытия короля Станислава, и, не исключено, что он ненадолго посетил это мероприятие.

Во времена Лещинского его дворец в Люневиле являлся центром польско-французских связей, в его резиденции бывали самые известные знаменитости, которых он покорял не только теплым приемом и прекрасным вкусом, но и глубокими мыслями. Остроумный Вольтер свой приезд в Лотарингию обосновал очень просто: «Вот я и в Люневиле! И почему? Здесь очаровательный дом короля Станислава!» Просветитель прибыл вместе со своей возлюбленной Эмилией дю Шатле, супругой маркиза дю Шатле. Станислав разместил их в самых шикарных апартаментах своего дворца, путешественники посетили и его летнюю резиденцию в Коммерси. Король тогда стал свидетелем вторгшейся в жизнь Вольтера трагедии: мадам дю Шатле пылко влюбилась в молодого и красивого офицера Сен-Ламбера. Просветитель ее простил. Позже в «Кандиде» Вольтер отметил, что «ссылка» Станислава Лещинского в Лотарингию предоставила ему больший масштаб для добрых дел, нежели «обычные махинации» королей воюющей Европы.

Интеллектуальную атмосферу Люневилля также хвалил Руссо, с которым Станислав нередко вступал в острую полемику. Король убедительно доказывал, что роль науки и образования, которые служат людям для познания истины, не должна быть дискредитирована. В свидетельствах просвещенных современников Лещинский предстает мудрым и добрым правителем, монархом-философом, а также чародеем, обладавшим удивительным талантом совершать неожиданные чудеса. Одним из таких «чудес» было создание современной «ромовой бабы». В один прекрасный день популярный тогда пирог «кугелькопф» показался королю слишком сухим, и ему пришло в голову окунуть его в вино. Получившийся вариант настолько понравился Станиславу, что он решил назвать новый десерт по имени своего любимого героя — Али-Бабы и приказал повару усовершенствовать рецепт. Для приготовления бабы стали использовать тесто для бриошей (сладких французских булочек) с добавлением изюма.

В красивом дворце каждый жил, как хотел, не думая о запретах и ограничениях, а добрый король Станислав — меньше, чем кто бы то ни было. И в 60 лет, которые он с размахом отметил в 1748 г., он был еще крепок, как в молодости ⁴⁸.

В отличие от Станислава, его супруга так и не приспособилась к жизни в Лотарингии, скучая по родной Польше. «Добросердечная, домашняя и любившая благотворительность женщина, в то же время достаточно суровая и скучная личность», — так описывали ее современники. Ее тоску усиливало и то, что как только в жизни Станислава наступило спокойствие, у него появилось немалое количество любовниц, чему Екатерина не могла помешать. Фаворитки менялись одна за другой: Екатерина и Анна Мария Оссолинские, Мария Луиза де Линангес, мадам де Бассомпьер, мадам де Камбресс... А с 1745 г. у герцога были постоянные отношения с маркизой де Буффлер, которую некоторые злые языки наградили поэтическим, хотя и язвительным именем «госпожа Сладострастие». Как и Станислав, маркиза любила веселье, свет, искрящиеся остроумием игры и старалась окружать себя самыми изысканными умами.

В марте 1747 г. Екатерина Лещинская скончалась. Людовик XV почтил ее память памятной церемонией в Соборе Нотр-Дам в Париже. Могила Екатерины находится в Нотр-Дам-де-Бонсекур на выезд-

де из Нанси, специально построенной в 1738 г., чтобы стать фамильной усыпальницей Лещинских ⁴⁹.

Занимаясь благотворительностью и наслаждаясь жизнью, Станислав не забывал о Родине и внимательно следил за развитием событий в Европе. Ситуация в Польше при Августе III еще больше ухудшилась. Как и отец, он предпочитал проводить время в тихой Саксонии, а не в буйной Польше. Сеймы тоже не могли оказать благотворное влияние на развитие государства. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, которая бы могла реализовать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений приводил к блокированию большинства предложений. С 1652 по 1764 гг. из 55 сеймов было сорвано 48, и треть из них — голосом всего одного депутата. Положение финансов Речи Посполитой было плачевным, а католическое духовенство упорно требовало новых ограничений в правах православных и протестантов. Внешнюю политику Августа нельзя было назвать успешной, хотя вел он ее исключительно как курфюрст Саксонии, что позволило Польше тридцать лет отдыхать от войн. В 1741 г. во время Первой Силезской войны (1740—1742) он в союзе с державами, не признавшими Прагматическую санкцию, воевал против императрицы Марии-Терезии. Однако обеспокоенный успехами Фридриха II Прусского, в 1742 г. он заключил союз с Марией-Терезией и вступил во вторую Силезскую войну (1744—1745). В 1744 г. Фридрих вторгся в Саксонию и Богемию, штурмом взял Прагу, а в следующем году дважды разбил австро-саксонские войска. Только по Дрезденскому миру 1745 г. Август получил обратно свои саксонские территории. Пользуясь отсутствием короля в Речи Посполитой и его вступлением в войну как саксонского правителя, Станислав через своих сторонников безуспешно пытался прощупать почву в Варшаве относительно своего возвращения на трон.

Еще один раз он выставил свою кандидатуру в короли после смерти Августа III в 1763 году. Прямая военная интервенция России, в отличие от 1730-х гг., тогда была проведена без оглядки на другие державы. Петербург действовал под прикрытием конфедерации, организованной Августом и Михалом Чарторыскими, и всячески подчеркивал, что русские войска введены исключительно по просьбе Речи Посполитой. Завершившийся в июне 1764 г. конвокационный сейм постановил не допускать иностранных кандидатов и выбирать короля только из поляков, а также признал за Екатериной II императорский титул. Нужно заметить, что даже среди сторонников России не было единства в избрании польского короля. Видны на престол имели Август Чарторыский, его сын Адам Казимир, М.К. Огинский, С. Любомирский. Кандидатурами Пястов с противной стороны являлись гетман коронный Ян Клеменс Браницкий и Станислав Лещинский, который, несмотря на солидный возраст, ощущал себя способным быть полезным Родине. Не стоит сбрасывать со счетов и его желание на склоне лет удовлетворить свое честолюбие.

Скоро отряды Кароля Станислава Радзивилла и Браницкого потерпели поражение от русских войск. Оба магната бежали за пределы Польши. Под давлением русского и прусского послов первым кандидатом на престол стал возлюбленный императрицы Екатерины граф Понятовский. В августе 1764 г. спокойно прошел избирательный сейм, на котором графа единогласно избрали королем под именем Станислав II Август Понятовский. Назвавшись Станиславом II, новый король словно подчеркивал свое уважение к Станиславу I. Уже в декабре того же года Понятовский писал Лещинскому о своем желании сотрудничества, а не противоборства с французской дипломатией. Станислав I тактично, но прямо ответил, что не может быть и речи о признании нового польского короля версальским двором.

Отличительной чертой последнего бескоролья была пассивность польской шляхты и неспособность магнатов организовать сопротивление российской интервенции. Характерным примером в этом отношении была позиция сторонника Лещинского Роха Яблоновского, считавшего «вольную элекцию» фикцией и утверждавшего, что избрание короля Польши целиком находится в руках великих держав. Противоборствующие магнатские группировки надеялись исключительно на иностранную поддержку, хотя не говорили об этом открыто, что свидетельствовало об упадке польской шляхетской государственности⁵⁰. Проектами своих реформ Станислав Лещинский и пытался ее спасти.

Общаясь с просветителями и своими соотечественниками, Станислав немало размышлял и писал. Историки справедливо подчеркивают, что последний из Лещинских, кроме «врожденной интеллигентности» обладал огромным житейским опытом. Еще среди перипетий Северной войны, когда «на коне», когда «под ним», этот случайно попавший в короли шляхтич, видевший немало на своем пути, будучи в робе или в жакете, в военной или в крестьянской одежде, желал править свободной Сарматией. Он был готов использовать шведскую, турецкую, французскую помощь и платить за нее кусками польской земли над Вислой, Двиной или Днепром. Имел ли он уже тогда свое видение возрожденной Польши? Пожалуй, да. В Цвайбрюккене, в Виттемберге, в Шамборе он много читал и наблюдал, контактировал с восторженными поляками и к 1733 г. приобрел облик патриота-реформатора.

Такой человек скрывался под обложкой анонимного издания 1733 г. под названием «Свободный голос, защищающий свободу» («Glos wolny wolnosc ubezpieczajacy»), или его французского варианта 1749 г. «Свободный голос гражданина» («La voix libre du citoyen»). Многолетний промежуток между оригиналом и переводом стал поводом для размышлений об истинном авторстве текста. Кроме того, имели место французские редакции 1753 и 1754 гг., свой трактат автор также включил в «Сочинения добродетельного философа» («Oeuvres du philosophe bienfaisant»). С конца века Просвещения начались его польские переиздания, трактат анализировал известный российский и польский юрист, историк, журналист, библиотекарь Александр Рембовский (1876)⁵¹.

Лотарингский эрудит и архивист Петр Бойе, посвятивший свою жизнь научному наследию Лещинского, полагал, что, во-первых, польское издание не вышло ранее французского, а, во-вторых, Лещинскому помогали два поляка — Анджей и Йозеф Залуцкие, и два француза — дипломат Терсье и литератор Солиньяк, которые и составили польский текст. Король же приписал его одному себе и перевел на французский. Над этим открытием задумались польские ученые. Т. Корзон пришел к выводу, что Станислав не мог писать трактаты в период бескоролья, а также пребывая в Лотарингии между 1737 и 1741 гг., ибо на это время приходился отъезд Залуцкого из Люневиля в Польшу. А Рембовский нашел в библиотеке Красинского части собственноручного текста «Свободного голоса» Лещинского 1749 г., значительно отличавшиеся от известного издания. Рембовский считал, что дата 1733 г. носила только пропагандистски-символическое значение.

Так или иначе, историки приходят к выводу, что король писал для мыслящей элиты Запада урывками и сам пробовал переводить свой текст на французский язык. Приглашенный поправить его сочинение Солиньяк заметил: «Сир, это хорошо, но это не французский язык. Позвольте мне это сделать». И сделал все несколько иначе, добавив от себя половину предисловия, которое породило «легенду

Лещинского» — кандидата в короли, который в 1733 г. шел на выборы уже с готовыми реформами. Противоречий между редакциями текста нет, но они настолько разнятся, что порождают дискуссии⁵².

Какой видел Станислав современную ему Польшу? «Мы похожи на тех, кто живут в старых домах, хоть и с опасением, что они могут развалиться, не заботясь об их восстановлении, предпочитая думать о своих личных интересах и говорить: как мой отец или дед жил, так и я хочу жить». «Речь Посполитая наша — старый дом, разъедаемый молью. Если он будет стоять без обороны и реформ, соседи захватят наши земли или поделают между собой»⁵³.

Ядро зла, по Лещинскому, заключалось в «нашей свободе», которая представляется собой «быстрый поток, который трудно остановить». Польская свобода — Божий дар, но она провоцирует мысли шляхтича о том, «чтобы его мнение превалировало над другими» и «не будет ли несвободой терпеть от равного себе?» Станислав не предлагал устанавливать диктатуру, поскольку «единственным нашим диктатором является Речь Посполитая». Покончить с монархизмом он тоже не желал и склонялся к тому, чтобы избегать как плохих своих традиций, так и заграничных примеров. По его мнению, «надо заложить фундамент единой и полной власти Речи Посполитой и дать ей свою структуру»⁵⁴. О том, как это сделать, Станислав размышлял в разделах своего сочинения о функциях клира, короля, Сената, министров, сейма. Ряд разделов посвящен войску, казне, состоянию народа, праву и политике.

«Божьему помазаннику» должны принадлежать уважение подданных, церемониал, влияние — и ничего больше. Он должен сознавать, что правит свободными людьми. Нужно так организовать общество, чтобы король не мог, как выражается Станислав, «ловить рыб в мутной воде». В деспотических монархиях подданные терпят от короля страх и милость, а король польский должен их любить. Он раздает высшие духовные и военные должности и милости, заботится о казне, но при нем существует полновластный Совет. Большинство же должностей должны быть результатом выборов.

Вместе со своим Советом король осуществляет исполнительную власть в государстве. Законодательная власть принадлежит Сенату, хотя в характеристике идеала Сената, состоящего из епископов, воевод, каштелянов и министров, Станислав путается. Его изначальная идея заключалась не в разделении властей, а в их согласительном статусе. Король не может править без министров, без сейма, без народа, но и те не могут существовать без короля⁵⁵.

После выхода в свет в 1748 г. трактата Монтескье «О духе законов» Станислав уточнил свое мнение о деятельности и правах министров. Он считал, что статус министра обязывает отвечать за все акции короля. Единственное, за что король отвечает лично, — за старопольские принципы. Лещинский уважал болезненный для Польши принцип «liberum veto», называя его «привилегией свободы нашей» и «в некоторых обстоятельствах способом спасения отчизны». Но считал, что на сеймиках его применение не годится. Король-философ был озабочен тем, как может один случайный человек отбирать представительство у целого воеводства и предлагал, чтобы тот, за кого голосовало меньшинство, мог ехать по своему желанию депутатом на сейм без письменного мандата. В другой редакции сочинения Лещинский предлагал, чтобы ни один сейм или трибунал, или даже сеймик не начинался без присутствия уполномоченных центральной власти, что могло положить конец беспорядку на сеймиках⁵⁶.

При этом важна мысль Станислава о том, чтобы не воеводства предлагали кандидатов для выборов в короли, а сам король предлагал их Сенату. В такой ситуации будущий король лучше разбирался бы в

делах двора, нежели огромная толпа выборщиков. Его проект выборов предназначался не только для защиты государства от бескоролья и войн за престол, но и от конкуренции иностранных кандидатов, которые воспитывались в атмосфере деспотизма и поэтому могли игнорировать польские обычаи, а именно свободу. Из рассуждений Лещинского, в целом предлагавшего усовершенствовать работу сейма и изменить порядок проведения выборов короля, заметно, что польская «свобода» для него — не хаос, а осознанная необходимость.

Касаясь военной сферы, Станислав подчеркивал, что «народ наш имеет отважную душу, которая готова вступить в бой в экстремальных условиях без особой подготовки... Либо мы врагов не боимся, либо осторожность и отвага у нас не совместимы друг с другом». Войско Речи Посполитой должно быть сравнимо с армиями соседей, но реально проблему защиты границ может решить создание 100-тысячной регулярной армии ⁵⁷.

Идеи Просвещения особенно повлияли на экономические и социальные воззрения польского короля. Станислав сокрушался по поводу свободы церкви от налогообложения и монополий воеводств, когда шляхтич нередко не знает, кому платит, и выступал за прогрессивный налог, в том числе и на армию. Фактически он склонялся к экономическому демократизму. В наиболее радикальном разделе своего сочинения — «Плебеи» — Лещинский, считая сельское хозяйство источником благосостояния Речи Посполитой, предлагал освободить крестьян от крепостной зависимости, заменить барщину оброком и окружить их, а также мещан, заботой государства ⁵⁸.

В области международных отношений Станислав делил государственный строй Европы на монархии и республики, причем к последним он причислял Англию, Нидерланды, Швецию, Венецию, Швейцарию, Геную и Польшу. По его мысли, они могли бы создать альянс для решения общих внутренних и внешних проблем, который бы полюбовно разрешал споры между своими членами и предлагал посредничество другим враждующим государствам. Было бы еще лучше, если бы нашлись люди (возможно, масоны), которые бы раньше, чем Англия и Голландия, могли осуществить этот великий проект. Его реализацию обязательно должна поддержать Франция, как самая влиятельная держава Европы. Место же для своей дважды потерянной отчизны Лещинский видел в Восточной Европе: там Польша должна стать примером для России, Австрии и Турции ⁵⁹. Так лотарингский герцог, который считался космополитом и пацифистом, оказался в этом памятнике политической мысли Просвещения королем-патриотом.

В более пространным труде Станислава «Сочинения добродетельного философа» находится целый ряд размышлений, ставших результатом его долгой жизни. Многие мысли короля стали крылатыми. Так, например, он писал: «Высшие званья часто можно сравнить с гробницами, покрытыми пышными титулами, но под которыми находится только гниль и тление», или: «Желание с излишеством пользоваться своим правом есть средство его потерять» ⁶⁰.

Жизнь Станислава Лещинского оборвалась внезапно и неожиданно. В 88 лет он еще не жаловался на здоровье, но утратил ясности мысли и полноты ощущений. Правда, смерть внука, дофина Франции Луи Фердинанда в 1765 г. потрясла его сердце. Его все чаще по вечерам можно было видеть у камина с литературой религиозного характера в руках. В ночь на 23 февраля 1766 г. Станислав, как обычно, отослал камердинера из своих покоев, устроившись с книгой. Было зябко, и когда он помешал угли в камине, по комнате распространилось приятное тепло. Король задремал и не почувствовал, как от случайной искры загорелось его платье. Уже полностью объятый пламенем, он нашел в себе силы позвонить слугам, но те оказались

довольно далеко и прибежали на помощь тогда, когда во дворце стал явственно чувствоваться запах дыма. Доктора оказались бессильны. Еще несколько часов Станислав кротко терпел ужасные муки, находя в себе силы общаться с окружающими его людьми. Перед смертью он успел поблагодарить Бога за удачно сложившуюся жизнь ⁶¹.

Есть и другая версия гибели короля, которой охотно делятся нансийцы. Устроившись в кресле у камина, король выпил изрядную порцию доброго вина, и поэтому заснул, а когда загорелся, не сразу почувствовал боль...

Станислав был похоронен около супруги в Нотр-Дам-де-Бонсекур в Нанси. Скульптура на его усыпальнице изображает возлегшего на ложе короля, причём корона Польши находится не на его голове, а стоит рядом. Дважды примерял ее на себя Станислав и оба раза терял. Там же захоронено сердце королевы Франции Марии, ненадолго пережившей отца и скончавшейся в 1768 году. Примечательно, что в церкви Нотр-Дам-де-Бонсекур находится и мраморная доска с благодарственной надписью на латыни императору Александру Павловичу от польских воинов перед их возвращением на родину по поводу их милостивого прощения царем за службу Наполеону.

И после смерти приключения Станислава Лещинского не закончились. Во время Французской революции в 1793 г. могила короля была разграблена, а его кости разбросаны. Часть из них удалось собрать в маленький ящик и вывезти в Польшу, однако в 1830 г. останки стали трофеем русских войск, подавивших польское восстание, и оказались в Петербурге. Только в 1858 г. в присутствии брата Александра II великого князя Константина Николаевича они были захоронены в Вавельском кафедральном соборе в Кракове.

Уход Станислава I из жизни стал началом процесса окончательного присоединения Лотарингии к Франции. Дворец в Люневиле опустел и возродился лишь при Наполеоне в 1801 г., когда здесь между Францией и Австрией был подписан Люневильский мирный договор, положивший конец второй антифранцузской коалиции. Муниципальные власти сделали из него музей, в котором содержится уникальная коллекция фаянса и керамики, а также экспозиция, иллюстрирующая производство фаянса в Средние века. В 2003 г. музей едва не уничтожил сильный пожар — тогда сгорело его южное крыло вместе с библиотекой, покоем Лещинского и церковью ⁶².

Во время Французской революции статуя Людовика XV на Королевской площади Нанси была низвергнута и заменена аллегорией Победы. Саму же площадь сначала переименовали в Народную, а затем в площадь Наполеона. Но после Июльской революции 1830 г. площадь получила название площади Станислава, и на ней появился бронзовый памятник королю. Плас Станислас образует единый градостроительный ансамбль с Плас-де-ла-Карьер и Плас-д'Альянс, с которыми ее соединяют полукруглые колоннады и триумфальная арка. В 1983 г. ЮНЕСКО признало ансамбль из этих трех площадей эпохи Лещинского памятником Всемирного наследия, а в 2007 г. выпуском двух монет Французский монетный двор отметил 330-летний юбилей Станислава I. На аверсе монет изображен его портрет и герб. На реверсе — площадь Станислава в Нанси с памятником Лещинскому.

Подведем итоги. Мечтателем Станислав Лещинский не был никогда: человек действия, он хотел возвратиться на польский трон несколько раз, хотел осчастливить мир вечным покоем и окончил жизнь как активный добродетельный философ и просвещенный правитель. В истории Лотарингии дважды король Польши стал одним из самых известных героев и был прозван Станиславом Благодетелем. Он являлся одним из первых польских просветителей, а его общественная

деятельность способствовала распространению во Франции польской проблематики. Однако для роли короля на родине он оказался при-
скорбным образом негоден, и в значительной степени благодаря игре
«дворов и альянсов» на европейской арене эпохи Просвещения.

Одним из первых среди политиков Европы Станислав I распоз-
нал будущую роль России в судьбе Польши и международных делах.
Однако примкнув в силу своих политических представлений и по
воле, как он считал, судьбы, к противникам России, он, на редкость
удачливый человек в жизни, обрек себя на неудачу в стремлении
управлять страной, в которой появился на свет.

Примечания

1. Северная пчела. 21.V.1825, № 61.
2. ПРОКОПОВИЧ Ф. О Станиславе Лещинском. Сочинения. М. 2013, с. 221.
3. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Т. 15. М. 1999.
4. ТАРЛЕ Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. Соч. Т. X. М. 1959, с. 442—443; ГРИГОРЬЕВ Б. Карл XII. М. 2006, с. 166—167.
5. ВОЛЬТЕР. История Карла XII. Собр. сочинений. Т. 2. М. 1998, с. 411; ROUSSEAU J.-J. Observations de Jean-Jacques Rousseau. Genève. 1751, p. 61; PIECHURA K. Opinia Woltera na temat osobowosci Stanisława Leszczyńskiego. Stanisław Leszczyński: Roi, politician, ecivain, ecene. Leszno. 2001, s. 155—159; Experiencing the Garden in the Eighteenth Century. Bern. 2006, p. 161.
6. AMOLD R. Geschichte der Deutschen Polienlitteratur: von den Anfängen bis 1800. Halle. 1900, S. 145.
7. MURATORI-PHILIP A. Stanislas Leszczyński: aventurier, philosophe et mecene des Lumieres. Paris. 2005; BONNEFONT J.-CL. Stanislas philosophe. La vie culturelle à l'époque de Stanislas. Actes du colloque de Nancy, Palais du Gouvernement, 30 septembre, 1er octobre 2005. Langres. 2005, p. 73—83; ROSSINOT A. Stanislas: Le roi philosophe. La Fleche. 1999; MAGUIN FR., FLORENTIN R. Sur les pas de Stanislas Leszczyński. Nancy. 2005.
8. CIEŚŁAK E. W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk. 1986; EJUSD. Stanisław Leszczyński. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1994; FORYCKI M. Stanisław Leszczyński. Sarmata i europejczyk 1677—1766. Poznań. 2006, s. 7.
9. FORYCKI M. Op. cit., s. 8—10; KONOPCZYNSKI W. Polscy pisarze polityczni XVIII wieku. Kraków. 2012, s. 53.
10. KONOPCZYNSKI W. Op. cit., s. 52.
11. LA BRIYERE. Caractères de la Cour. Firmin-Didot. 1890, p. 178; BELY L. Les relations internationales en Europe — XVIIe — XVIIIe siècles. Paris. 1992, p. 80—81; DUCHHARDT H. Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV. Düsseldorf. 1987, S. 101; HABERMAS J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied am Rhein. 1962; BLANNING T. The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660—1789. Oxford. 2002, p. 5, 76—77.
12. Stanisław Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku. T. 1. Warszawa. 1858, s. 2—8; LECH M.J. Stanisław Leszczyński. Warszawa. 1969, s. 18—31.
13. SCHILLING H. Europa um 1700. Eine Welt der Hofe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien. Preussen 1701. Eine europäische Geschichte Essays. Berlin. 2001, S. 12; EJUSD. Europa zwischen Krieg und Frieden. Idee Europa. Entwürfe zum «Ewigen Frieden». Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union. Berlin. 2003, S. 24—25.
14. СЕН-СИМОН. Мемуары. Кн. 2. М. 1991, с. 165; GODLEY E. The Great Conde. L. 1915, p. 93—594.
15. Stanisław Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku, t. 1, s. 5, 25—41.
16. МОЛЧАНОВ Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М. 1991, с. 186—187; ГРИГОРЬЕВ Б. Ук. соч., с. 130—131.
17. HUGHES L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven. 1998, p. 26—38.
18. ГРИГОРЬЕВ Б. Ук. соч., с. 138; Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku, t. 1, s. 46.
19. Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku, t. 1, s. 48.
20. Die eigenhändigen Briefe König Karls XII. Berlin. 1894, S. 22.
21. ROBERTS M. The Swedish Imperial Experience. 1560—1718. Cambridge. 1979, p. 1—2.
22. Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku, t. 1, s. 85.
23. ГРИГОРЬЕВ Б. Ук. соч., с. 177, 183.

24. ВОЗГРИН В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697—1710 гг. Л. 1986, с. 159—160; HUGHES L. Op. cit., p. 28—30.
25. ТАРЛЕ Е.В. Ук. соч., с. 452; ГРИГОРЬЕВ Б. Ук. соч., с. 217.
26. Die eigenhändigen Briefe König Karls XII, S. 29; Посланец Петра Великого А.А. Матвеев в Париже. — Исторический архив. 1996, № 1; ВОЗГРИН В.Е. Ук. соч., с. 162.
27. KAMIŃSKI A. Konfederacja sandomierska wobec Rosji w okresie poaltranszadzkiem 1706—1709. Wrocław. 1969, s. 142
28. ЯКОВЛЕВА Т.Г. Мазепа — гетман: в поисках исторической объективности. — Новая и новейшая история. 2003, № 4, с. 58—60; СЕРЧИК В. Полтава, 1709. М. 2003, с. 83.
29. НОСОВ Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. М. 2004, с. 397.
30. Die eigenhändigen Briefe König Karls XII, S. 84; Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku, t. 1, s. 100—102.
31. Ouvres de Louis XIV. T. VI. Paris. 1806, p. 184—185; HASSSINGER E. Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland. 1700—1713. München. 1953, S. 204.
32. ШОССИНАН-НОГАРЕ Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей. М. 2003, с. 34—35.
33. FORYSKI M. Op. cit., s. 130; ROSTWOROWSKI E. Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa. 1977, s. 487.
34. История внешней политики России. XVIII век. М. 2000, с. 81; ROSTWOROWSKI E. Op. cit., s. 488.
35. The London Journal. 14,25.VIII.1733, № 740.
36. Ibid. 28.VIII.1733, № 740; FORYSKI M. Op. cit., s. 128—129.
37. История России. С начала XVIII до конца XIX века. М. 1998, с. 170; ШИРОКОГРАД А.Б. Германия: противостояние сквозь века. М. 2008, с. 66.
38. The London Journal. 1733—1734, Feb. 16, № 764.
39. ВЕЛИКАНОВ В. Война за польское наследство. Борьба в Польше и участие России в этом конфликте. — Воин. 2005, № 18, с. 44; Stanisław Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku, t. 2, s. 97.
40. ВЕЛИКАНОВ В. Ук. соч., с. 44; The London Journal. Feb. 16, 1733—1734, № 764; March 30, 1734, № 770; May 4, 1734, № 775.
41. ВЕЛИКАНОВ В. Ук. соч., с. 46—47; ROSTWOROWSKI E. Op. cit., s. 488.
42. МУРАВЬЕВ М.А. Действия на море в ходе войны за польское наследство 1733—1735 гг. Владычествую четырьмя. Эпизоды из истории Русского парусного флота первой половины XVIII века. Львов. 2001, с. 62—63; CIESLAK E. W obronie tronu krola Stanisława Leszczyńskiego, s. 52—53.
43. НЕЛИПОВИЧ С.Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М. 2010, с. 131.
44. Там же, с. 131—132; МУРАВЬЕВ М.А. Ук. соч., с. 73. АНИСИМОВ М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М. 2012, с. 34.
45. FORYSKI M. Op. cit., s. 133; LESZCZYNSKI S. Opis ucieczki z Gdańska do Kwidzyna. Olsztyn. 1988, s. 8—9.
46. ROSTWOROWSKI E. Op. cit., s. 488; ВЕЛИКАНОВ В. Ук. соч., с. 49.
47. Stanisław Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku, t. 2, s. 103—108; Experiencing the Garden in the Eighteenth Century, p. 162.
48. GOLKA M. Stanisław Leszczyński jako polemista Jana Jakuba Rousseau. — Dialogi o kulturze i edukacji. 2012, № 1, s. 59—69; FORYSKI M. Op. cit., s. 8, 150.
49. BOYE P. La cour polonaise de Lunéville (1737—1766). Paris-Nancy-Strasbourg. 1926, p. 97—120; TYSZCZUK R. The story of an Architect King. Stanislas Leszczyński in Lorraine 1737—1766. Bern. 2007, p. 221—301.
50. НОСОВ Б.В. Ук. соч., p. 172, 176, 299.
51. KONOPCZYNSKI W. Op. cit., s. 53.
52. Ibid., s. 54—55.
53. LESZCZYŃSKI S. Głos wolny wolność ubezpieczający. Kraków. 1858, s. 6—7.
54. Ibid., s. 9—10.
55. Ibid., s. 29—39, 49—57.
56. Ibid., s. 74—78, 58—59.
57. Ibid., s. 79—100, 108—119, 155—170.
58. Ibid., s. 68—69, 102—107, 120—131.
59. Ibid., s. 70—71.
60. LESZCZYŃSKI S. Oeuvres du philosophe bienfaisant. T. I. Paris. M DCC LXIII, p. 232—233.
61. Stanisław Leszczyński i polska w pierwszej połowie XVIII wieku, t. 2, s. 124—125.
62. CHAROTOT S. Les jardins du roi Stanislas en Lorraine. Preface de Francois Pupil. Metz. 1999, p. 48—52.

Сабир

Н.В. Солнцев

Аннотация. Данный материал представляет собой личные воспоминания участника Гражданской войны, красноармейца Сабир Шакирова, воевавшего в составе 28-ой стрелковой дивизии под командованием В.М. Азина. Сабир участвовал в боях с белыми под Казанью, Ижевском, Сарапулом, Саратовом в 1918—1920 годах. Под Сарапулом он попал в плен и был приговорен к расстрелу. Случайно, благодаря вмешательству священника, он был освобожден из плена. После долгих поисков Сабир нашел свою часть и в ее составе сражался против Врангеля под Саратовом, где получил тяжелое ранение. После излечения в госпитале, по рекомендации политического отдела дивизии, Шакуров стал начальником расстрельной команды ВЧК. Однажды он организовал побег осужденного на казнь священника Храповицкого, того самого, который спас его от расстрела в 1918 году. Эта история наложила тяжелый отпечаток на жизнь Сабирова. Он потерял покой, ждал разоблачения, от страха уединился в маленьком поселке, нигде не работал, ни с кем не общался и решил уйти из жизни сам.

Ключевые слова: Гражданская война, пленение, приговор, расстрел, священник, освобождение, плен, самоубийство.

Abstract. This article is a story, personal recollections of the Civil war by the member of the 28th infantry division Shakirov under the command of the divisional commander V.M. Azina. Sabir participated in the battles near Kazan, Izhevsk, Sarapul, Saratov, 1918—1920. Under Sarapul he was captured and was sentenced to death. In casual circumstances, through the intervention of a priest was released from captivity. After a long search, Sabir found my part and it has fought against Wrangel near Saratov, where he received a severe wound. After recovering in the hospital, on the recommendation of the political Department of the division, Shakur was appointed head of the firing squad of the Cheka, which was located in the town of Razboieni, on the outskirts of Saratov. Being the head of that team, Shakur organized the escape of a convicted person to the execution of the priest Khrapovitsky, the man who saved the prisoner Sabir from execution in 1918.

Key words: Civil war, captivity, sentence, execution, priest, release, prisoner, suicide.

Его звали Сабир. От других Сабиров его отличали не по фамилии, а по кличкам: «хромой», «безрукий», «одноглазый». Говорили, что он воевал на Гражданской. Больше ничего о нем не знали. О себе он не рассказывал. Друзей и знакомых не заводил. При встрече говорил

Солнцев Николай Васильевич — доктор философских наук, профессор. E-mail: masusik1602@rambler.ru.

Solntsev Nikolay V. — doctor of philosophical Sciences, professor. E-mail: masusik160@rambler.ru.

мало, только по необходимости. Взгляд у него был серьезный, даже угрюмый. Поэтому он выглядел старше своих лет. За нелюдимость его никто в глаза не осуждал, но иногда, как бы между прочим, бросали упрек: «странный мужик, бирюк какой-то». Внешне он не выглядел как другие инвалиды — слабым и жалким. В нем было что-то пугающее и в тоже время привлекающее. Он напоминал мощный дуб, преждевременно сломленный бурей.

Единственным человеком, кому он доверял и с кем был откровенен, была его жена. Она любила и жалела его, как любящая мать последнего ребенка, с которым боялась расстаться. Ежедневно, утром и вечером, она совершала намаз и просила Аллаха за Сабира, забывая при этом сказать Всевышнему о себе.

Она старалась изо всех сил, чтобы он забыл свое прошлое. Сабир это понимал, но ничего не мог с собой поделать. Он плохо спал, вставал ночью и тихо уходил на крыльцо, долго курил. Подумав, она решила спрятать его револьвер в курятнике. Подальше от греха.

Сабир старался все делать сам. Упорно учился работать (мастерить, строгать, колотить и т.д.) одной рукой. И у него получалось. Он даже смог заменить оконные рамы и покрасил их. Зимой он проводил дома, занимался хозяйством, помогал жене. Летом уезжал в Казань. Он торговал семечками на колхозном рынке. Снимал за небольшую плату пристройку к дому с крохотной печкой и плитой, железной кроватью, топчаном из досок и столиком. На потолке, на проволоке, висела тусклая лампочка. Включал он ее редко, только с наступлением полной темноты, когда ужинал или развязывал ремни, освобождаясь на ночь от деревянных протезов. Места было мало.

Я жил у Сабира и оказался там неслучайно. В 1943 г. я поступил в 9-ю спецшколу по настоянию отца. Жить было негде. Отец упросил Сабира приютить меня. Встретил он меня не как равноправного жильца, а как хозяин работника. Рассказал о моих обязанностях: за приготовленный обед (точнее ужин) я получал миску супа.

Для Сабира моя учеба не существовала вообще. Он и меня не замечал. Не обижал, но и ни в чем не помогал. Я не раз порывался спросить у него: почему он такой сердитый, как будто на всех в обиде. Конечно, очень хотелось узнать, как он воевал, где его так сильно покалечило, как он оказался в нашем поселке, откуда он родом, есть ли у него родственники.

Однажды, во время нашего обеда-ужина, он сказал, что хотел бы «поговорить по душам». Начал он издалека. Рассказ его меня захватил. Я был ошеломлен, что живу с таким необыкновенным человеком. Мне начало казаться, что рядом сидит другой Сабир. Мое уважение переросло в восхищение и удивление. Передаю его рассказ.

* * *

В Красную армию пошел в 1918-ом, добровольно, вместе с отцом, мне было немногим семнадцать. Направили в вятский батальон В.М. Азина (он формировал свою часть на Вятке), героя гражданской войны, легендарного Начдива 28-ой стрелковой дивизии. Участвовал в боях с белочехами и белогвардейцами за освобождение Ка-

зани, Сарапула, Ижевска и других населенных пунктов по Каме и Вятке. Под Сарапулом попал в плен.

Это случилось вот как. На окраине города белые отрезали левый фланг нашего полка. Не меньше роты, если не больше, оказалось в окружении. Мы поняли: плена не миновать. Отчаянно пытались вырваться. Кольцо сжималось. Все отстреливались. Я тоже стрелял, но невпопад. Я не прицеливался, стрелял куда попало. Но в одно мгновение увидел бегущего прямо на меня солдата с винтовкой с примкнутым штыком. В эти секунды я ни о чем не думал, я растерялся, не владел собой. Не могу объяснить, но выстрелить в этого солдата я не смог. Как будто меня кто-то сдерживал, даже пальцы онемели, курок не мог нажать. Очень странно, что он меня не убил. Ведь мы были друг от друга в двух шагах, могли легко дотянуться штыками. Кто не бывал в такой ситуации, вряд ли меня поймет, но я после этого случая стал другим, совсем другим человеком. Для меня это было не «боевым крещением», как обычно говорят солдаты после первого боя, а вторым рождением. Во мне произошли какие-то изменения. Конечно, внешне я остался прежним, но мое сознание, мои взгляды стали другими, хотя может быть мне это просто показалось... После этого, первого в моей солдатской жизни сражения, я вместе с другими красноармейцами нашей роты оказался в плену.

Нас (человек 12—15) затолкали в трюм какого-то парохода и отправили по Каме. Ночь провели в трюме. На рассвете зашел прапорщик. Приказал всем выйти на палубу. Когда все вышли, scomандовал: построиться в одну шеренгу вдоль борта. Всем связали руки за спину. Появился офицер. С ним были три солдата с винтовками и священник в рясе, с молитвенником в руке. Офицер спокойно объявил: «По законам военного времени, как предатели Родины, вы сейчас будете расстреляны!» — и кивнул священнику.

Священник начал молитву. Вдруг, на полуслове, он покачнулся, обмяк и упал на палубу. Молитвенник выпал из рук и его унесло ветром. Все это происходило в двух шагах от меня. Полы рясы попа оказались за бортом, зацепились за что-то, и тело священника быстро сползло с палубы. Я подбежал, наступил на рясу, священник крепко ухватился за мою ногу. Я старался удержаться сам и тянул его. Тут подбежали солдаты, оттащили батюшку от борта, помогли подняться. Затем он все-таки набрался сил и закончил молитву. Все молчали. Стояла гробовая тишина. Даже ветер притих. Беспричинное падение священника все восприняли как предзнаменование беды. Но все вышло наоборот. Происшествие с попом повлияло не только на наше настроение, но и на поведение офицера. Он стоял молча, задумчиво глядя под ноги. В это время к нему подошел священник, и они тихо о чем-то заговорили. Офицер позвал прапорщика и дал ему какие-то распоряжения.

Расстрел отменили. Всех оставили в живых, но сбросили с парохода в реку с завязанными руками. Меня освободили. Высадили на пристани города Елабуги. Как я позже узнал, мою судьбу решил священник. Он упросил офицера отпустить меня с Богом: «Молод. Заблудился. Бог поможет найти правду». Проводил меня до трапа. Убедившись, что я вышел на берег, перекрестился и пошел к своим.

Я тоже отправился искать своих. Со дня моего пленения прошло более трех месяцев. На войне срок не малый. Я добрался до какого-то

селения недалеко от реки Белая. Нашел штаб дивизии. На радостях хотел прорваться к начальству — я же вырвался из плена! Но не тут то было. Кругом все кипело. Все куда-то спешили, тащили оружие, ящики, коробки, узлы. Обратиться было не к кому. Подошел к красноармейцу, который стоял с винтовкой с примкнутым штыком у входа в какую-то палатку. Он меня даже не выслушал, сказав: «Ищи коменданта, он тебе найдет место. Здесь не болтайся».

Однако комендант со мной не беседовал, а допрашивал: где служил до плена, фамилия командира, когда и на каком месте окраины Саратова был в окружении? Почему не вырвался из окружения, не сопротивлялся, не стрелял, а сдался? У него вызвал явное подозрение случай с попом. Особенно отношение попа ко мне. «Тут что-то не так!» — сказал он сердито. Я пытался объяснить, что спас ему жизнь. Комендант вспыхнул, вскочил со стула и закричал: «Сабир, неужели ты такой болван. Политически отсталый, несознательный красноармеец? Может еще хуже — ты на стороне классового врага?! Мы сражаемся, льем рабочее-крестьянскую кровь в боях, а ты спасаешь отъявленного врага Советской власти, попа! Ты соображаешь: всех твоих товарищей утопили, а тебя освободили, даже на берег высадили. Как это понимать? Ладно. Разберемся. Сейчас некогда. Мы уходим. Пока будешь в хоззведе».

Только спустя несколько лет я понял смысл тех событий. Тогда, в двадцатые годы, мне и в голову не приходило, с кем я воюю и за что. Спроси тогда у меня, кто такие красные и кто такие белые, чем они отличаются друг от друга и почему я решил идти против белых, а не против красных, ей Богу не знал бы, что сказать. Единственный ответ мой был бы тогда такой: я пошел воевать с отцом. Пошел бы он к белым, я без колебания был бы с ним. Попа я спас вовсе не как «классового врага», а просто как человека. Будь на его месте любой другой, я поступил бы также.

Через некоторое время, при встрече, на ходу, комендант сообщил мне печальную весть — в одном из уличных боев в Казани погиб мой отец. Очевидцы рассказывали: улицу он держал под пулеметным обстрелом, обеспечивая продвижение своих. Уложил из «Максима» десятки белочехов. В последний момент он остался один. Погиб второй номер. Одному вести огонь и заряжать было трудно, уходило время. В суете он не заметил, как сзади подкрался белочех и ударил его в спину кинжалом. Отец прошел с 28-ой стрелковой дивизией непрерывными боями до Казани. Храбро сражался. Начдив Азин наградил его берестяной табакеркой с автографом (орденов тогда, видимо, еще не было).

Место захоронения отца, за Кремлем, у берега, найти не удалось. Поиски ничего не дали. Похоже, останки смыла и унесла Волга.

Об отце я упомянул здесь еще и потому, что героическая смерть и награждение его самим Азиным сыграли в моей жизни спасительную роль, выручали из беды.

В августе 1919 г. наша дивизия в составе 10-ой армии обороняла Саратов от Деникина. Я служил тогда в разведке. Выполняя задания, приходилось проникать в боевые порядки противника. Это было удобнее делать ночью. Но определить количество пушек, пулеметов и т.д. было трудно. Плохая видимость. Поэтому мы иногда ходили в разведку днем.

Однажды мы схитрили. Рядом с нами крестьяне из деревни (кажется, называлась Татищево) пасли скот. Уговорили их погнать скот

в сторону расположения деникенцев. Мы (мой напарник Костя Смоляков и я) переоделись в их одежду и развернули стадо ближе к лесу. Коровы разбрелись в разные стороны. Часовые подняли шум и начали стрелять в воздух. Мы тоже кричали на коров, дули в рожок, а сами загоняли их дальше в лес. Часовые угрожали: «Расстреляем сейчас всех ваших коров вместе с вами». Мы прочесали всю опушку, засекали линии траншей, окопы, посчитали орудия, пулеметные точки и т.д. Командир похвалил за ценные разведданные, за смекалку, но впредь «такие фокусы» (как он выразился) запретил категорически.

17 августа мы втроем ходили на ночную вылазку. Задача была опасная: достать языка, обязательно офицера. Мы знали расположение командного пункта белых. Однако нас постигла неудача. Не успели доползти до блиндажа, как ракеты осветили нас. Мы прижались к траве, затихли, почти не дышали. Только начали отползать, опять дали очередь. Что было дальше, я не помню. Очнулся в лазарете. Помню также, как санитар на машине, в кузове грузовика, отвозил нас, тяжело раненых, в городскую больницу (или госпиталь). Со слов врачей, из их разговоров между собой я сделал вывод: положение мое плохое. Ко мне врачи заходили чаще, чем к остальным. Иногда группами, как на экскурсию. Однажды с моим постоянным врачом, Борисом Павловичем Турченко, пришли два доктора. Борис Павлович сказал, что они профессора Медицинского института, кардиологи. Обменявшись какими-то непонятными мне словами, один из них сказал: «Вот что дружок. В моей практике такое встречается второй раз. Первый раз это было в декабре 1904 г., в Порт-Артуре. У матроса осколок японского снаряда застрял в голове, в черепной коробке, под левым ухом. Не добрался до мозга, левого полушария. Мы решили этот кусочек железа не трогать. Матрос оглох на левое ухо, но (слава Богу!) остался жив. Переписываемся. Ему сейчас 27 лет. Женат. Растет дочь. Живет на Сахалине, в г. Холмске, с рыбаками.

У Вас не лучше. Рентген четко показывает: пуля в 7 мм от сердца. Она устроилась там, как в колыбельке: бьется сердце — ее укачивает. Ее не только удалять, но дышать на нее опасно. Оставили ее Вам на память. Но мне кажется, опасность больше в шейном ранении. Там задеты нервные окончания. Это может дать знать о себе в любое время. Будем надеяться на лучшее, а пока надо лечиться».

В госпитале я провалялся до поздней осени. Меня комиссовали. Куда податься? Решил вернуться к своим. 28-ая стрелковая дивизия в составе 10-ой армии преследовала Деникина на Дону. В январе 1920 г. я добрался до штаба дивизии. Спрашивал, искал коменданта. Оказалось, что он давно уже не комендант, а начальник Политотдела дивизии. Напросился к нему. Он меня узнал. Рассказал ему о своих делах. Он понимал, сочувствовал, но сказал, что оставить на службе не имеет права. Я просился на любую работу: охранником, конюхом, поваром... Он созвонился с каким-то товарищем (видимо, с начальником), представил меня по телефону, и сказал, что направит меня к нему, с конвертом.

Я должен был вернуться в Саратов, сопровождая в ВЧК белого офицера — штабс-капитана. В Саратове, к своему удивлению, я оказался у самого заместителя начальника ВЧК. Получив от меня конверт и прочитав написанное, он долго и подробно со мной беседовал. Его интересовало все: от бабушки и дедушки до близких и дальних

родственников. И, конечно, моя короткая, но непростая служба в Красной армии. «Ваше поведение в плену мне не нравится, — сказал он. — Это мы проверим. Нам срочно нужен начальник особой команды. Надеюсь, Вы понимаете: война идет беспощадная, с использованием самых жестоких мер. Белые применяют против нас террор. Мы ответили им красным террором. Это наше классовое правосудие, суровое, непреклонное, но необходимое. Так нас учат товарищи Ленин и Троцкий. Надо безжалостно уничтожать дворян, помещиков, чиновников, священников, офицеров. Вот этим мы и занимаемся. В Вашем подчинении будут самые преданные нам люди. Они приводят в исполнение приговоры Советской власти. Расстреливают врагов народа. Это святое дело Революции. Вам поручается строго следить за исполнением этих приговоров. Подробности узнаете на месте. Идите в соседнюю комнату. Вас проинструктируют и сопроводят к месту».

Это злополучное место называлось Разбойщина. Кроме двух-трех нежилых строений там ничего не было. Возможно, они когда-то служили казармами для солдат. Теперь сюда доставляли приговоренных к расстрелу. Для их содержания никаких удобств не существовало. В этом не было необходимости. Приговоренные больше суток не содержались — вечером или ночью их доставляли, на рассвете расстреливали.

Там я был не более трех месяцев, в феврале-апреле 1920 года. Состав приговоренных был самым разнообразным: офицеры, священники, купцы, учителя и т.д. Попадались и женщины.

Моя задача заключалась в том, чтобы принять прибывшую партию, удостовериться в личности каждого, отобрать все документы и вещи, составить точный список, указав фамилии, имена и отчества, специальность и дату расстрела. Список удостоверился моей личной подписью.

Где-то в первых числах апреля прибыла очередная партия приговоренных, 26 человек. Все штатские. Среди них было семь священников, все в рясах. Когда они построились, я начал перекличку. При этом я близко подходил к каждому. Случалось, некоторые еле произносили свое имя, плохо стояли на ногах (их при аресте били). В таком состоянии находился и один из священников. Я дважды переспрашивал его фамилию. Посмотрев ему в лицо, я узнал священника, который читал молитву нашим пленным перед казнью на пароходе и который помог мне освободиться из белого плена.

Придя в свою комнату, я не мог успокоиться, думал только о священнике. В списке он значился под фамилией Храповицкий. Я, как ответственный сотрудник ЧК, имел право с каждым поговорить, но вмешиваться в судебные дела мне было запрещено. Расстрел был назначен на пять часов утра. Около четырех я пригласил священника к себе в комнату. Предложил сесть, дал воды. Спросил: узнал ли он меня? «Узнал, но не поверил своим глазам», — сказал он. Не вникая в подробности, я ему предложил: соберитесь с силами, я дам Вам возможность бежать. Объяснил ему свой план. Он согласился.

На рассвете всех строем повели к месту казни. Шел сильный дождь. Видимость была плохая, но переносить время расстрела категорически запрещалось. Я обязан был присутствовать, давать команды, следить за точным исполнением порядка казни. На этот раз я нарушил установленный порядок — отстранил одного стрелка под

видом его нетрезвости и сказал, что я сам расстреляю предназначенных ему пять человек.

Храповицкий (по нашему уговору) стоял на правом фланге, прямо на краю обрыва оврага, заросшего кустарником. Здесь проходила траншея (могильник). Я сделал выстрел из нагана в воздух. Храповицкий упал и свалился с обрыва в траншею. Я дал стрелкам команду, как только дождь утихнет, траншею засыпать, а сейчас — на завтрак. Храповицкий благополучно спасся.

Здоровье мое ухудшалось на глазах. Раны давали о себе знать. Дважды я падал в обморок. Физическая и психологическая нагрузка была мне не по силам. Однако в ЧК попросили немного потерпеть — до подбора нового сотрудника на мое место. Но болезнь решила по-своему. Меня разбил паралич. Левая нога и рука полностью утратили свои двигательные функции. Левый глаз ослеп. Ногу и руку ампутировали. Одним словом, в 22 года я потерял все. Жить не хотелось. Не раз брался за наган (мне его оставили как награду за службу в ВЧК) и откладывал.

Единственным моим утешением было сидеть на базаре, около железнодорожного вокзала. Там я познакомился с одной женщиной, татаркой. Она торговала печеной картошкой, солеными огурцами, квашеной капустой. Часто меня угощала. Мы встречались там почти каждый день. Однажды (это было поздней осенью) она предложила уехать к ее матери в поселок, недалеко от Казани. Я согласился. С тех пор, вот уже 24 года, живем в этом поселке. У нас двое детей: дочка и сынишка. Жена (зовут ее Рабига) занята огородом и детьми. Я зиму провожу с ними, летом работаю в Казани. Так и живем.

Наши беседы продолжались не один и не два вечера, но к главному, мне кажется, он подошел только в конце своего рассказа. Понимаю, сказал он, что я человек только наполовину — одна рука, одна нога, один глаз — но это меня не очень пугает. Как-нибудь проживу. Люди видят только мою инвалидность. Удивляются, почему я не оформляю пенсию, не лечусь в районной больнице. Упрекают: напрасно отказался работать в Заготзерно приемщиком. Они по-своему правы: «нормальный» инвалид должен бы поступить именно так. Все дело как раз в том, что я не обычный инвалид. Ведь никто, кроме жены (а теперь и тебя) не догадывается, кто я такой на самом деле. Я преступник перед людьми и перед Богом. Страшно даже подумать — я служил в ЧК начальником расстрельной команды. Клянусь Аллахом, я не расстрелял ни одного человека, но ведь я руководил казнью, требовал от пьяных красноармейцев стрелять в голову и без промаха. Я точно выполнял распоряжения комиссара. Боролся, как он требовал, с «классовым врагом». За три месяца мы закопали в окопах Разбойщины сто семь таких «врагов». Каждому из них (за пять минут до залпа) я смотрел в глаза, просил прощения взглядом. После такой экзекуции не знал, что мне делать, как жить дальше и смогу ли я пережить казнь очередной партии. Задавал себе один и тот же вопрос: почему не отказался, когда узнал, куда меня направляют? А может комиссар меня проверял после освобождения из плена? Это очень похоже на правду.

Не дает покоя и другая печаль. Храповицкого могли поймать в любое время. И что он скажет о своем «спасении»? Все нити непременно приведут к начальнику команды, представителю ЧК Шакиро-

ву. Ведь вся команда знает, как я отстранил стрелка, обвинив его в нетрезвости, хотя он был не больше пьян, чем другие. И решил стрелять сам, тогда как до этого ни разу не брался за свой наган. Короче все улики были против меня.

Может быть, такой исход был бы для меня самым счастливым концом, но Аллах решил, как видим, иначе: оставил меня жить в муках. Вот так, в постоянном страхе, живу я двадцать три года. Этот страх не покидал меня ни днем, ни ночью. Если даже ничего и не случится, я уже не смогу прожить оставшуюся жизнь. На моей совести 107 загубленных душ. Я даже не осмелюсь рассказать сыну и дочери о своей жизни. Это непростительный грех, что я завел детей.

Это была наша последняя беседа и последняя встреча. В августе 1944 г. мы расстались. Меня призвали в армию. Он остался в Казани.

Спустя двенадцать лет, летом 1956 г., я приехал в отпуск навес- тить родителей. На другой же день пошел к Сабиру. Зашел в хорошо знакомый мне бревенчатый дом. Дома, в огороде, я окликнул его дочь. К тому времени я уже знал, что Сабира нет в живых. Мы сели на аккуратно сложенные у сарая нагретые солнцем бревна от старой бани, и она тихо и неторопливо вспоминала о последних земных днях отца. Сабир в конце мая 1945 г. вернулся из города и больше туда не ездил ни разу. На здоровье не жаловался, но, несмотря на это, ничем не хотел заниматься. Со двора выходил очень редко.

Однажды, в начале осени 1952 г. (это было 27 сентября), как всегда, перед сном, он вышел покурить на крыльцо. На этот раз долго не возвращался. Мы всей семьей, втроем, пошли его искать. Обо- шли все соседние улицы. Через четыре дня, первого октября, отца обнаружили на кладбище. Наткнулись на тело совершенно случайно, во время похорон. Отец сидел как в глубоком сне, прислонившись спиной к стволу большой березы. На правом виске запеклось пятно крови. Револьвер лежал рядом, чуть в стороне. Похоронили его там же, у березы. Револьвер забрала милиция.

В 1953 г., в год смерти Сталина и берьевской амнистии, кажется, в начале в начале зимы, рано утром к нам постучался мужчина. Выг- лядел он лет на семьдесят. Его сопровождал мальчик лет 14—15, ви- димо внук. Старик представился знакомым Сабира по Гражданской войне. Он попросил проводить его на кладбище, к могиле Сабиржана (так он выразился).

Когда подошли к могиле, попросил нас оставить его одного. Мы отошли в сторону и видели, как он стоял, сняв шапку, у ног усопше- го, затем с трудом опустился на колени и молился. Перед уходом он встал у изголовья Сабира, еще раз помолился, достал с груди, рас- стегнув пальто, маленький крестик на цепочке и бережно положил его на могилу. (На второй день мы решили забрать крестик домой. Он и сейчас висит на стенке у фото отца в форме красноармейца, рядом с дедом).

От нашего предложения проводить их до вокзала он отказался. Мы тепло попрощались. Перед выходом из калитки, он остановился, перекрестил нас и наш дом. С тех пор мы с ним не виделись. Но однажды он дал о себе знать. Перед новым годом мы получили де- нежный перевод на сумму 275 рублей. Обратного адреса не было, стояла лишь фамилия — Храповиций.

Должностные преступления и наказания в первой половине XIX в.

О.А. Плех

Аннотация. В статье анализируется структура должностной преступности в местном аппарате управления первой половины XIX в. и характеризуется система назначаемых наказаний. На материалах Вологодской уголовной палаты представлены основные категории должностных преступлений, выделены типы судебных решений и рассмотрена практика назначения наказаний.

Ключевые слова: должностное преступление, местный аппарат управления, Вологодская губерния.

Abstract. The article analyzes the structure of malfeasance in the local bureaucratic apparatus of the first half of the XIX century and characterizes of the system of the assigned punishment. On materials of the Criminal Chamber of the Vologda described main categories of malfeasance, excreted the types of judgments and investigated the practice of punishment.

Key words: malfeasance, local bureaucratic apparatus, Vologda Governorate.

В современной России сюжеты, связанные со взятками, казнокрадством, очень популярны в публицистической литературе. Они привлекают внимание и историков, однако, полноценная характеристика должностной преступности в конкретный исторический период до сих пор остается большой редкостью. Так, например, лишь некоторые вопросы, связанные с порядком регистрации и расследования преступлений провинциальных чиновников в первой половине XIX в., нашли отражение в литературе. В настоящей работе впервые предпринимается попытка на основе анализа материалов местных учреждений представить структуру должностной преступности и систему назначаемых наказаний. Источниковой базой послужили документы, отложившиеся в Государственном архиве Вологодской области (ГА ВО). Ввиду того, что данные о состоянии должностной преступности в изучаемый период не систематизированы ни в отчетной, ни в текущей документации, единственным источником информации для

Плех Олеся Анатольевна — аспирант центра «История России в XIX — начале XX в.» Института российской истории РАН. E-mail: plekh@mail.ru.

Plekh Olesya A. — PhD candidate of Center «Russian History of the 19th and early 20th centuries», Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: plekh@mail.ru.

исследования является первичное делопроизводство судебных учреждений: протоколы и журналы заседаний.

Преступления гражданских служащих были подсудны губернским уголовным палатам ¹. В ходе работы с архивными фондами выявлено и проанализировано 877 уголовных дел о должностных преступлениях, рассмотренных Вологодской палатой уголовного суда за 1802—1855 гг. ², что составляет не менее 95% от всех дел интересующей нас категории преступлений, которые прошли через данное судебное учреждение за указанный период ³. В 549 делах речь шла об обвинении в совершении одного должностного преступления, в 328 — в двух и более преступных актах, каждый из которых представлял собой самостоятельный состав преступления. В последнем случае речь шла о совокупности преступлений ⁴. Такие дела образовывались двумя путями: на досудебной стадии, когда в процессе расследования выявлялось несколько связанных между собой противоправных деяний, ни одно из которых прежде не рассматривалось судом; и на стадии судебного разбирательства, когда сам суд считал целесообразным объединить несколько дел в одно. Рассмотрение дел по совокупности было удобно как для государственных органов, так и для самих подсудимых. Ввиду того, что речь шла о должностных преступлениях, полиция и суд стремились затягивать их расследование и рассмотрение, а присоединение нового дела к уже открытому позволяло оправдывать длительные сроки судебных разбирательств. Подсудимые осознавали, что рассмотрение каждого их преступного деяния по отдельности будет отражаться как неоднократное нахождение под судом и, следовательно, в каждом последующем случае учитываться как отягчающее обстоятельство, уменьшающее шансы на оправдание. Конечно, сама по себе совокупность преступлений также являлась отягчающим фактором, однако на практике случаи, когда доказывались все действия, которые вменялись в вину обвиняемому, были единичными.

При изучении должностной преступности первой половины XIX в. главная проблема, с которой сталкивается исследователь, — это классификация преступлений. Трудности обусловлены отсутствием в законодательстве стабильного и четкого разграничения категорий противоправных деяний. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые представлена развернутая номенклатура должностных преступлений. Именно она и послужила основой для настоящего исследования. Такой подход позволил более наглядно продемонстрировать весь спектр правонарушений, но при этом осложнил работу с архивным материалом, поскольку делопроизводство местных судов имело свою специфику. С одной стороны, документация по должностным преступлениям велась с особой пометкой «следственное дело», что упрощало исследовательскую задачу; с другой — во вводной части протоколов и журналов заседаний указание на конкретные составы преступлений, в совершении которых обвинялись служащие, не являлось обязательным требованием. Вместо этого часто применялись такие формулировки, как «разные противозаконные действия», «злоупотребления по должности», «разные беспорядки» и т.п. Следовательно, помимо собственно выявления уголовных дел, требовалось подробное ознакомление с материалами

каждого из них для того, чтобы определить, какие нормы закона нарушены и к каким категориям должностных преступлений они должны быть отнесены.

Анализ содержания судебных материалов позволил установить, что в 877 уголовных делах зафиксировано 1330 должностных преступлений. В ходе исследования они классифицированы на 11 категорий. Уголовное судопроизводство первой половины XIX в. имело определенные особенности, которые отражались на судебных приговорах. Поэтому сначала следует рассмотреть типы судебных решений — оправдание подсудимого, оставление его в подозрении, обвинение с назначением наказания, обвинение без назначения наказания, амнистирование — а уже затем перейти к непосредственной характеристике отдельных категорий преступлений.

Оправдательный приговор Вологодская палата уголовного суда вынесла после рассмотрения 336 должностных преступлений. В качестве основания указывалась невинность подсудимого, что неудивительно, поскольку главным доказательством вины являлось чистосердечное признание, а при его отсутствии практически любое другое доказательство могло быть подвергнуто сомнению по формальным признакам, то есть признано «несовершенным».

Уникальной разновидностью судебных решений первой половины XIX в. являлось оставление обвиняемого в подозрении разной степени («в подозрении» и «в сильном подозрении») (102 должностных преступления). Такой приговор выносился в случае, когда подсудимый не признавался в содеянном, но против него имелось значительное количество «несовершенных» доказательств, которые, с одной стороны, не позволяли полностью оправдать лицо, а с другой — не могли послужить законным основанием для обвинения в преступных действиях. Иными словами, это было среднее состояние между оправданием и обвинением. Какие нежелательные последствия ожидали подсудимого, оставленного в подозрении? Согласно закону, ему могло быть назначено наказание, более мягкое, чем полагавшееся за вменяемое ему преступление. При повторной отдаче под суд факт оставления в подозрении мог учитываться как отягчающее обстоятельство. Из выявленных 102 приговоров рассматриваемой категории (в подозрении — 65, в сильном подозрении — 37) только в исключительных случаях обвиняемые подвергались наказаниям: их либо приговаривали к покрытию убытков, последовавших от противоправных действий, либо, признавая неблагонадежными, увольняли и запрещали впредь занимать государственные должности и участвовать в выборах. В основном же оставление в подозрении ничем не грозило обвиняемому и не влекло уголовной ответственности. Так, рассматривая в 1819 г. дело о лихоимстве земского исправника, уголовная палата оставила его в подозрении, несмотря на то, что показания против него дало более 200 чел. и до этого он уже дважды был под судом по обвинению во взятках, но избежал ответственности из-за «несовершенных» доказательств⁵. Кроме того, суд мог предоставить обвиняемым возможность «восстановить невинность» путем принятия «очистительной присяги и этим изгладить подозрение, на них лежащее»⁶. Таким образом, оставление в подозрении по сути представляло собой разновидность оправдательного приговора, не исклю-

чающую наступление дисциплинарной ответственности и необходимость возмещения ущерба.

Более половины приговоров Вологодской уголовной палаты по должностным преступлениям были обвинительными (688 должностных преступлений). Назначение наказания, его вид и размер зависели от усмотрения суда, которое оказывалось под влиянием многих факторов: сословное происхождение обвиняемого, занимаемая должность, возраст, психическое состояние, коррупция, межличностные отношения и т.д. Кроме того, из материалов следственных дел видно, что суд произвольно решал, заслуживает ли «уважения» оправдание подсудимого и следует ли учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства, определял какие доказательства можно допустить и какие исключить, а также устанавливал их доказательственную силу и т.п. В целом суд демонстрировал лояльное отношение к подсудимым, в особенности, если ими становились дворяне, занимавшие должности присутствующих в губернских и уездных органах управления. Установлено, что при вынесении приговора смягчающие обстоятельства учитывались более активно, нежели отягчающие: если первые фигурировали в трети обвинительных заключений (226 приговоров со смягчающими обстоятельствами), то последние — только в редких случаях (40 — с отягчающими).

Определенной схемы действий суда выявить невозможно, поскольку в каждом конкретном случае все решалось индивидуально: одно и то же по существу должностное преступление с аналогичным набором доказательств суд рассматривал совершенно по-разному, позволяя одним уходить от ответственности, а других подвергал строгим наказаниям. Всему этому способствовали особенности законодательства. До 1845 г. наказания представляли собой совокупность несогласованных между собой мер уголовно-правового воздействия. Единого свода уголовных норм не существовало, и приговоры суда основывались на нормах права, закрепленных в разных законах, принятых еще в XVII—XVIII веках⁷. Большинство применяемых норм гласили, что подсудимые наказываются «смотря по важности дела и произошедшего от того вреда». Из конкретных видов наказаний указывались, как правило, крайние меры, предусмотренные для умышленных деяний, совершенных из корыстных или иных личных побуждений. В остальных случаях суду позволялось решать судьбу осужденных «по мере злоупотребления». Наряду с закрепленной в судопроизводстве теорией формальных доказательств, где главным доказательством вины являлось признание обвиняемого, действовала и презумпция виновности — правило о необходимости ответчику доказывать свою невиновность и опровергать обвинение⁸. Будет ли применяться презумпция виновности в том или ином уголовном деле и каким образом она повлияет на величину наказания, решалось также по усмотрению суда. На практике противоречия и пробелы в законодательстве приводили к злоупотреблениям и манипуляциям с законом.

В 1830-е гг. предпринимались попытки ограничить действия суда рамками закона и упорядочить правила судопроизводства, но только с изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. наказания и их размеры впервые были систематизированы и соотнесены с категориями преступных деяний. В качестве высшей меры за

преднамеренное совершение почти всех категорий должностных преступлений закреплялись наказания, лишавшие или ограничивавшие права состояния: смирительные дома, работные дома, исправительные арестантские роты гражданского ведомства, ссылка в Сибирь на поселение, ссылка на каторжную работу. При отсутствии прямого умысла закон позволял назначить более мягкие виды наказаний: тюремное заключение, кратковременный арест, исключение из службы, отрешение от должности (увольнение с лишением права вступать на государственную и общественную службу в течение трех лет), удаление от должности (увольнение), вычет из времени службы, денежное взыскание. Если же устанавливалось, что преступление не повлекло важных последствий и имелись смягчающие обстоятельства, то в зависимости от сословного происхождения и занимаемой должности должны были назначить строгий выговор, выговор, замечание или внушение.

В ходе анализа судебных материалов в отдельную группу были выделены преступления, по которым был вынесен обвинительный приговор, но наказание не назначено (75 должностных преступлений). Закон закреплял три обстоятельства, исключавшие наказуемость: смерть виновного, давность преступления и примирение с обиженным («мировое соглашение»⁹). Перечисленные основания фигурировали только в 13 приговорах уголовной палаты: смерть виновного — 9¹⁰, давность — 1, примирение с обиженным — 3. На практике применялись и другие, не прописанные в законе основания освобождения от наказания. Среди наиболее распространенных следует указать: долговременное нахождение под судом (более одного года); назначение наказания за правонарушение административным порядком до судебного разбирательства (увольнение, штраф, взыскание ущерба, причиненного преступлением, арест и т.д.); отсутствие жалоб от обиженных при рассмотрении дел по превышению власти; отсутствие прямого умысла и значительных последствий преступных действий. Остальные случаи разнообразны и не поддаются обобщению. Так, один подсудимый был освобожден от наказания потому, что «изъявил желание поступить в ополчение для борьбы с Наполеоном»¹¹. Кроме того, по 11 преступлениям суд, не назначая наказания, предоставил решение участи подсудимого «на усмотрение начальства» (губернского правления).

Освобождение от уголовного наказания не исключало дисциплинарной и материальной ответственности. Дисциплинарное воздействие проявлялось, как правило, в «подтверждении», то есть предупреждении, чтобы впредь подсудимый поступал согласно законам, в противном случае он будет наказан по всей строгости. Также вопрос о том, продолжит ли он государственную службу, оставался открытым и зависел от воли губернского правления. Материальная ответственность наступала всегда: возмещался имущественный ущерб от противоправных действий и взыскивались казенные издержки на производство следствия. Даже смерть не позволяла избежать покрытия убытков (взыскание налагалось на имущество подсудимого и его наследников).

По 129 должностным преступлениям подсудимые были освобождены от уголовной ответственности по амнистии. Право даровать про-

шение принадлежало только императору и реализовывалось путем издания всемилостивейших манифестов, приуроченных к знаменательным событиям. В изучаемую эпоху было принято 5 таких манифестов¹². Перечень деяний, не подлежавших прощению, мог варьироваться: в 1801 и 1826 гг. он включал в себя: убийство, разбой, грабеж и лихоимство; в 1841 г. к перечисленному добавились: похищение казенной собственности лицом, которому доверено ее хранение, фальшивомонетничество и подлог. Манифест 1814 г. амнистировал подсудимых по всем должностным преступлениям, а 1855 г. — не указывал конкретных деяний, но освобождал тех, кому не грозило лишение или ограничение прав состояния. В ходе исследования установлено, что, ссылаясь на манифест 1841 г., суд незаконно освободил от уголовной ответственности подсудимых по 21 растрате и по 4 подлогам. Выявлено 24 должностных преступления, где подсудимые были амнистированы без рассмотрения дел по существу. Это также следует расценивать как противоправные действия суда, поскольку для того, чтобы определить, подпадает ли дело под статьи манифеста, необходимо было ознакомиться с его материалами. Протоколы же по указанным 24 делам содержат очень скудную информацию: только имя и должность подсудимого и расплывчатую характеристику его деяний, сформулированную в одном предложении.

Основываясь на анализе судебной практики, следует указать на особенности действия актов амнистии. Во-первых, «прощенное» виновному деяние учитывалось при привлечении к уголовной ответственности за последующие преступления, если таковые были совершены, то есть устанавливался факт рецидива. Во-вторых, амнистированных освобождали от личного наказания, но приговаривали к покрытию убытков, нанесенных их преступлениями, и судебных издержек, а также могли привлечь к дисциплинарной ответственности.

Попробуем теперь рассмотреть категории должностных преступлений с учетом практики назначения наказаний. Неисполнение указов, предписаний и законных требований по службе не многочисленная (51 преступление из 1330), но весьма важная категория. На протяжении всего изучаемого периода во время ревизий, проводимых сенаторами, генерал-губернаторами и другими уполномоченными чиновниками, обнаруживалось, что местные учреждения не проявляют рвения при исполнении указов, даже исходящих из центральных органов управления. Что же касается предписаний губернского правления либо непосредственного начальства, то вскрывались многочисленные факты их игнорирования со стороны исполнителей¹³. Вместо принятия решительных мер к пресечению подобного поведения и отдачи под суд губернское правление предпочитало «строжайше» и «наистрожайше» предписывать должностным лицам исполнять предписания и побуждало их к работе путем подтверждений и выговоров, что на практике не являлось эффективным стимулом.

Материалы уголовных дел по неисполнению начальственных предписаний свидетельствуют, что в отношении дворян либо выносили обвинительный приговор без назначения наказания (в основании приговора указывалось, что досудебные меры и предание суду с удалением от должности «довольно дали прочувствовать вину»¹⁴), либо приговаривали к выговорам и строгим выговорам. Суд не всегда

обосновывал свое решение отсутствием умысла в действиях подсудимых. Так, один становой пристав в 1846 г. был приговорен лишь к строгому выговору без внесения в формулярный список, при том, что сам не смог объяснить, почему указы губернского начальства и земского суда не исполнялись даже после 6 подтверждений и ряда выговоров от губернского правления¹⁵. По отношению к выборным горожанам и крестьянам суд оказывался менее снисходителен. К примеру, в 1826 г. выборные городского магистрата за ненамеренное неисполнение предписаний получили штраф в пользу казны в размере 100 руб.¹⁶, а голова волостного правления в 1829 г. был приговорен к исключению из службы и «в пример и страх другим» к дополнительному наказанию — аресту на 1 месяц¹⁷. В случаях, когда наказание назначалось по совокупности преступлений, то есть помимо неисполнения предписаний вменялись в вину и иные противоправные деяния, к осужденным могли применить более строгие меры воздействия, в том числе и ссылку на поселение¹⁸.

Превышение власти и противозаконное бездействие являлось самой многочисленной категорией преступлений (334 из 1330). Подобные правонарушения имели большое распространение среди полицейских служащих и крестьянских выборных лиц. Взыскание недоимок, расследование преступлений, контроль за выполнением земских повинностей и т.п. нередко сопровождались побоями, притеснениями и иными злоупотреблениями. Раскрываемость по данному виду преступлений и число обвинительных приговоров с назначением наказания очень велики (198 должностных преступлений). Такие показатели были обусловлены спецификой правонарушений: во многих случаях вина подсудимых была очевидна, поэтому в их же интересах было сделать чистосердечное признание, приведя все возможные доказательства отсутствия «злого» умысла в своих действиях. При таких обстоятельствах закон гарантировал снисхождение суда.

Рассматривая практику назначения наказаний за превышение власти и противозаконное бездействие, можно выделить некоторые тенденции. В первой четверти XIX в. среди мер воздействия доминировали штрафы и аресты (на 1—2 недели), а приговоры со смягчающими обстоятельствами содержали строгие выговоры, выговоры и подтверждения. Во второй четверти XIX в. наибольшее распространение получили наказания дисциплинарного характера: до издания Уложения о наказаниях 1845 г. активно практиковалось исключение из службы, после — увольнение, отрешения от должности и выговоры. Наказания, связанные с лишением свободы, стали встречаться редко. Но, если в первой четверти XIX в. существовали только аресты, и они назначались вне зависимости от сословного происхождения и занимаемой должности (в основном по отношению к канцелярским служащим), то с середины 1820 гг. появилось еще и тюремное заключение, а сроки содержания значительно возросли (до 1 года). Применялось лишение свободы исключительно к выборным городским и крестьянским должностным лицам. Кроме того, на протяжении всего периода за превышение власти и противозаконное бездействие выборных крестьян приговаривали к телесным наказаниям. Что же касается наказаний, лишающих или ограничивающих права состояния, то они назначались только по совокупности с другими преступлениями¹⁹.

Противозаконные действия при хранении и управлении вверенным по службе имуществом и денежными суммами (229 преступлений из 1330) — категория преступлений, на которую государство обращало особое внимание. Обеспечение сохранности имущества, в особенности казенного, для центрального правительства имело принципиальное значение. Растраты, особенно в крупных размерах, не оставались без внимания и свидетельствовали о несостоятельности администрации, поскольку именно губернатор и губернское правление являлись высшим органом надзора на местах и были ответственны за результаты и качество работы должностных лиц. В связи с этим, по отношению к растратам в следственной и судебной практике выработался особый подход. Для полицейских органов было важно найти подозреваемого. В противном случае взыскание убытков за нераскрытое преступление могло быть возложено на следователей, которые плохо выполнили свою работу и позволили виновному избежать суда²⁰. Подозреваемые и должностные лица учреждений, где произошла растрата, предпочитали во время следствия указать на предполагаемого виновника и, как правило, в качестве таковых представляли канцелярских служащих. К примеру, ответственность за открывшуюся в 1821 г. растрату денежных сумм губернского правления (около 56 тыс. руб.) возложили на «приходо-расходчика» (канцелярский служащий, заведовавший приходо-расходной документацией). И, несмотря на его утверждение, что часть денег была взята другими служащими, наказанию больше никого не подвергли²¹. Для суда главной установкой было возместить ущерб, причиненный преступлением. В случае, если не удавалось выявить конкретного виновника, взыскание убытков налагалось на всех служащих, в обязанности которых входил надзор за сохранностью казны в учреждении. Уход со службы и смерть не освобождали должностных лиц от материальной ответственности.

Специфичным являлось и поведение подсудимых. Если по результатам следственных действий их вина становилась очевидной и было ясно, что суд сочтет их ответственными за хищение денег, то преступники чистосердечно раскаивались и добровольно возмещали ущерб до судебного рассмотрения (в таком случае гарантировалось смягчение наказания). Фактор времени имел важное значение, так как покрытие убытков уже после того, как дело попало в суд, не влияло на приговор, и по закону обвиняемого должны были наказывать по всей строгости. Если же преступник был уверен, что явных доказательств его вины нет, и речь шла о крупных растратах, то он предпочитал не признаваться, и тогда его судьба уже зависела от стечения обстоятельств и его находчивости. Конечно, встречались и исключения из правил. Так, в 1820 г. уголовной палатой рассматривалось дело о хищении денежных сумм из уездного казначейства, совершившееся на протяжении 1811—1816 годов. Уникальность этого дела заключается в том, что это чуть ли не единичный пример, когда один из подсудимых сознался по всем пунктам обвинения. Уездный казначей не только подтвердил свою причастность к растрате, но и изобличил себя в других противоправных деяниях: сокрытие документов, подлог, нарушение установленных правил учета поступающих и хранящихся сумм. Кроме того, он сознался, что регулярно давал взятки

уездному стряпчему, чтобы тот не доносил о его злоупотреблениях начальству, а также указал на асессора казенной палаты, участвовавшего в расследовании и требовавшего с него в подарок 1000 руб. за помощь в сокрытии преступлений²². Естественно, должностные лица, на причастность которых указал казначей, не признались, а «искреннего» чиновника приговорили к лишению чинов, личного дворянства и отдаче в солдаты (в случае негодности — к ссылке в Сибирь на поселение). Ввиду того, что растроченная сумма была значительна (почти 24 тыс. руб.) и имущества осужденного не хватало на ее покрытие, суд посчитал уместным наложить взыскание остатков на городничего, стряпчего и членов уездного суда, производивших ежемесячные свидетельства сумм, и на членов казенной палаты, допустивших казначея к должности с «недостаточным поручительством»²³.

В целом практика назначения наказаний по данной категории правонарушений была такова. В первой четверти XIX в. за несоблюдение казенного интереса при хранении и управлении имуществом приговаривали к арестам (1—2 недели), денежным взысканиям, исключениям из службы, увольнению. В смягченном варианте приговора либо не назначалось наказание, либо в наказание засчитывалось увольнение и нахождение под судом. Со второй четверти XIX в. содержание приговоров изменилось. При наличии смягчающих обстоятельств суд назначал исключение из службы, отрешение от должности, увольнение, строгий выговор или выговор, а в отношении изблеченных в растратах, вне зависимости от признания вины, — наказание, лишаящее прав состояния²⁴. Как уже упоминалось, по каждому преступлению в приговоре указывались лица, на которых налагалось взыскание убытков.

Подлоги по службе, включавшие составление фальшивых актов, поправки и подчистки в документах, подделки подписей, заочное «рукоприкладство», незаконное засвидетельствование документов и т.п. (77 преступлений из 1330) являлись одними из наиболее тяжких деяний, за которые полагались наказания, лишаящие прав состояния. Данное правонарушение могло быть совершено только преднамеренно и имело корыстные или иные личные мотивы. Подсудимые не спешили раскаиваться, а без признания вины преступление становилось труднодоказуемым. Даже сходство подчерка обвиняемого с поддельным документом и наличие на нем его подписи не являлось «совершенным» доказательством вины и лишь позволяло оставить его в подозрении. Половина обвинительных приговоров содержала строгие наказания. При этом большинство из них было вынесено по совокупности преступлений, когда подсудимых удавалось признать виновными в подлогах лишь потому, что в остальных противозаконных действиях они явно изблечались (растраты, взятки, превышения власти)²⁵. В остальных случаях приговоры содержали исключения из службы, аресты (1—2 недели) и штрафы. Такого смягчения наказания могли добиться подсудимые, признавшие свое деяние, но доказавшие, что оно было совершено непреднамеренно: «по ошибке» или «по незнанию закона».

К неправосудию закон относил такие деяния, как несправедливый судебный приговор, незаконная отдача под суд, избавление ви-

новного от наказания судебным приговором, ненадлежащий надзор за законностью судебных решений уполномоченными на то лицами (губернатор, прокурор, стряпчий и т.п.). Среди всех должностных преступлений данная категория — самая малочисленная (9 преступлений из 1330), что следует считать не показателем безукоризненной работы судебных учреждений, а свидетельством лояльного отношения к подобным злоупотреблениям в системе местного управления. Должностных лиц редко подвергали обвинению в неправосудии. Так, в 1814 г. канцелярский служащий уездного суда, увидев, что служащие закрывают на основании всемилостивейшего манифеста уголовные дела, не подпадающие под амнистию, решил доложить об этом начальству. Для доказательства он запечатал и лично привез губернатору подлинные журналы суда, объяснив свои действия тем, что копии постановлений не смогли бы уличить преступников, поскольку «суд по узнанию о его доносе, мог бы переправить или вовсе утаить» истинные записи в журналах²⁶. Несмотря на то, что донос подтвердился, в отношении членов уездного суда даже не возбудили уголовное дело, а вот «непослушного» канцелярского служителя предали суду за незаконный вынос из учреждения документов, оштрафовали и уволили.

Если же все-таки служащие попадали под суд за неправосудие, то наказывались отрешениями от должности, штрафами, выговорами и замечаниями, несмотря на то, что по закону их должны были приговаривать к ссылке в Сибирь на поселение. Смягчение наказаний оправдывалось отсутствием умысла, что в принципе нельзя считать законным основанием, поскольку должностные лица учреждений, наделенных судебными-следственными полномочиями, несли ответственность за каждый подписанный ими документ и обязаны были знакомиться с его содержанием. Так, в 1849 г. уголовная палата рассматривала дело о 14 должностных лицах земского суда. Суть обвинений заключалась в том, что они на протяжении 1838—1846 гг. административным порядком закрывали уголовные дела, подлежащие судебному рассмотрению, а также в 1841 г. зачислили без рассмотрения многие дела решенными по амнистии, среди которых одни — подлежали судебному рассмотрению, другие — вообще не могли быть прощены по манифесту²⁷. Подсудимые оправдали свои действия тем, что якобы секретарь «не основательно делал доклады, упуская важные сведения по делам, и не представлял ясных изложений тех дел». Секретарь же еще до начала следствия умер, не успев изложить свою версию событий. Даже если принять за истину показания подсудимых, то возникают вопросы. Чем вообще на протяжении восьми лет занимались полицейские чиновники, если совсем не подозревали о действиях секретаря? Почему не исполняли своих прямых обязанностей по рассмотрению указанных дел и как они их решали, не понимая сути изложенных материалов? Но уголовная палата подобными вопросами не задавалась и всем должностным лицам назначила лишь выговоры и замечания.

Из всего перечня категорий должностных преступлений лихоимство являлось наиболее тяжким с позиции закона (219 преступлений из 1330). Данное понятие применялось для обозначения взяток, незаконных поборов под видом государственных податей и вымогательства («высшая степень лихоимства»). В исторической науке сло-

жилося устойчивое представление о том, что коррупция в государственном аппарате первой половины XIX в. носила тотальный характер. Но вот, глядя на судебную практику, к такому заключению прийти нельзя, а если учесть, что по делам о лихоимстве только менее 10% приговоров были обвинительными, то вообще напрашивается вывод о неподкупности местных должностных лиц. Конечно, такие предположения в корне неверны. Уголовная статистика не может быть использована в качестве достоверного источника информации о масштабах распространения взяточничества, поскольку она лишь отражает отсутствие мер, направленных на противодействие коррупции со стороны государства. Иными словами, со взятками в изучаемый период не боролись, что становится очевидным после знакомства с содержанием уголовных дел. Сложившиеся традиции проведения следственных действий и правила оценки доказательств были таковы, что без собственного признания вины изобличить взяточника не представлялось возможным, и суд к этому не стремился. Главным аргументом оправдательных приговоров являлось отсутствие «совершенных» доказательств вины: жалобы частных лиц на вымогательства не принимались в учет по причине заинтересованности в решении дела; свидетельские показания (как правило, крестьянские) подвергались сомнению при малейшем их несоответствии друг другу, даже если на получение взятки указывало более сотни человек; приходо-расходные книги городских и крестьянских выборных органов управления не считались документом, подтверждающим передачу взятки²⁸. Даже повторное нахождение служащего под судом по обвинению в лихоимстве не являлось основанием для привлечения к ответственности: прикрывая свои действия гуманистическими идеями («лучше десять виновных освободить, чем одного невинного к смерти приговорить»)²⁹, суд благосклонно оставлял подсудимого в подозрении.

В итоге, из всех рассмотренных уголовной палатой дел о лихоимстве лишь по 19 преступлениям вынесены обвинительные приговоры и назначено наказание. В семи случаях подсудимые (выборные крестьяне) сознались в незаконном сборе денег с крестьян для дачи взятки, были исключены из службы и приговорены в зависимости от обстоятельств дела к разным наказаниям: тюремное заключение (от 2 мес. до 1 г.), ссылка в арестантские роты гражданского ведомства, ссылка в Сибирь на поселение, каторжные работы³⁰. По двум делам подсудимые (сельские писари выборных крестьянских органов) признались в принятии денежного вознаграждения за свой труд и были приговорены к взысканию суммы вдвое больше полученной³¹. В двух случаях устанавливалась дача взятки: в первом, как уже указывалось выше, уездный чиновник сознался, что давал взятки другим должностным лицам для сокрытия своих служебных преступлений и был приговорен к отдаче в солдаты (в случае негодности к ссылке в Сибирь на поселение)³², во втором — выборные крестьяне указали, что совершили преступление под страхом притеснения и в наказание были исключены из службы³³. Еще по двум делам выборных крестьян, не сумевших доказать передачу взятки, признали утаившими деньги и приговорили к телесным наказаниям, положенным за кражу³⁴. Только в шести случаях было установлено получение взяток и вымогательство. Среди подсудимых не признался только один выборный

крестьянин, но суд посчитал его виновным, поскольку он изобличался еще в «богохулении и порицании веры, произношении дерзких слов против императорского величества» и превышении власти. Видимо, столь серьезный набор правонарушений и сословное происхождение убедили суд в необходимости его осуждения и дали повод назначить самое строгое наказание из всех выявленных приговоров по должностным преступлениям: «35 ударов кнутом через палача публично и, поставя на лбу и щеках указные знаки, сослать в Сибирь в каторжную работу»³⁵. Остальные подсудимые (губернские и уездные чиновники и канцелярские служители) были приговорены либо к каторжным работам в Нерчинске³⁶, либо к ссылке в Сибирь на поселение³⁷.

Нарушения порядка при определении к должности, увольнении от нее и отношений между начальниками и подчиненными, а также медлительность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности — три категории должностных правонарушений, которые с современной точки зрения не соотносятся с понятием преступления. Подобные поступки по сути являются нарушением трудовой дисциплины, но в первой половине XIX в. государство, включая их в перечень общественно опасных деяний, подлежащих рассмотрению уголовного суда, пыталось добиться устрашающего эффекта и повысить качество работы должностных лиц.

За нарушение порядка при определении к должности и увольнении от нее (самовольное прерывание исполнения должности, продолжение исполнения должности после извещения об увольнении, оставление места службы без сдачи установленным порядком дел) служащие редко подвергались судебному преследованию (12 преступлений из 1330), но если попадали под суд, то наказывались исключениями из службы, арестами (1—2 мес.) и штрафами.

Нарушения порядка отношений между начальниками и подчиненными (43 преступления из 1330) — правонарушение, по-разному рассматривавшееся в отношении чиновников, выборных лиц и канцелярских служителей. Если для чиновников и выборных, обвинявшихся в слабом надзоре за подчиненными или в нарушении порядка отношения к ним, результатом суда в основном становились строгие выговоры и штрафы, редко — аресты (2—3 недели) и исключения из службы, то для канцелярских служителей, нарушивших долг подчиненности, приговоры отличались суровостью: отдача на военную службу, редко — временное заключение в смиренный дом.

Медлительность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности (228 преступлений из 1330) — категория правонарушений, отражавшая качество служебной деятельности. Как показала практика рассмотренных уголовной палатой следственных дел, самовольные отлучки от должностей, появление на службе в пьяном виде, вынос из учреждений документов на дом, утрата документов, беспорядочное ведение делопроизводства, нерасторопность в исполнении обязанностей и подобные нарушения были весьма распространенными явлениями в уездных и городских органах управления и часто совершались в совокупности с иными преступлениями. Раскаявшиеся подсудимые, приводившие правдоподобные оправдания своей нерадивости, наказывались выговорами, строгими выговорами, штрафами и кратковременными арестами. Тех же, кого изобличали в не-

добросовестности и признавали безнадежными к исправлению должностей, подвергали увольнению, отрешениям, исключениям из службы. Неспособных канцелярских служителей отдавали на военную службу.

Преступления при следствии и суде — категория, объединяющая незаконные деяния должностных лиц при производстве следствия и в ходе судебного рассмотрения (45 преступлений из 1330). В отличие от неправосудия, где речь шла о противоправных решениях учреждений, утвержденных в качестве законных, к рассматриваемой категории относились деяния отдельных должностных лиц, совершаемые с намерением скрыть следы расследуемых преступлений либо исказить факты и дать виновному возможность избежать ответственности. Решения уголовной палаты по таким делам учитывали ущерб, нанесенный преступлением: если он был незначительный, то назначались выговоры, строгие выговоры и штрафы, если существенный, то приговаривали к арестам до 3 мес. и исключениям из службы.

Ложные донесения о должностных правонарушениях представляли собой неосновательные рапорты, на основании которых служащие попадали под суд (34 преступления из 1330). По закону каждое должностное лицо, прежде чем доносить о преступлении, обязано было удостовериться в истинности сообщаемых сведений, «дабы не подвергнуть невинных суждению». Конечно, местные учреждения не любили доносчиков, и уголовная палата не была к ним благосклонна. Подсудимые, убеждавшие суд в составлении неосновательного рапорта без намерения навредить чиновникам или по ошибке, наказывались не строго: подтверждение, выговор, штраф, понижение в чине. Однако тех, кто упорно доказывал правдивость своего доноса и пытался изобличить других служащих, приговаривали к арестам до 1 мес., тюремным заключениям до 6 мес., исключениям из службы.

Из выявленных 1330 должностных преступлений 49 не были включены в рассмотренные категории противоправных деяний, поскольку они представляли собой особые разновидности служебных правонарушений: в сфере лесного, питейного и рекрутского законодательства, по межевым делам, при совершении крепостных актов и нотариальных действий и т.п.

Завершая анализ практики назначения наказаний, обобщим полученные данные. Обвинительные приговоры уголовной палаты редко содержали строгие наказания. В каждом третьем случае за совершение должностного преступления назначались подтверждения, замечания, выговоры или штрафы. Еще треть доказанных деяний влекла за собой увольнения, отрешения от должностей и исключения из службы. Около 20% преступлений были наказаны кратковременными арестами и тюремными заключениями. В остальных случаях были применены строгие меры: телесные наказания и наказания, лишаящие или ограничивающие права состояния. Всего за изучаемый период последней группе наказаний подверглось чуть больше ста человек, основную массу которых составляли крестьянские выборные лица и канцелярские служащие.

Ставшая крылатой фраза о том, что строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения, как нельзя лучше отражает характер судебных процессов по делам о должностных преступлениях. Государство не добивалось от системы местного управле-

ния искоренения преступности, а лишь пыталось сдержать ее в определенных рамках. Уголовная палата в основном благосклонно относилась к подсудимым, не стремилась создавать прецеденты жестокого наказания и, насколько это было возможно, смягчала приговоры. Боялись ли служащие последствий своих деяний? Чиновники, в особенности благородного происхождения, знающие как на практике интерпретируется законодательство, и понимающие какие нарушения не останутся незамеченными, умели избегать судебного преследования. Опытные служащие и состоятельные выборные лица, если и попадали под суд, то почти всегда находили лазейку, позволявшую уйти от положенной законом ответственности. В наиболее уязвимом положении, как правило, оказывались канцелярские служащие и крестьянские выборные лица.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-51-00010.

1. Преступления губернаторов, губернских предводителей дворянства, председателей губернских палат и губернских прокуроров относились к подсудности Сената. См.: Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб. 1842, с. 287.
2. Должностные преступления выявлены в ходе анализа 115 единиц хранения фонда 177 (Вологодская палата уголовного суда) Государственного архива Вологодской области. См.: ГА ВО, ф. 177, оп. 1. д. 1, 5, 8, 9, 15—17, 19—20, 25—27, 31—32, 36—37, 39—41, 44—45, 48—49, 53, 55—56, 58—59, 62, 64—65, 69, 71, 73—74, 79, 82—83, 86, 88, 92, 95—96, 98—100, 102—103, 105, 107, 109, 111, 113, 116—117, 119—120, 123—126, 128—130, 132—134, 136—138, 140—142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284—285, 301—306, 321—325, 338—342; оп. 3, д. 1—2, 25—27.
3. По причине неудовлетворительного физического состояния не удалось ознакомиться с несколькими архивными делами (там же, оп. 1, д. 30, 33, 52), которые в совокупности позволили бы выявить не более 3—5% следственных дел.
4. В ст. 134 Свода законов уголовных 1842 г. раскрывается понятие совокупности преступлений: «когда преступник... в разные времена учинил разные преступления, не быв за оные прежде наказан; или же, когда в одном деянии соединяются разные преступления». Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленный. т. 15, с. 26.
5. ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 79, л. 71—90об.
6. Полное собрание законов (ПСЗ-1), т. 30, № 23 716.
7. До опубликования Свода законов уголовных 1832 г. в судопроизводстве применялись: 10-я глава Соборного Уложения 1649 г., 50-я глава Генерального регламента 1720 г., Устав Воинский (Воинские артикулы и Воинские процессы) 1716 г., Устав Морской 1720 г., Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г., Учреждение о губерниях 1775 г., Устав благочиния 1782 г. и ряд указов XVIII в., регулировавших частные вопросы уголовной ответственности.
8. Презумпция виновности устанавливалась во 2 ч. 1 гл. 3 п. Краткого изображения процесса или судебных тяжб (Воинские процессы) 1716 года. ПСЗ-1, т. 5, № 3006.
9. Случаи, когда служащие наносили «обиду» (словами или действиями) другим лицам при исполнении своих должностных обязанностей, расценивались законом как превышение власти. Обвиняемый мог избежать ответственности за такой поступок, если до рассмотрения его дела в суде «полюбовно» договорился с обиженным. Свидетельством примирения служило «мировое соглашение» — документ, указывавший на отсутствие претензий к обидчику, скрепленный подписями обеих сторон. Подшивался в материалы уголовного дела.

10. Всего за изучаемый период выявлено 99 должностных лиц, умерших до вынесения приговора. Абсолютное большинство из них (90 чел.) проходили по уголовным делам в качестве соучастников. Они также были освобождены от ответственности, но лица, действовавшие вместе с ними, были осуждены и наказаны, поэтому такие дела попали в категорию обвинительных приговоров с назначением наказания.
11. ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 53, л. 246об.
12. ПСЗ-1, т. 26, № 19 814; т. 32, № 25 671; ПСЗ-2, т. 1, № 540; т. 16, отд. 1, № 14 460; т. 30, отд. 1, № 29 165.
13. См., например: Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1263, оп. 1, д. 256, л. 200об.—202об.; ф. 1341, оп. 32, д. 768а, л. 29—74; ГА ВО, ф. 14, оп. 1, д. 516, л. 1—23об.
14. ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 65, л. 348—352, 392—395; д. 83, л. 43—48; д. 117, л. 243—253об.; д. 129, л. 569—570об.
15. Там же, д. 213, л. 1263—1266.
16. Там же, д. 109, л. 518—537об.
17. Там же, д. 119, л. 884—895.
18. Там же, д. 227, л. 229—247; д. 321, л. 783—822об.
19. Там же, д. 71, л. 509—512; д. 82, л. 1355—1363; д. 96, л. 1045—1062об.; д. 172, л. 206—208об.; д. 199, л. 54—65об.; д. 227, л. 229—247; д. 242, л. 1287—1291об., 1337—1342 об.; д. 301, л. 10—22об.; д. 321, л. 783—822об.; д. 322, л. 97—179об.
20. Там же, д. 119, л. 516—523об.
21. Там же, д. 99, л. 317—318об.
22. Там же, д. 82, л. 1355—1363об.
23. Там же, л. 1361—1361об.
24. Там же, л. 1355—1363; д. 96, л. 1045—1062об.; д. 99, л. 317—318об.; д. 107, л. 269—272об.; д. 169, л. 635—636; д. 199, л. 184—186об., 586—587, 610—612об.; д. 227, л. 201—211, 229—247, 712—718об., 1130—1133; д. 242, л. 1287—1291об.; д. 258, л. 1532—1542; д. 271, л. 407—421, 797—810об.; д. 301, л. 10—22об., 1100—1137; д. 302, л. 1188—1208; д. 305, л. 1187—1211об.; д. 306, л. 817—827об., 1253—1266об., 1611—1626об.; д. 321, л. 595—606об.; д. 338, л. 54—132об., 269—291об.; д. 340, л. 66—84.
25. Там же, д. 82, л. 1355—1363; д. 99, л. 317—318об.; д. 107, л. 269—272об.; д. 146, л. 581—586; д. 199, л. 586—587; д. 227, л. 201—211, 229—247; д. 242, л. 1337—1342об.; д. 271, л. 407—421; д. 302, л. 1188—1208; д. 306, л. 817—827об., 1611—1626об.; д. 321, л. 253—291, 595—606об., 783—822об.; д. 338, л. 54—132об.
26. Там же, д. 65, л. 669.
27. Там же, д. 256, л. 1082—1133об.
28. ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 79, л. 71—90об.; д. 213, л. 1473.
29. Там же, д. 15, л. 1113; оп. 3, д. 2, л. 206.
30. Там же, оп. 1, д. 119, л. 824—828; д. 199, л. 184—186об., 246—257об.; д. 227, л. 423—426об.; д. 256, л. 432—433об.; д. 301, л. 1296—1302об.; д. 302, л. 524—532.
31. Там же, д. 303, л. 182—188об.; д. 306, л. 977—985.
32. Там же, д. 82, л. 1355—1363.
33. Там же, д. 186, л. 205—207об.
34. Там же, л. 1342—1343; д. 306, л. 1247—1252об.
35. Там же, д. 172, л. 206—208об.
36. Там же, д. 71, л. 509—512; д. 79, л. 927—939об.; д. 134, л. 1286—1290об.
37. Там же, д. 116, л. 1028—1044об.; д. 142, л. 1278—1302об.

Борьба иезуитов с индейским алкоголизмом в Новой Франции в XVII в.

А.В. Федин

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния распространения алкогольных напитков среди индейских племен Новой Франции в XVII в. и вызванных алкоголизмом деструктивных явлений среди индейцев, оказавших влияние на развитие и результаты миссионерской деятельности Общества Иисуса в Канаде.

Ключевые слова: Новая Франция, иезуиты, алкоголизм, мехоторговля, «францизация», отношения церкви и государства.

Abstract. This paper is devoted studying of influence of distribution of alcoholic drinks among Indian tribes of New France in XVII century, and the destructive phenomena caused by an alcoholism among Indians, on development and results of missionary activity of the Society of Jesus in Canada.

Keywords: New France, Jesuits, an alcoholism, fur trade, «francization», church and state relations.

Одной из серьезных проблем, с которой французские миссионеры и, прежде всего, иезуиты, столкнулись в своей деятельности среди туземного населения Северной Америки в XVII в., стал индейский алкоголизм. Коренные жители Америки не обладали стойким иммунитетом не только ко многим европейским инфекционным заболеваниям, но и к алкоголю. Зависимость наступала очень быстро и сопровождалась трагическими последствиями: нищетой, социальной, моральной и физической деградацией и, наконец, ранней смертью. Сообщения из колонии в течение столетия были наполнены описаниями ужасов, творимых туземцами в пьяном состоянии: «убивающих друг друга, мужей, сжигающих своих жен, жен, позорящих мужей, отцов, бросающих своих детей в кипящие котлы»¹. Не меньше миссионеров беспокоили религиозное непостоянство и отступничество, вызванные алкогольной зависимостью.

Федин Андрей Валентинович — кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета. E-mail: historfaculty@mail.ru.

Fedin Andrey V. — candidate of historical sciences, associate professor of Bryansk State University. E-mail: historfaculty@mail.ru.

Впервые иезуиты озвучили эту проблему сразу после возвращения в Канаду в 1632 г., при передаче англичанами захваченного ими в 1629 г. Квебека Франции ². «Фактически, пока я здесь, — сообщал первый суперитор (настоятель) Квебекской миссии о. Поль Лежён лишь через несколько месяцев после прибытия в Новую Францию, — я вижу только напившихся дикарей, слышу, как они кричат и бредят днем и ночью, как дерутся и ранят друг друга; даже женщины напиваются и вопят, словно фурии. Некоторые из их Капитанов умоляли французов не продавать им бренди или вино, говоря, что они станут причиной смерти их людей» ³. В результате, иезуитские миссионеры видели корень зла в недостойном поведении «дурных» европейцев и христиан, то есть еретиков-англичан и голландцев и их французских коллег-гугенотов, представителей мехоторгового бизнеса ⁴. Однако, учитывая тот факт, что проблема алкоголизма сохраняла свою остроту и в поздний период, когда колония достигла полной национальной и религиозной гомогенности, представляется, что и французы-католики приняли эту практику, то ли исходя из собственных интересов, то ли приспособившись к уже сложившимся коммерческим отношениям.

Вместе с тем, иезуитами не отрицались и другие факторы, в том числе, и социально-культурные: Лежён отмечал, что пьянство развито больше всего среди сирот. Он также связывал попойки с «обжорством», присущим индейцам, то есть обычаем потребления всей пищи, полученной в результате удачной охоты, что гарантировало успех и в следующей: «ибо дайте двум Дикарям две или три бутылки бренди, они сядут и, без еды, будут пить, одну за другой, пока не опустошат их» ⁵.

Миссионеры достаточно быстро обратили внимание на то, что индейское пьянство не похоже на европейское. «Пьянство Дикарей отличается от [пьянства] всех других людей, — писал на рубеже XVII—XVIII вв. настоятель сульпицианских миссий в Новой Франции аббат Бельмон в своей «Истории бренди в Канаде». — Дикари пьют только чтобы напиться и, став таковыми, творят лишь зло... Они пьют, не закусывая (ибо еда снижает эффекты бренди). Опьянев, они сбрасывают одежду... и бегают... голыми, избивая друг друга. Они откусывают друг другу носы и уши так, что у немногих лица без изъянов. Они бегают, завывая, с ножами в руках; они радуются, видя своих женщин и детей, убегающих от них, как будто они были господами мира. Некоторые убивают семью, которую находят» ⁶.

Иезуиты также отмечали, что туземцы «любят спиртные напитки с совершенно несдержанной страстью, не ради склонности к питью, а для удовольствия, которое они находят в состоянии опьянения. Они воображают..., что они — великие ораторы, что они храбры и огромны, что на них смотрят как на вождей...; есть едва ли Дикарь, маленький или большой, даже среди девушек и женщин, кто не наслаждался бы этим опьянением». «Они до крайности, неистово любят выпивку, и легко пьянеют», — заявлял иезуитский суперитор Франсуа Вимон в 1643 году ⁷. Подобное мнение разделяли и светские наблюдатели: «Индеец редко или никогда не пьет, — писал в 1663 г. губернатор Труа-Ривьер Пьер Буше, — но если напьется, то будет мстить кому-нибудь, или удовлетворять любую другую звериную страсть, в том числе, изнасиловать девушку или женщину» ⁸.

К середине 1640-х гг. миссионеры были убеждены, что пьянство среди туземцев является одним из главных препятствий для их обращения и сохранения в вере. Иезуит Ришар, работавший среди микмаков Миску в заливе Св. Лаврентия, отмечал в 1645 г., что все местные индейцы «уже стали бы христианами к этому времени, если бы не было спиртного, которое продают им... безнаказанно и [которое является] бичом этой области»⁹. В 1663 г. утверждалось, что из-за пьянства индейских неопитов «мы теряем за один месяц труды и усилия десяти и двадцати лет»¹⁰. Супериор канадской миссии о. Лемерсье заявлял в 1668 г., что есть только «один демон, — а именно, пьянство, который причиняет больше вреда, чем все демоны вместе», и выражал уверенность, что «Ангел может быть сделан из Варвара, если оградить его от бренди, ибо мы слишком хорошо знаем из опыта, что он превращает христиан в отступников, и разрушает самые прекрасные надежды на наши младенческие церкви»¹¹.

Алкоголь попадал в руки индейцев, как правило, в результате торговли, реже — в качестве подарков от колониальных чиновников по поводу заключения договоров или их пролонгации. Со временем, спиртное превратилось в одну из важнейших статей пушного бартера, вытесняя ножи, котлы или ткани. Естественно, на этой основе расцветало мошенничество, превращавшееся, подчас, в откровенный грабеж. Аббат Бельмон писал: «Французы, видя не поддающийся контролю аппетит, который Дикари имели к этому питью, продавали его им по невероятным ценам... Понимая, что нет другого вида торговли, в котором мог быть так легко обманут клиент, они начали фальсифицировать бренди, смешивая с грязной водой и продавая ложные меры... Они устанавливали собственные цены и обманывали пьяных Дикарей без страха за последствия». Это вело к долговой кабале и унижению индейских семей и целых племен: «Питие — демон, который отнимает у них разум, и так воспламеняет их страсть, что, после возвращения с охоты, богато загруженные кожами бобра, вместо того, чтобы обеспечить свои семьи припасами, одеждой и другими необходимыми запасами, они пропивают все доходы за один день и вынуждены проводить зиму в наготе, голоде и всех видах лишения», — сообщал иезуитский наблюдатель в 1660 году¹². «Чтобы иметь деньги на бренди, Дикари держат себя в бедности. Они крадут одежду, одеяла и даже пищу у своих жен и детей, что приводит эти бедные создания в отчаяние, к разводам и тысяче преступлений», — вторил ему аббат Бельмон полвека спустя¹³.

Пьянство также порождало насилие не только внутри отдельных племен, но и между различными племенами, особенно в условиях этнически смешанных иезуитских редуций второй половины XVII — первой половины XVIII в.: «Они всегда нападают друг на друга, напившись»¹⁴. В результате пьянства племена становились уязвимы перед своими врагами. Однажды целая деревня абенаки была разрушена ирокезским отрядом, потому что все ее жители были пьяны и забыли оставить даже одного стража¹⁵. «Источник и происхождение всех их [индейцев] бед — пьянство», — резюмировал в 1664 г. иезуитский историк Ф. Дюкре¹⁶.

С течением времени (и по мере роста оборотов торговли и зависимости) миссионерские рапорты об эксцессах, связанных с употреб-

лением алкоголя, становились все красочнее. «Были некоторые, — утверждал иезуитский хронист в 1660 г., — мания которых была настолько сильна, что, лишившись всего из-за ликера, они продавали даже собственных детей, чтобы получить средства опьянения. Дети, также, когда напивались, избивали своих родителей, не будучи наказанными за это... Каждая ночь наполнена шумами, ссорами и убийствами, вызванными попойками в хижинах. Нельзя вообразить беды, которые этот дьявольский порок вызвал в этой новой Церкви».

Вместе с бедностью расцветали безнравственность, ибо «молодые люди используют его [спиртное] как приворотное зелье, развращая девушек после того, как напоят их», и насилие, так как «те, кто находится в какой-нибудь ссоре, притворяются, что пьяны, чтобы дать выход безнаказанной мести». Иезуиты заметили, что пьяные люди приобретали иной правовой статус, по сути, иммунитет в рамках индейской племенной традиции, ибо «все им разрешено, поскольку они уверяют,.. что были тогда лишены разума»¹⁷.

«Разобщение и расторжение брака неизменно следуют из пьянства, вследствие горя и отчаяния их жен, когда они видят себя ограбленными своими пьяными мужьями, которые забирают у них все, чтобы купить ликер», — писал иезуит о. Лафито в 1718 году¹⁸. Никола Дени, один из сеньоров залива Св. Лаврентия, сообщал в 1672 г. о том, что индейские «женщины и взрослые девушки также много пьют, но тайно, и они скрываются с этой целью в лесах. Моряки хорошо знают об этих свиданиях. Именно они снабжают бренди и приводят их в столь благоприятное состояние, что могут делать с ними все, что захотят. Все это полностью разрушило их, и они не заботятся больше о религии. Они оскорбляют имя Бога, воруют и мошенничают, и потеряли свою прежнюю чистоту, и женщины, и девушки, по крайней мере, те, кто пьет»¹⁹.

Иезуиты пытались бороться с торговлей спиртным с индейцами, опираясь на колониальное законодательство. «Разрешено ли христианину продавать Дикарю то, что делает его подобным зверю, превращает его во льва и препятствует тому, чтобы он получил Веру Иисуса Христа?», — вопрошали иезуиты своих респондентов в метрополии²⁰. Возможно, именно по их настоянию одним из первых указов вернувшегося в 1633 г. в Квебек Шамплена стал запрет на торговлю алкогольными напитками с туземцами²¹.

18 декабря 1635 г. Шамплен повторил приказы, запрещавшие торговлю алкогольными напитками с индейцами. В этот раз они были обращены не только к французам, но и к аборигенам. Им сообщили, «что если кто-либо из них выпьет, его спросят, кто дал или продал ему это питье; и если он скажет правду, никакого вреда ему сделано не будет, но француз должен будет заплатить штраф. В случае, если он откажется назвать того, от кого он получил это питье, ему запретят входить в дома французов; и если француз впустит его в свой дом, то оба будут одинаково наказаны. Дикари были очень рады этой процедуре»²². 29 декабря в качестве наказания за «богохульство, пьянство, непосещение Мессы и богослужений на праздники» к столбу, воздвигнутому перед церковью Квебека, «был прикреплен железный ошейник и шевалё [колодки] для преступников». 6 января 1636 г. в них «был помещен пьяница и богохульник; а 22-го один из наших

абитанов был осужден на штраф в пятьдесят ливров за то, что напоил нескольких Дикарей допьяна»²³.

Возможно, именно иезуиты настояли на таком наказании, ибо их реляции сообщают об этом со всеми подробностями и с явным удовлетворением. Такие экзекуции будут проводиться и в дальнейшем, часто с прямой подачи миссионеров, особенно в годы правления наследника Шамплена, командора Мальтийского ордена Шарля-Жака Юо де Монманьи (1636—1648), при котором влияние иезуитов в Новой Франции достигло апогея²⁴.

В 1647 г. из-за беспорядков в индейской редукции Силлери, вызванных массовым пьянством и приведших к увечью нескольких жителей, Монманьи направил туда особую комиссию, по результатам расследования которой женщина, продавшая алкоголь туземцам, была присуждена к уплате штрафа в 100 ливров (что в два раза больше, чем 10 лет назад) и 400 «фарфоровых зерен» (то есть, вампума), которые ей заплатили индейцы за товар. До уплаты штрафа француженка была отправлена в тюрьму Квебека. Здесь важно также заметить, что штраф поровну распределялся между тремя религиозными конгрегациями, пребывавшими тогда в Новой Франции: треть получали иезуиты Силлери, а остальную часть урсулинки и госпиталитки Квебека²⁵. К концу XVII в. штраф для продавцов спиртного индейцам достиг суммы в 500 ливров, а в случае рецидива они приговаривались к галерам²⁶.

Иезуиты, как и миссионеры других католических орденов и представители светской колониальной администрации, с первых лет существования их миссий были приверженцами концепции «францизации», то есть ассимиляции туземного населения французами, как предварительного условия его обращения в христианство. Христианизация с такой точки зрения превращалась в цивилизаторство, «офранцузивание» в прямом смысле слова: не только религия, но и весь образ жизни французов, вплоть до одежды и жилища, должны были быть приняты как эталон. Ибо существовало стойкое убеждение, что для понимания смысла слова Божьего «Дикарь» недостаточно развит культурно и интеллектуально²⁷. Тем не менее, в отличие от коллег по миссионерному полю в Новой Франции, реколлектов или сульпицианцев, иезуиты очень скоро встали на путь переоценки прежних концепций, исходя из собственного опыта и перспектив развития миссии в Северной Америке. Огромное влияние на переоценку иезуитскими миссионерами ранних концепций христианизации оказал опыт противодействия распространению алкоголизма.

Первые признаки беспокойства по поводу тлетворного влияния европейской цивилизации на индейцев, выразившегося, в том числе, в усилении пьянства, появились в иезуитской среде уже в середине 1630-х гг., по мере укрепления и роста французской колонии. Уже в 1635 г., когда Новая Франция состояла лишь из одного Квебека, в котором проживало менее 200 чел.²⁸, иезуитские миссионеры начинают испытывать беспокойство по поводу моральных качеств прибывавших поселенцев. «Нужно опасаться того, — писал тогда супериор миссии о. Лежён, — что при увеличении наших французов в этих странах, мир, счастье и доброе чувство могут не увеличиться» в равной мере. Поэтому сюда нельзя допускать «порочных людей, ибо они построят Вавилон»²⁹. Выражая в 1637 г. удовольствие по поводу рас-

тушего числа колонистов, Лежён, тем не менее, замечал, что среди них присутствуют «распущенные люди, которые шокируют Дикарей своим грубым языком... и всегда пьяны», и, тем самым, дискредитируют деятельность миссионеров. Но он еще был уверен, что «это недостатки очень немногих людей, и не имеют никаких последствий»³⁰.

Рост количества французских поселенцев в течение 40-х гг. XVII в., прежде всего, мужчин — моряков, торговцев и фермеров — создавал картину европейского общества, далекую от идеала, рисуемого католическими миссионерами для своей туземной паствы. Наряду с другими проявлениями неблагочестия, наиболее ярким было, конечно, пьянство. Это не могло укрыться от взглядов индейцев и порождало затруднительные для иезуитов вопросы: почему на них «налагают суровые епитимьи за то, что они несколько раз напились,... тогда как французы напиваются и дурно [ведут себя], о чем не говорится ни слова». Таким образом, уже в 1645 г. супериор миссии Ж. Лалеман был вынужден констатировать, что проблема алкоголизма в редукциях связана именно с поведением европейцев. «Невозможно запретить торговлю вином и бренди с Дикарями, — в отчаянии восклицал он. — Всегда найдется какая-нибудь низкая душа, которая, чтобы получить несколько бобровых шкур, принесет в ночи несколько бутылок в их хижины»³¹.

Очень часто со страниц реляций иезуитов об их миссиях во Францию с просьбой оградить их от разрушающего влияния алкоголя обращались сами индейцы, которые «прекрасно понимая, что питье бесконечное зло для них... просили... сделать все, чтобы помешать французам продавать вино или бренди их людям»³².

В 1647 г. Компания Новой Франции, владевшая монопольными правами на торговлю в колонии, обанкротилась, ее права были переданы Компании абитанов, то есть самим колонистам, что привело к резкому скачку как самой мехоторговли, так и распространению алкогольных напитков среди индейских поставщиков. В результате либерализации торговли в следующем году «корабли привезли так много и такой сильный ликер, чтобы тайно продавать Дикарям, что беспорядок, который он вызвал, был чрезвычайно прискорбным». Новый губернатор д'Айбу был вынужден подтвердить прежние указы о запрещении от имени «губернатора и Капитанов Дикарей продавать или покупать те ликеры, и особенно пить их с избытком, под угрозой наказания»³³.

Духовенство пыталось ужесточить меры по пресечению как торговли алкоголем, так и его употребление не только туземцами, но и французами. В 1648 г. Журнал иезуитов сообщал, что «четверо или пятеро человек были помещены на шевале за пьянство на Пасху»³⁴. Поскольку нигде нет упоминаний о применении этого вида наказаний к индейцам, можно предположить, что осужденными были французы.

К середине XVII в. мехоторговля в Новой Франции вступила в полосу перманентного кризиса, связанного как с падением спроса в Европе, так и истощением бобра и другой пушной дичи в долине р. Св. Лаврентия. Меха росли в цене, что, с одной стороны, привело к стремлению французских торговцев проникнуть дальше на запад, в район Великих озер, откуда шел основной поток шкур, и к увеличению доли алкоголя в качестве денежного эквивалента, — с другой.

Светские власти, начиная с этого времени, постепенно отказались от репрессивной политики в отношении «бутлегеров», а некоторые губернаторы прямо поощряли продажу алкоголя индейцам как фактор развития торговли и укрепления союзов.

На первых порах эта тенденция проявила себя в стремлении поставить торговлю спиртным под контроль администрации колонии путем создания специальных таверн в колониальных центрах. Зимой 1657 г. в Труа-Ривьер была открыта первая такая таверна, «в которой вино продавалось дикарям, — два горшка за зимнего бобра и один горшок за летнего бобра... с согласия некоторых абитанов». Предполагалось, что таким образом индейцы будут получать справедливую цену за свои меха, а последствия их пьянства будут вовремя пресекаться. Но «беспорядки не были остановлены этим средством, — отмечал иезуитский наблюдатель, — начались жалобы против той таверны». Несмотря на приказ из Квебека закрыть заведение, «это было продолжено»³⁵.

Новая волна борьбы с поставками спиртных напитков индейцам началась на рубеже 50—60-х гг. XVII в. и была вызвана созданием в Новой Франции епископии. Первый епископ (апостолический викарий) Канады Франсуа де Лаваль, прибывший в свою епархию в 1659 г., сразу же включился в борьбу со спаиванием индейцев, полностью разделив взгляд иезуитов на особую опасность алкоголизма для продвижения христианства на этой территории. Он предупредил «об отлучении от Церкви всех французов, которые будут давать опьяняющие напитки Дикарям». Иезуитская реляция уже в 1660 г. поспешила возвестить, что эта мера привела к «почти полному подавлению пьянства среди наших Дикарей. Бог так благословил ревность этого доброго прелата, что он наконец преодолел зло, которое было в силе столь долго»³⁶. В данном пассаже еще раз подчеркивалась пассивная роль туземца — жертвы активной алчности и порочности европейца. «Таким образом, возникли две партии, — писал аббат Бельмон. — Первая, против бренди, состояла из епископа и миссионеров, другая, — за — из губернатора и Компании»³⁷.

В результате, разногласия между светскими и духовными властями в Новой Франции в начале 1660-х гг. достигли апогея. Конфликт проявился именно в вопросе о торговле алкоголем: губернатор д'Авогур в январе 1662 г. объявил свободную торговлю бренди с индейцами. Уже в следующем месяце «стало необходимо провозгласить Отлучение, вследствие экстраординарных неприятностей и беспорядков»³⁸. Не все представители светской власти поддержали губернатора. Так, правитель Труа-Ривьер П. Буше открыто поддержал иезуитов, заявив, что «все индейцы, которые обитают около европейцев, становятся алкоголиками, и это причиняет большой вред нашим индейцам, поскольку из тех, кто были очень хорошими христианами, многие вновь впали [в грех]. Иезуитские отцы сделали все, что могли, чтобы предотвратить это зло. Индейцы пьют только, чтобы напиться, и если они начали, они отдадут все, что имеют ради бутылки бренди, чтобы напиться до беспамятства»³⁹.

Когда в 1663 г. французские поселения оказались в эпицентре сильного землетрясения, нанесшего серьезный ущерб их жителям, иезуиты не преминули указать на это, как на проявление гнева Бо-

жьего в отношении нечестивых французов, развращающих его паству. Так, почитавшийся миссионерами за святого, мученик Жан де Бребёф «часто являлся... и явно сказал, что причиной землетрясений стало... непокорное поведение некоторых французов, которые презирали громы и отлучения от Церкви, и попирали Кровь Христа». Другой иезуитский визионер накануне катаклизма увидел «Ангела, размахивающего стрелой в правой руке, готового разить». В «смущенной толпе жертв, преданных аду», выделялись «продавцы вина и бренди, бесчестно служащие ради выгоды вожделениям алкоголиков». Ангел заверил, что «скоро произойдет публичное наказание для тех людей как лицемеров, ко всеобщему ужасу. Я радовался знанию, что Бог вскоре отмстит своим врагам — сурово, но справедливо»⁴⁰.

Переход колонии под прямое управление королевской власти в 1663 г. ознаменовал начало сокращения в ней влияния католической церкви в целом, в том числе и позиций иезуитов по вопросу о спаивании индейцев. Стремление властей в метрополии укрепить колонию посредством вовлечения индейских племен в экономические и военно-политические союзы с французами, в том числе путем либерализации торговли алкоголем, озвучил первый министр Людовика XVI Жан-Батист Кольбер: торговля спиртным с индейцами должна считаться «политическим вопросом, а не религиозным»⁴¹.

Прибытие в 1664—1665 гг. полков регулярной французской армии в Квебек для борьбы с ирокезами еще более обострило ситуацию. Солдат был носителем особой психологии, направленной на получение максимального удовольствия от жизни в ожидании смертельного боя, что проявлялось в развратном, с точки зрения иезуитов, поведении. Разлагающее влияние на индейских неофитов не замедлило проявиться, особенно в росте алкоголизма. В 1702 г. о. Этьен де Карей, миссионер в Макино, прямо заявлял, что военные гарнизоны стали настоящими борделями, а солдаты — развратными алкоголиками. Монреальские индианки — «все проститутки, которых поочередно приводят сюда и забирают... В настоящее время это — обычный способ их путешествий; и больше нет путешествий без непрерывного прилива и отлива этого потока проституток, — которых мы видим непрерывно путешествующими от одной миссии к другой»⁴².

Конфликты между духовенством вообще (и иезуитами, в частности) и представителями светской власти в последней четверти XVII в. случались все чаще, но, как правило, заканчивались победой последних. Особенно частыми и ожесточенными они были в 70-е и 90-е гг. XVII столетия, когда колонией правил граф Фронтенак, стремившийся не только расширить объемы мехоторговли посредством ликвидации ограничений на поставки алкоголя, но и укрепить военно-политическое сотрудничество французов с индейскими племенами с его помощью. Известный путешественник и мехоторговец Ла Саль писал в 1678 г., что иезуиты «отказывают в отпущении грехов тем, кто не желает отказаться от этой торговли, и если они умирают в этом состоянии, их лишают церковного погребения; напротив, они позволяют себе без какой-либо трудности эту торговлю»⁴³.

Апогеем противостояния стал так называемый «Парламент бренди» 1678 г., то есть собрание 20 наиболее влиятельных колонистов, созванное в Квебеке по приказу короля, требовавшего окончательно

разобраться в вопросе торговли спиртным с индейцами. Собрание подавляющим большинством (15 против 5) пришло к выводу, что продавать бренди индейцам необходимо, чтобы сохранить их как торговых партнеров, в противном случае они найдут его у ирокезов, связанных с англо-голландскими поставщиками, тем самым нарушив французскую монополию. Это означало «гибель страны и гибель торговли». Более того, абитаны утверждали, что индейцы могли пить бренди и при этом оставаться «очень хорошими христианами», приводя в пример обитателей иезуитских редуций, которые обычно не напивались, «хотя могли пить всякий раз, когда у них есть желание». А если французы запретят продажу бренди индейцам в пределах границ колонии, эти дикари уйдут, чтобы воссоединиться с их соплеменниками, французы, таким образом, потеряют их меха и помощь в защите. Что касается конфликтов из-за пьянства среди индейцев, многие колонисты прямо заявляли, что не знают ни об одном преступлении в течение последних шести лет, и единственным способом их предотвращения считали наказание тех, кто совершил преступления, вместо того, чтобы запрещать торговлю спиртным⁴⁴. Примечательно, что ни одного представителя духовенства в состав собрания включено не было.

По результатам работы этого собрания, 24 мая 1679 г. был выпущен королевский ордонанс о правилах торговли алкогольными напитками в Новой Франции. Одновременно со строгим запретом поставок и продажи бренди в индейских деревнях он разрешал его продажу индейцам во французских поселениях⁴⁵. Этот ордонанс, полностью лишивший миссионеров поддержки светской власти в деле пресечения поставок алкогольных напитков индейцам, оставался действующим законом о торговле спиртным до падения Новой Франции.

Вместе с мерами, направленными против европейских поставщиков алкоголя, миссионеры старались убедить и индейцев отказаться от этого пагубного пристрастия, уверяя их, что «бренди будет тем неугасимым огнем, в котором вы будете гореть в аду»⁴⁶. Объявляя пьянство грехом, они следовали общей идеи христианства, осуждающего любые излишества и их деструктивные для спасения души последствия. Как писал сульпицианский суперитор в Новой Франции аббат Бельмон, «всегда и везде пьянство, слышшее за позорный недостаток и оскорбление Богу, вызывало ужас не только по христианским, но и по всем законам, как противное и Христианской Вере, и любой доброй морали»⁴⁷.

С появлением христианских общин, таких как Лаврентийские редуции (Силлери и Ля Консепсьон), жизнь в которых была организована по христианским нормам и обычаям, любые отступления от них, в том числе и пьянство, стали подвергаться наказаниям. Причем иезуиты практически сразу объединили религиозный и светский аспект наказаний, налагая на провинившихся и церковные епитимьи, и французское уголовное законодательство или индейские традиционные нормы, вне зависимости от реальных последствий пьянства.

Так, уже в 1641 г. повинного в пьянстве жителя Силлери отправили в темницу в Квебеке «по требованию Дикарей». В 1644 г. туземный «христианин, который был невинен в других отношениях, и был очень добрым человеком, напился, — не столько по собственному

недостатку, сколько из-за того француза, который пригласил его пить. Он должен был дать удовлетворение Богу, которого оскорбил; и людям, которых шокировал». Его миссионер «приказал, чтобы он целовал землю три раза и постился в течение трех дней. Кроме того, он был обязан заплатить штраф, который был наложен, с согласия самих Дикарей, на тех, кто пьет», который в виде трех бобровых шкур он и вручил губернатору колонии Монмани ⁴⁸.

Церковные наказания, как правило, были публичными, «дабы заставить Неверных понять, что Церковь не терпит такие ошибки», и заключались в различного рода епитимьях: покаянии, самобичевании, посте и милостыни нуждающимся ⁴⁹. Урсулинская настоятельница мать Мари л'Энкарнасьон, сообщая в 1644 г. о напившихся индейских христианах, писала, что, «чтобы наказать их, старейшины с отцом-супериором этой [иезуитской] миссии приказали принести много кож в часовню; и к тому же три дня не входя в церковь, и приходиться молиться только два раза в день к двери в сопровождении невинных, чтобы им помочь получить отпущение и успокоить Того, кто все сотворил; другие выступают с публичным заявлением о своих грехах в церкви французов; другие голодают три дня на хлебе и воде» ⁵⁰.

Иезуитский супериор отмечал, что миссионеры старались проявлять мягкость в отношении неофитов, но «беспорядки, которые суда обычно порождают своими ликерами, заставляют нас оставлять это милосердие, и отсылать к Правосудию страны за наказанием слишком частых случаев пьянства» ⁵¹. Как сказал алгонкин ирокезу: «Не удивляйся, видя твоих соплеменников в цепях, Ононтию, наш Отец (то есть, губернатор. — А.Ф.), часто поступает так по отношению к нам, когда мы пьяны» ⁵².

Редукционная система со временем становилась одним из главных факторов противостояния распространению алкоголизма среди индейцев долины р. Св. Лаврентия. Рамки редукции позволяли относительно полно контролировать жизнь ее обитателей и, прежде всего, препятствовать торговле и употреблению алкоголя.

Резкий скачок объемов «алкогольного трафика» в 1648 г. заставил иезуитов активизировать их борьбу с индейским алкоголизмом. При поддержке колониальной администрации в Силлери была проведена проверка на соответствие требованиям христианского образа жизни. По ее результатам было приказано «всем, кто оставит или откажется выражать Веру, покинуть эту резиденцию, где ни господин наш губернатор, ни Капитаны Дикарей не позволят оставаться ни одному отступнику». Одновременно такая же «ревизия» была проведена в Ля Консепсьон. Христианские индейцы твердо заявили о недопустимости пьянства в границах редукции; «и если кто-либо впадет в этот грех, он будет брошен в темницу, и вынужден поститься нескольких дней, только на воде, без другой пищи» ⁵³.

В 1663 г., во время очередных беспорядков, вызванных продажей спиртного в районе Квебека и Труа-Ривьер, христианские индейцы «нашли убежище в Силлери, чтобы иметь защиту... скорее против этого Демона, чем против ирокезов». Таким же образом поступили и жители Кап-де-ля-Мадлен, куда была перенесена редукция Ля Консепсьон, как в результате разлагающего влияния соседнего Труа-Ривьер, так и из-за истощения почвы ⁵⁴.

Иезуиты пытались использовать в редукциях и экономический фактор в попытках оградить неофитов от пьянства. Так, например, в гуронской редукции Лорет близ Квебека земли предоставлялись только тем индейцам, которые, «обязывались не пить ликер с избытком; а тех, кто напьется, нужно изгнать из Лорет и отобрать их поля, безот- носительно работы, которую они, возможно, сделали»⁵⁵.

Во второй половине XVII в. прежние опасения превратились в настоящий страх перед угрозой чистоте веры туземных неофитов со стороны французских поселенцев. С 1650-х гг. миссионеры редукций отказались от одного из основополагающих принципов как «франци- зации», так и оригинального редукционного проекта — оседлого обра- за жизни. Вместо него были возрождены так называемые «летучие миссии», то есть, сопровождение миссионерами своей паствы в ее кочевье в течение охотничьего сезона. Воспринимаемую прежде вар- варской чертой, иезуиты восхваляли кочевую жизнь, указывая, что «общение с животными менее вредно, чем с людьми», так как «в городах порок правит более, чем в лесах»⁵⁶. Это объяснялось, прежде всего, ростом алкоголизма в редукциях. Охотничьи экспедиции каза- лись меньшим злом, ибо удаляли неофитов от разлагающего воздей- ствия колониальных центров. В 1667 г. Журнал иезуитов сообщал, что миссионер редукции Кап-де-ля-Мадлен о. Николая «ушел на два или 3 месяца вглубь страны с алгонкинами, чтобы удалить их от искушения пьянства, которое больше, чем когда-либо». В следую- щем году супериор миссии Лемерсье в пассаже о христианских мон- танье района Тадуссака замечал, что «их отдаленность от французов освобождают их от этого зла»⁵⁷. Некогда казавшаяся миссионерам абсолютно необходимой совместная жизнь индейцев и европейцев, как условие не только «цивилизации», но и христианизации, уже вос- принималась как одно из главных препятствий духовному развитию неофитов.

Таким образом, институт редукций, который первоначально рас- сматривался как наиболее эффективный в деле христианизации канадских индейцев, в том числе и в деле защиты их нравственности и благочестия, не оправдал возлагаемых на него надежд. К концу XVII в. старые алгонкинские редукции (в Труа-Ривьер и Силлери) были фак- тически оставлены их туземными обитателями и, не в последнюю очередь, из-за проблем, связанных с алкоголем. В 1683 г. о. Бешефер писал: «Силлери — дом алгонкинов, где у них прежде была одна из наиболее процветающих миссий в Канаде: но пьянство вызвало такие пагубные разрушительные действия среди них, что лишь жалкий остаток той нации рассеялся по лесам и поселениям, где — поскольку у них больше нет миссионеров, чтобы упрекнуть их в плохом поведе- нии, — они могут предаваться своему пороку с большей свободой»⁵⁸. Попытка иезуитов модернизировать редукционную политику в иро- кезских редукциях Новой Франции, возникших в последней четвер- ти XVII в., также оказалась бесперспективной.

С открытием Ирокезской миссии иезуитами в начале 1660-х гг. тема индейского алкоголизма вновь обрела остроту на страницах ре- ляций. Пять ирокезских племен в течение более чем полувека нахо- дились в зоне влияния голландской колонии Новые Нидерланды. В отличие от властей Новой Франции, стремившихся интегрировать

аборигенное население в колониальные структуры, утвердить приоритет французского закона и образа жизни перед традиционными племенными нормами и, в результате, вынужденных регулировать проблемы, связанные с проникновением алкогольных напитков в индейские племена, голландцы уже в 30-е гг. XVII в. почти полностью либерализовали индейскую торговлю, что открыло доступ ирокезам к голландскому рому и мушкетам. Поэтому распространение алкоголизма среди ирокезских племен (особенно, могауков, непосредственно граничивших с Новыми Нидерландами) шло ускоренными темпами и к моменту появления иезуитов превратило Ирокезию в «настоящий Кабак»⁵⁹.

Однако иезуиты 1660-х гг. уже не заблуждались относительно роли своих соотечественников в этом процессе: «Они — алкоголики только с тех пор, как связались с французами и голландцами, — писал иезуитский миссионер о. Бруйя об ирокезах-онейда в 1668 г., — и хуже то, что, когда они пьют, они — демоны»⁶⁰. Бруйя добавил, что четверо онейда были убиты «их товарищами. будучи пьяными», отметив, что эти люди будут наверняка прощены, поскольку были пьяны и «не имели никакого смысла». Одновременно иезуитские миссионеры у могауков сообщали, что пьяные «режут друг друга, не щадя ни родственников, ни друзей, ни соплеменников, ни чужаков». Настоятель могаукской миссии о. Фремен писал, что «пьянство настолько распространено здесь и вызывает такие беспорядки, что иногда кажется, будто все население деревни стало безумным, столь велика свобода, которую они позволяют себе, когда находятся под влиянием ликера». Такие попойки могли продолжаться в диапазоне от «трех или четырех дней» до «двенадцати или пятнадцати дней» (видимо, в зависимости от количества спиртного), притом, что «они случаются очень часто». «Все это время не готовят никакой пищи, огонь не горит в хижинах, которые остаются пусты днем и ночью, все остальные обращаются в бегство и скрываются в полях и лесах»⁶¹. Подобную картину иезуиты наблюдали и в других ирокезских племенах (сенека, кайюга и онондага)⁶².

В 1679 г. миссионеры наблюдали, как пьяные ирокезы (как мужчины, так и женщины) дрались, «разрывая друг друга зубами», некоторых бедняг даже «бросая в огонь». В 1682 г. о. де Ламбервиль писал, что алкоголики убили семь человек за два месяца. Наблюдались также случаи суицида, как в случае с обезумевшей от спиртного женой Высокого Шарля, которая повесилась, «будучи пьяной»⁶³.

Стремясь пресечь подобные эксцессы, иезуитские миссионеры у могауков в 1669 г. даже инициировали написание письма английской оккупационной администрации в Форт-Оранже от имени индейцев с просьбой «положить конец тем беспорядкам, которые крайне разрушали и веру и тела». Губернатор Фр. Лавлейс ответил о. Пьеррону, что «предпринял все возможные меры, чтобы ограничить и предотвратить, под очень суровыми наказаниями, допущение любых эксцессов над индейцами». Тем не менее, меры оказались неэффективными, так как уже в следующем году онейда вернулись «с торговли с шестьюдесятью бочонками бренди... из новой Голландии», что вызвало очередной коллективный запой и всплеск насилия, когда «все думают только о бегстве и убежище, дабы избежать насилия тех разъяренных людей»⁶⁴.

Неудача в пресечении торговли алкоголем стала одной из причин массовых миграций ирокезов в Новую Францию, не только обращенных, подвергавшихся обструкции со стороны языческого большинства, но и язычников (в основном, женщин и детей), спасавшихся от растущего насилия⁶⁵. Иезуиты, позиционируя себя принципиальными противниками пьянства, предлагали в качестве альтернативы безупречно трезвый образ жизни христианских редуций в долине р. Св. Лаврентия. Так возникали «ирокезские» редуции, ставшие центром миссионерской деятельности католической церкви в Новой Франции в конце XVII — первой половины XVIII века. Появлялся и новый фактор в христианизации туземцев — отрицание алкоголя.

История ирокезской редуции Сен-Франсуа-Ксавье-де-Прэ является показательным примером использования иезуитами редуционной структуры для борьбы со спаиванием индейских христиан в данный период. Она была основана иезуитами в 1667 г. в Ля Прери, напротив Монреала, для беженцев могауков и онейда. В 1672 г. о. Фремен описывал свои впечатления после посещения редуции: «Я был удивлен видеть здесь такое большое благочестие и пыл. С тех пор как я здесь, в их хижины не проникла ни капли ликера. Они все питают чрезвычайное отвращение к нему. Я насчитываю в этой небольшой Церкви пятьдесят или шестьдесят, кто были прежде тяжело пьющими, но теперь чувствует такой ужас от того порока, что не могут терпеть тех, кто увлекается этим. Такая публичная позиция, которую они провозглашают всегда и везде, ведет к тому, что все Дикари, которые приходят сюда, или чтобы жить, или посетить своих друзей, решают стать христианами или притвориться ими, хорошо зная, что иначе они не будут приняты»⁶⁶.

Тем не менее, французы Монреала также начали поставлять спиртные напитки индейцам редуции. В результате, иезуиты и их индейская паства перемещали поселение четыре раза за полвека, все дальше от Монреала, стремясь избежать алкогольного искушения (в 1676 г. — в Су-Сен-Луи, в 1690 — в Кахнавакон, в 1696 — в Кахнаваке, в 1716—1719 гг. — в Когнавагу, в 16 км от Монреала вверх по р. Св. Лаврентия). Это сопровождалось большим экономическим и моральным ущербом, что заставило настоятеля миссии о. Шошетье сказать в 1682 г., что индейцы «больше не верят французам, которых они до настоящего времени считали хорошими христианами»⁶⁷. Вместе с ними и их миссионеры-иезуиты окончательно разочаровались в цивилизационных возможностях программы «францизации». «Все мы желаем... видеть нас подальше от французов с нашими возлюбленными индейцами, чтобы у нас больше не было таких камней преткновения», — писал Шошетье в 1694 году⁶⁸.

Иезуиты пытались утвердить религиозный запрет на пьянство и за пределами редуций, среди тех племен, которые согласились принять у себя миссионеров и встать на путь христианизации. В первой половине XVII в. наиболее проблемной, с этой точки зрения, была миссия монтанье в Тадуссаке.

Тадуссак был одним из наиболее ранних европейских торговых постов на реке Св. Лаврентия, где регулярный контакт между аборигенным и пришлым населением начался еще в прошлом столетии. Он сохранял свое значение главного морского порта для Новой Фран-

ции, куда приходили морские суда и где происходил начальный торговый обмен с местными группами монтанье. В результате, именно здесь злоупотребление алкоголем оказалось одной из острейших проблем. Находясь несколько месяцев в непосредственной близости от французских моряков и торговцев, индейцы часто вовлекались в торговлю алкогольными напитками, бывшими самым выгодным товаром в меховом бартере. Уже во время первого визита в Тадуссак летом 1641 г. о. Лежён сетовал на неумеренное потребление спиртного местными индейцами, взяв с них обещание больше не предаваться этому пороку. Однако сменивший его весной 1642 г. А. Ришар сокрушался, что «ни наши французы не могут воздержаться от продажи, ни Дикари от покупки его, едва представится возможность, особенно молодые люди, которые виновны в тысяче дерзостных деяний, когда пьяны». Он также добился обещания от вождей, «что они закуют всех, кто напьется», хотя справедливо сомневался в эффективности таких мер. Решение проблемы Ришар видел в непосредственном вмешательстве чиновников Компании Новой Франции с целью «запрещения продажи этой несущей смерть воды»⁶⁹.

Тем не менее, успехи в христианизации монтанье Тадуссака были весьма внушительны. Уже к середине 1640-х гг. там возникла достаточно многочисленная христианская община⁷⁰. В 1645 г. там было засвидетельствовано первое самостоятельное осмысление туземцами христианского послания, оформленное в традиционном для североамериканских индейцев видении, или «сновидении». Оно интересно еще и тем, что проблема пьянства являлась центральной, во многом предвосхищая более поздние «нейтивистские» движения североамериканских индейских племен, как правило, проповедующие трезвый образ жизни⁷¹.

Некий неофит по имени Иньяс, излечившись от болезни, провозгласил себя посланником Иисуса Христа, призванным им сообщить соплеменникам «послание от Бога». Иисус показал ему «большую Книгу, в которой написаны, с одной стороны, пороки, такие как пьянство, плотский грех, связь с Дьяволом», а с другой, — образы «тех среди вас, кто наиболее склонен к тем грехам». Иисус показал сновидцу рай и ад, «огонь, который заставлял дрожать от страха, который таков, что никакие слова не могут выразить его мощь». В том огне горели неверные и неблагочестивые индейцы. «Там также я видел французов. О! насколько много и тех, и других». Иисус, находившийся между раем и адом, показал сновидцу «свои руки и ноги, в которые были воткнуты большие гвозди», и призвал к терпению и смирению «перед любимыми невзгодами»⁷².

Иезуитский наблюдатель отмечал, что это откровение «оказало доброе влияние на умы всех, кто услышал его. Грешники были напуганы, а добрые утешились им», хотя, страх явно превалировал. В миссии расцвел «простительный грех» злоупотребления епитимьей. «Они все решили бичевать себя в подражание святым кающимся грешникам». Во время мессы последовало массовое самобичевание: «Некоторые просили дать двадцать ударов, другие десять... Не пощадили даже детей... Отец не желал прерывать это сразу, из страха противостоять работе святого духа. Он просто заботился, чтобы это не вышло за рамки благоразумия, и чтобы не было никаких излишеств». Влияние

видения Иньяса достигло даже редуций в Силлери и Труа-Ривьер, жители которых «были глубоко затронуты им» ⁷³.

Развивая идеи видения Иньяса, в 1648 г. христиане Тадуссака решили, что «никто не должен обменивать или покупать ликеры, кроме как по приказу Отца, данного в письменной форме; и что любой, нарушивший это правило должен считаться алкоголиком и наказываться как таковой». Индейцы «смиренно просили» губернатора построить в Тадуссаке тюрьму, как в Силлери и Труа-Ривьер, для тех, «кто был запятнан этим преступлением» ⁷⁴.

В так называемом Регламенте миссии Тадуссака (1650) иезуиты требовали, чтобы торговля в Тадуссаке находилась под жестким контролем Компании абитанов с целью пресечения алкогольного трафика. Французам запрещалось удаляться более, чем на 20 лье (80 км) от Тадуссака. В само поселение следовало назначать «только добрых и благочестивых французов» ⁷⁵.

Проникновение французских торговцев к западу от Великих озер, в долину Миссисипи в конце XVII — начале XVIII в. означало расширение торговли алкогольными напитками на новые племена, что создавало очередные препятствия для миссионерской деятельности иезуитов. «Все деревни наших дикарей, — писал о. Карей в 1702 г. губернатору Кальеру из Мишилимакино (терр. совр. Мичигана), — теперь только таверны, что касается пьянства; и содомы, что касается безнравственности» ⁷⁶. Однако к середине XVIII в., когда объем меховой торговли значительно сократился, индейские племена потеряли роль главных поставщиков пушнины, что привело и к сокращению поставок алкоголя в их селения.

Можно утверждать, что борьба иезуитов Новой Франции против торговли алкоголем с индейцами не принесла успеха. Уже в 1662 г. урсулинская настоятельница Мари л'Энкарнасьон констатировала, что «преподобные отцы сделали все возможное, чтобы остановить зло как со стороны французов, так и дикарей; все их усилия были напрасны» ⁷⁷.

Глубинная причина фиаско миссионеров заключалась в самой природе французского колониализма в Северной Америке. Будучи, прежде всего, торговым предприятием, Новая Франция не могла существовать вне экономических реалий мехоторговли, которая, кроме того, являлась и основой военно-политического союза колонии и местных индейских племен, особенно актуального перед лицом постоянной угрозы со стороны Ирокезской лиги, а позднее — англо-голландской экспансии. Иезуитская миссия, абсолютно завися от колониальных социально-экономических и политических структур, была обязана своим существованием и развитием той же самой мехоторговле, что и колония в целом. Но по мере усиления кризиса мехоторговли в течение второй половины XVII — начала XVIII в., алкогольные напитки становились основной статьей бартера, что влекло деструктивные последствия для миссионерской работы иезуитов. В борьбе с индейским алкоголизмом иезуитские миссионеры Новой Франции стремились уничтожить не причину, а следствия французской колониальной экспансии, частью которой сами и являлись.

Другим фактором роста алкоголизма среди индейских племен Северной Америки, которому иезуиты не были способны противо-

стоять, стали те внутренние процессы, которые они переживали в результате контакта с европейским колониализмом. Ученые давно спорят о причинах столь сильной зависимости американских индейцев от спиртного. Одни считают это расово-генетической особенностью, связанной с отсутствием у индейцев иммунитета к алкоголизму, как и ко многим другим европейским болезням ⁷⁸, другие — культурно-исторической, ассоциировавшей пьянство с традиционными практиками поиска видений с целью обретения сверхъестественной защиты ⁷⁹. Вне зависимости от ответа на этот вопрос, которым иезуиты почти не задавались, более важным представляется объяснить причины деструктивного поведения индейцев в результате алкогольного опьянения, и связанную с этим безнаказанность совершаемых ими преступлений. «Излишки питья и невоздержанности предоставляют им реальное оправдание за любое зло, которое они могут совершить в таком состоянии, — писал аббат Бельмон. — Для Дикаря пьянство — добровольное безумство, которое дает им храбрость и безнаказанность так же, как оправдание за самые великие преступления» ⁸⁰. Кажется, индейское общество было готово простить даже самое ужасающее преступление, если преступник был пьян.

Некоторые исследователи находят аналоги подобного отношения к нарушениям общепринятых норм в деятельности традиционных лечебных обществ североамериканских индейцев, таких как общество Ложных лиц у ирокезов ⁸¹. Членство в обществе было открыто для всех, кто был вылечен Лицами или кому приснилось стать таковым. Когда люди носили Лица (то есть, маски), им позволяли показывать чувства и отношения, не разрешенные в их «обыденной жизни». Они могли вести себя как дети, барабана в двери, бросаясь пеплом или вещами, дико танцуя, стаскивая людей с ложа, пачкаясь экскрементами и т.п. Деятельность Ложных лиц было ритуальной легитимацией ненормативного поведения в рамках традиционного ирокезского общества ⁸². Поведение пьяных ирокезов в конце XVII в. подобно по типу поступкам Ложных лиц, и терпимое отношение к ненормативному поведению Ложных лиц было распространено и на них. Однако границы допустимого ненормативного поведения для пьяных были радикально расширены принятием высокого уровня насилия, направленного против семей, друзей и соседей.

Согласно американскому социологу Каю Эриксону, границы допустимого поведения в любом обществе всегда изменяются, поскольку общество ищет новые способы определить внешние пределы приемлемого поведения. Новые границы часто создаются в ответ на внешние или внутренние вызовы, с которыми сталкиваются эти общества. При этом, новые границы, как правило, шире, чем старые ⁸³. Некоторые исследователи ранней истории Канады поддерживают такую трактовку индейского алкоголизма ⁸⁴. Один из ведущих представителей канадской историографии Ж. Жанен рассматривал пьянство индейцев и связанное с ним деструктивное поведение как функцию объединения племенных групп через конфликт с европейским обществом. Другими словами, алкоголь был средством воссоздания или символизации солидарности круга лиц с общими интересами против французов. Жанен назвал проблему индейского алкоголизма «главной проблемой культурного контакта» в Северной Америке ⁸⁵.

В течение XVII в. индейцы Северо-Востока Северной Америки подверглись воздействию множества факторов, сопровождавших цивилизационный контакт, большинство из которых были деструктивны (эпидемии, голод, военные поражения) и меняли их общества радикальным и пугающим образом. Их социальная и культурная структуры претерпевали сильные изменения. Старые традиционные границы социальной нормы были подорваны своей неадекватностью этим вызовам и требовали расширения. Необходимо было создать новый набор санкционированных общиной пределов, которые позволят их обществу приспособляться к изменяющимся обстоятельствам. Насилие, связанное с потреблением алкоголя, было одним из таких способов расширения границ. Ранее невозможное поведение стало приемлемым под покровом пьянства, которое стало принятым оправданием за насильственное поведение, возможностью действовать способами, которые обычно запрещались. Расширяя стандарты приемлемого поведения, индейцы искали средство для установления новых пределов в их быстро меняющемся мире.

Примечания

1. BELMONT, abbe. Histoire de l'eau-de-vie en Canada, ca. 1705. Historical Documents. 1st Series. Québec. 1840, vol. 2, No. 8, p. 8.
2. Хотя первый иезуитский миссионер в Акадии в 1611—1613 гг. о. Бьяр писал, что «основная причина... смертей и болезней [индейцев] состоит в том, что... летом, когда наши корабли прибывают, они непрерывно обедают в течение нескольких недель..., они напиваются, не только вином, но и бренди». The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610—1791. Cleveland. 1896, vol. III, p. 105 (JR).
3. JR, vol. V, p. 49—51.
4. Ibid., vol. XI, p. 197; vol. XXXVIII, p. 35—37; vol. XLVII, p. 185.
5. Ibid., vol. VI, p. 239; vol. VI, p. 251—253.
6. BELMONT. Op. cit., p. 1—2, 12—13.
7. JR, vol. XI, p. 195—197; vol. XXIV, p. 137.
8. BOUCHER P. Canada in the seventeenth century. Montreal-Quebec. 1883, p. 52.
9. JR, vol. XXVIII, p. 31, 37.
10. Ibid., vol. XLVIII, p. 63.
11. Ibid., vol. LI, p. 267—269.
12. Ibid., vol. XLVI, p. 103.
13. BELMONT. Op. cit., p. 9, 14.
14. Ibid., p. 19.
15. JR, vol. XLVIII, p. 141.
16. DU CREUX F. The history of Canada or New France. Toronto. 1951, vol. I, p. 90.
17. JR, vol. XLVI, p. 103—105.
18. Ibid., vol. LXVII, p. 39—41.
19. DENYS N. The description and natural history of the coasts of North America (Acadia). Toronto. 1908, p. 449—450.
20. JR, vol. XII, p. 243.
21. Monumenta Novae Franciae. 12 vols. Vol. II. Établissement à Québec (1616—1634). Roma-Québec. 1979, p. 380—381 (MNF).
22. JR, vol. IX, p. 201—203.
23. Ibid., vol. IX, p. 145.
24. Ibid., vol. XI, p. 49; vol. XXVII, p. 119.
25. MNF, vol. VII, p. 56—57.
26. Serie C11A. Correspondance générale, Canada, vol. 2, fol. 332.

27. JAENEN J.C. The Frenchification and Evangelization of the Amerindians in the Seventeenth Century. New France. — Canadian Catholic Historical Association Study Sessions. 1968, № 35, p. 57—71.
28. SCRIVER C.R. Human Genetics: Lessons from Quebec Populations. — Annual Review of Genomics and Human Genetics. September 2001, vol. 2, p. 75.
29. JR, vol. VIII, p. 9.
30. Ibid., vol. XI, p. 75.
31. Ibid., vol. XXVII, p. 101 ; vol. XXIX, p. 77.
32. Ibid., vol. XXIV, p. 143.
33. Ibid., vol. XXXIII, p. 49—51.
34. Ibid., vol. XXXII, p. 83.
35. Ibid., vol. XLIII, p. 77.
36. Ibid., vol. XLVI, p. 103, 105; Mandements, lettres pastorales et circulaires des évêques de Québec. Québec. 1887, vol. 1, p. 14—15.
37. BELMONT. Op. cit, p. 9—10.
38. JR, vol. XLVII, p. 273—275.
39. BOUCHER P. Op. cit, p. 52.
40. JR, vol. XLVIII, p. 219—223.
41. M. Dudouyt à Mgr. Laval, 1677. Report on the Canadian Archives, 1885. Ottawa. 1886, p. XCVIII.
42. JR, vol. XLV, p. 241.
43. Découvertes et établissements des français dans l'ouest et dans le sud de l'Amerique Septentrionale (1614—1754). Vol. 1. Paris. 1879, p. 364.
44. MUNRO W.B. The Brandy Parliament of 1678. — The Canadian historical review. 1921, June, vol. 2, № 2, p. 181—188.
45. Édits, ordonnances royaux, déclarations et arrêts du Conseil d'État du roi concernant le Canada. Québec. 1854, p. 235—236.
46. BELMONT. Op. cit., p. 25.
47. Ibid., p. 1.
48. JR, vol. XX, p. 149—151; vol. XXV, p. 187.
49. Ibid., vol. XXVI, p. 147—149; vol. XXVII, p. 147—149; vol. XXIX, p. 79.
50. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. T. 1. Paris. 1876, p. 206—207.
51. JR, vol. XXIX, p. 81.
52. Ibid., vol. XLIV, p. 213.
53. Ibid., vol. XXXIII, p. 51—55 ; vol. XXXV, p. 237.
54. Ibid., vol. XLVIII, p. 63; JETTEN M. Enclaves amérindiennes: les «réductions» du Canada 1637—1701. Sillery. 1994, p. 54—55.
55. JR, vol. LX, p. 89.
56. Ibid., vol. XXXVI, p. 193—195; vol. XLVII, p. 167—169.
57. Ibid., vol. L, p. 207; vol. LVI, p. 267.
58. Ibid., vol. LXII, p. 259.
59. Ibid., vol. XLVII, p. 185.
60. Ibid., vol. LI, p. 123.
61. Ibid., vol. LI, p. 125, 217; vol. LV, p. 85.
62. Ibid., vol. LIV, p. 119.
63. Ibid., vol. LXI, p. 159—161; vol. LXIII, p. 251.
64. Ibid., vol. LII, p. 139—141; vol. LIII, p. 241—243.
65. MUNRO W.B. Op. cit., p. 186.
66. JR, vol. LVI, p. 19—21.
67. Ibid., vol. LXII, p. 183.
68. Ibid., vol. LXIV, p. 131.
69. Ibid., vol. XXI, p. 97—99 ; vol. XXII, p. 241.
70. Ibid., vol. XXVI, p. 135—137.
71. ЦЕХАНСКАЯ К.В. Нейтивизм как альтернатива христианства у североамериканских индейцев. Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М. 1992, с. 212—223.
72. JR, vol. XXVII, p. 181—189.

73. *Ibid.*, p. 189—201.
74. *Ibid.*, vol. XXXV, p. 269.
75. MNF, vol. VII, p. 677—680.
76. JR, vol. LXV, p. 195.
77. *Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation*, t. 2, p. 220.
78. WOLFF P.H. Vasomotor Sensitivity to Alcohol in Diverse Mongoloid Populations. — *American Journal of Genetics*. 1973, № 25, p. 193—199; ZEINER A.R., PAREDES A., COWDEN L. Physiologic Responses to Ethanol Among the Tarahumara Indians. — *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1976, № 273, p. 151—158; DYCK L.E. Are North American Indians Biochemically More Susceptible to the Effects of Alcohol? — *Native Studies Review*. 1986, vol. 2, p. 85—89.
79. VACHON A. L'eau-de-vie dans la société indienne. Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association. — *Rapports annuels de la Société historique du Canada*. 1960, vol. 39, № 1, p. 23—24; JAENEN J.C. Problems of Assimilation in the New France, 1603—1645. — *French Historical Studies*. Spring 1966, vol. 4, № 3, p. 267—268; DAILEY R.C. The Role of Alcohol Among North American Indian Tribes as Reported in The Jesuit Relations. Beliefs, behaviors, and alcoholic beverages: A Cross-Cultural Survey. *Ann Arbor*. 1979, p. 119—120; KAHN M. Psychosocial disorders of aboriginal people of the United States and Australia. — *Journal of Rural Community Psychology*. 1986, vol. 7, p. 45—59; MAIL P.D., McDONALD D.R. *Tulapai to Tokay: A Bibliography of Alcohol Use and Abuse Among Native Americans of North America*. New Haven. 1980; CARPENTER E. Alcohol in the Iroquois Dream Quest. — *RES: Anthropology and Aesthetics*. Spring 1981, № 1, p. 84—87; TRENK M. Drunkenness and Dreams: Inebriation and the Dream Quest Among North American Indians. — *Antropológicas*. 2000, vol. 4, p. 173—192.
80. BELMONT. *Op. cit.*, p. 2.
81. CONRAD M. Disorderly Drinking: Reconsidering Seventeenth-Century Iroquois Alcohol Use. — *American Indian Quarterly*. 1999, vol. 23, issue 3/4, p. 7—8.
82. WALLACE A.F.C. *The Death and Rebirth of the Seneca*. N.Y. 1970, p. 92—93.
83. ERIKSON K. *Wayward Puritans: A Study in the Sociology of Deviance*. Wiley. 1966, p. 9, 12.
84. MacANDREW C., EDGERTON R.B. *Drunken Comportment: A Social Explanation*. Chicago. 1969; HILL T.W. *Ethnohistory and Alcohol Studies*. — *Recent Developments in Alcoholism*, 2. N.Y. 1984, p. 313—317; AXTELL J. *Beyond 1492: encounters in colonial North America*. N.Y. 1992, p. 120; JETTEN M. *Op. cit.*, p. 54—55 ; CONRAD M. *Op. cit.*, p. 8—9.
85. JAENEN J.C. *Friend and foe: Aspects of French and Amerindian cultural contact in the sixteenth and seventeenth century*. Toronto. 1976, p. 114—115.

«Афганское направление» в российской политике перед первой мировой войной

С.Б. Панин

Аннотация. В статье анализируется российский мобилизационный план для афганской границы, который разрабатывался в 1905—1912 годах. План учитывал заключение англо-русского соглашения 1907 г., установившего новый характер взаимоотношений держав, однако исходил из того, что англичане и афганцы в случае военного конфликта на российско-афганской границе выступят вместе как противники России. Автор статьи сосредотачивает внимание на характеристике важнейших положений плана и объяснении того, почему он оказался нежизненным в условиях начавшейся первой мировой войны, в которой Англия и Россия выступили как союзники. Данная работа впервые в историографии рассматривает вопросы разработки и анализа российского стратегического плана для афганской границы накануне войны.

Ключевые слова: Россия, Афганистан, Великобритания, афганская граница, оперативный план, военный конфликт, Афганский Туркестан.

Abstract. In this article is analyzed the Russian military plan of 1905—1912 years for the Afghan border. This plan was developed after the conclusion of the Anglo-Russian agreement of 1907 that established the new relationships between the Great Powers. But it assumed that the British and the Afghan border. The author of this article focuses on the major provisions of the plan and explains why it turned out to be non-existent when the First World War began and the British and the Russians made as allies. This article for the first time in the historiography considers the development and analysis of Russia's strategic plan for Afghan border on the eve of the First World War.

Key words: Russia, the United Kingdom, Afghanistan, afghan border, military plan, conflict, Afghan Turkestan.

После проигранной войны с Японией (1904—1905 гг.) российское военное командование взялось за реформы в армии и на флоте. 25 июня 1905 г. было объявлено о формировании Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), которое вместе с вновь созданным Советом государственной обороны (1905—1909 гг.) должно было заниматься

Панин Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета. E-mail: hsb04@mail.ru.

Panin Sergey B. — doctor of historical sciences, professor of Irkutsk State University. E-mail: psb04@mail.ru.

разработками общего мобилизационного и оперативных планов, а также планов частных мобилизаций на случай возможных осложнений на границах империи. Частные мобилизации в азиатской части России, которые разрабатывались с 1905 г., а наиболее активно — на втором этапе реформ, в 1910—1912 гг. — являлись попыткой создать единую военную доктрину на случай новой войны с Японией или японо-китайским союзом из-за возможных осложнений отношений с Китаем, предполагаемой войны на Кавказе с Турцией, а также конфликта в Туркестане с «англо-афганцами»¹.

Следует обратить внимание на то, что возможный военный конфликт на туркестанском направлении характеризовался российским Генеральным штабом как война с «англо-афганцами», при этом Афганистан выступал как главная ударная сила. Важно, что стратегический план для афганской границы разрабатывался в условиях, когда готовилось и было заключено англо-русское соглашение (1907 г.), направленное на урегулирование отношений держав в тех точках мира, где возникали острые противоречия, — в Персии, на Тибете и в Афганистане. В отличие от российского МИД, который при А.П. Извольском (1906—1910 гг.) открыто выступил сторонником союзнических отношений с Великобританией, Военное министерство и Генеральный штаб и после 1907 г. продолжали в прежнем ключе рассматривать роли англичан и афганцев в случае возможного конфликта. Здесь доминировали представления о намерениях англичан использовать в своих целях ослабление России после войны с японцами и стремлении «заключить соглашение на возможно выгодных для них условиях»². Принципиальные изменения произойдут лишь в условиях первой мировой войны, подтвердившей на деле союзнические отношения держав.

Из-за ведомственных разногласий между Генеральным штабом и Военным министерством³ общий мобилизационный план для среднеазиатской границы готовился в Главном управлении Генерального штаба без широкого привлечения к его разработке специалистов из округов, из-за чего затем в частные мобилизации потребовалось вносить большое количество изменений.

В итоге, чиновниками ГУГШ под руководством генерал-квартирмейстера Ю.Н. Данилова (1866—1937) был создан проект 1910 г., который строился на обороне и отступлении якобы для собирания наступательных сил. Переписка с округами, по данным Зайончковского, длилась около полутора лет и вылилась в неприятие плана их руководителями, считавшими его оторванным от проблем их территорий и изначально построенном на поражении. Это активно проявилось в коллективном мнении всех начальников штабов в феврале 1912 г. на съезде в Москве, в котором участвовал царь, поддержавший их позиции. И хотя мобилизационные расписания, в том числе для Туркестана, должны были вводиться в действие после июньской 1910 г. подписи Николая II, военный министр В.А. Сухомлинов (1909—1915 гг.) в марте 1912 г. обратился к царю с просьбой признать новые мобилизационные расписания после детального обсуждения их с начальниками окружных штабов и командующими войск. Царь одобрил новый план⁴ и подписал его 1 мая 1912 года⁵. Но весь вопрос вылился в бюрократические процедуры. Новый план, ставший продук-

том творчества большого коллектива начальников штабов округов (в том числе, естественно, и туркестанского в лице его генерал-губернатора А.В. Самсонова), должен был увидеть свет в 1914 г., но в полной мере так его и не увидел, «так как русские армии развертывались в действительности на основании указаний 1 мая 1912 г. по мобилизационному расписанию 1910 года»⁶. К началу первой мировой войны Россия не имела адекватного, устраивающего всех специалистов оперативного плана ведения возможных военных действий на афганском направлении, а разработки 1910—1912 гг. не были завершены⁷. Во всяком случае, список неприкосновенного запаса карт туркестанского военного округа на случай войны с Афганистаном был утвержден начальником штаба округа только 3 мая 1914 года⁸.

Главная причина такого исключительного положения с подготовкой и утверждением оперативных планов для афганской границы состояла в противоречивых подходах российских ведомств к их разработке, в серьезных сомнениях Военного министерства и Генерального штаба относительно позиции и действий англичан в случае конфликта на афганской границе и, главным образом, ввиду того, что с приближением мировой войны данное направление все больше теряло актуальность и после 1912 г., видимо, разрабатывалось слабо, в основном прорисовывалась лишь опасная роль афганцев.

До этого российским военным специалистам приходилось учитывать недружественные шаги англо-индийского правительства при лорде Минто (1905—1910 гг.) после подписания соглашения 1907 г., а также язвительные антирусские выступления в британском парламенте бывшего вице-короля Индии лорда Керзона, что заставляло думать о том, что в Британии далеко не все были расположены к дружбе с Россией, что там также разрабатывали военно-стратегические планы на случай войны в этом регионе. Поэтому после подписания соглашения с англичанами среди военных бытовали представления, емко выраженные начальником Памирского отряда А.В. Мухановым: «Встречные интересы — наши и английские — рано или поздно должны вновь прийти в столкновение в Азии. Размежевать эти интересы писанными трактатами можно лишь на время»⁹.

Непризнание афганцами соглашения 1907 г., их негативное отношение к позиции России, установившей «согласие» с англичанами и нарушившей тем самым сложившийся паритет вокруг Афганистана, также считались причинами возможного военного конфликта. При этом, судя по содержанию мобилизационного плана, российские военные ведомства были уверены в том, что, если недовольные соглашением афганцы начнут провокационные действия на границе, то англо-индийское правительство тайно или явно поддержит их и будет способствовать афганской агрессии против России. Туркестанская и российская печать усиливала эти предположения и слухи. Так, «Туркестанские ведомости» 8 июля 1907 г. сообщили о том, что лорд Китченер, главнокомандующий войсками британской Индии (1902—1909 гг.), «издал приказ о необходимости обращать как можно более внимания на втянутость людей и животных в работу в гористых местностях, так как будущий театр военных действий изобилует гора-

ми». Он также обещал всем солдатам и офицерам, изучившим афганский язык, предоставить «особые льготы по службе на северо-западной и юго-западной границе Индии»¹⁰. В российских военных кругах были уверены, что англо-индийское правительство, зная о военно-стратегических планах России в отношении Афганистана и не желая допустить, чтобы русские при каких-либо обстоятельствах оказались там полноправными хозяевами, разрабатывает встречные оперативные планы переноса обороны Индии на афганскую территорию и рассчитывает превратить афганскую армию в свой авангард¹¹. Однако отличия в видении планов сторон были разительными: если для британцев афганцы должны были выступить в качестве союзников, а Афганистан превращался в передовую линию общей обороны, значимую для англичан, то в плане российского Генерального штаба Афганистан был агрессивной силой, провоцирующей конфликт на Среднем Востоке и являющейся главным объектом ответных российских военных действий.

Новый российский оперативный план для Средней Азии, включавший в себя перевод войск Туркестанского военного округа на военное положение и последующие военные действия на афганской территории, должен был заменить предыдущую разработку 1903—1904 гг., созданную особой правительственной комиссией под руководством военного министра России генерал-адъютанта А. Куропаткина (1898—1904 г.), где Англия выступала главным противником России на Среднем Востоке. Столь короткий период действия предыдущего плана явился, безусловно, следствием изменившейся международной ситуации, приведшей к англо-русской конвенции по спорным вопросам на Среднем Востоке. После поражения России в войне с Японией и заключения англо-русской конвенции многие черты прежнего плана выглядели как анахронизмы. Россия вынуждена была заявить об отказе от несоответствующих ее военно-политическому положению проектов наступательных операций, в первую очередь, от идеи, присутствовавшей в плане 1904 г., возможного военного похода в Индию. В плане 1910 г. основная цель действий русской армии на афганской границе виделась в защите российских туркестанских владений от посягательств возможного противника. При этом подчеркивалось, что Россия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении Афганистана и отказывается «от мечты о походе в Индию с тем, чтобы вся подготовка к военным действиям на афганской границе имела в виду только обеспечение наших Туркестанских владений от возможных покушений афганцев и англичан»¹².

Российские военные разработки 1910—1912 гг. предполагали три варианта развития событий на афганском направлении, когда:

- 1) Россия ведет военные действия только против англо-афганской армии;
- 2) военные действия начинаются одновременно в Туркестане и на западной (или любой другой) границе империи;
- 3) военные действия начинаются на западном фронте, а затем, в наиболее тяжелый для России период войны, ситуация осложняется на афганской границе.

После критики плана 1910 г. командующими войск оборонительный характер нового плана был прописан лишь во втором и тре-

тьем из вышеуказанных вариантов развития событий, когда, как считали в Главном управлении Генерального штаба, «войска туркестанского военного округа не могут рассчитывать на прибытие из европейской России подкреплений и потому предоставляются собственным силам». Однако и в этом случае туркестанская армия должна была сначала достичь успеха «над афганскими войсками до подхода к последним в подкрепление англо-индийской армии» и только после этого перейти к обороне наиболее важных объектов края¹³. Все говорило о том, что военная стратегия русских и в новом плане не видела в афганцах самостоятельной силы, способной создать без поддержки англичан реальные трудности для России, а, следовательно, главной опасностью, способной вызвать острый конфликт на среднеазиатской границе, по-прежнему оставались англичане, правда, теперь действующие за спинами афганцев.

Первый вариант развития событий на афганской границе предполагал активное российское наступление, конечно не на Индию, что теперь признавалось нереальным, но на жизненные центры Афганистана, который с 1907 г. стал рассматриваться в качестве главной агрессивной силы и наиболее вероятной наступательной цели русской армии на данном направлении. Так, доклад по Главному управлению Генерального штаба России в июне 1912 г. после критики его варианта 1910 г. стал подчеркивать, что «основной руководящей идеей действий должен быть разгром англо-афганских войск и наступление главных сил армии через Афганский Туркестан¹⁴ на Кабул с целью овладения этим политическим и административным центром всего Афганистана».

В случае войны с «англо-афганцами» Главное управление Генерального штаба предполагало перевезти по ташкентской и среднеазиатской железным дорогам из европейской России в Туркестан пять армейских корпусов в составе 160 батальонов, 144 эскадронов и сотен с 704 орудиями¹⁵. После этого туркестанская армия должна была сосредоточиться на основных направлениях:

— в районе Мерв — Кушка — 5-й и 21-й армейские корпуса, Терская и 2-ая Кубанская казачьи дивизии, а авангардом из Кушки должен был выступить 2-ой Туркестанский армейский корпус;

— на линии Ташкент — Курган (Новая Бухара) — Чарджуй должны были расположиться 1-й, 13-й и 16-й армейские корпуса, Уральская казачья и 10-ая кавалерийская дивизии, а авангард — 1-й Туркестанский армейский корпус — у пограничного Термеза;

— в восточной Бухаре на памиро-бадахшанском направлении были запланированы действия отдельного Памиро-Алайского отряда, базировавшегося в Оше и имевшего в своем составе 4 батальона, 8 орудий и 6 сотен.

Военный министр Сухомлинов в докладе Николаю II выразил уверенность, что вновь собранная туркестанская армия, вместе с постоянно дислоцированными в округе частями, будет вполне соответствовать тем силам, «которые могут быть выставлены против нас англо-афганцами»¹⁶.

Специалисты штаба туркестанского военного округа, подключенные к разработке плана военных действий на афганском направлении, указали на то, что для достижения важнейшей стратегической

задачи — поражения англо-афганских войск и овладения Кабулом — необходимо обеспечить прочные тылы и, по возможности, самим перейти в наступление. Это предполагало занятие российскими войсками уже на первом этапе военных действий афганского Туркестана, гератской провинции и Бадахшана. В отличие от плана 1904 г., где взятия Герата и даже Кандагара рассматривались как достаточные меры российских военных действий на афганской территории, нацеленных на Индию, теперь они приобрели важное значение на пути к Кабулу¹⁷. При этом выстраивалась определенная последовательность оперативных действий русской армии на афганской территории: сначала обеспечить фланги — взять Герат и Бадахшан — и только затем развивать наступление из Термеза через афганский Туркестан на Кабул.

Восточный фланг — восточная Бухара и частично Памир, соседствующие с афганским Бадахшаном, — стали определяться как районы возможных военных действий при конфликте с «англо-афганцами» сразу после «полевой» поездки 1907 г. офицеров штаба туркестанского военного округа, когда появились первые признаки того, что афганцы не признают англо-русскую конвенцию. В инструкции, данной участникам экспедиции, ставилась задача изучения этих территорий, наиболее вероятных театров будущего вооруженного столкновения, как с точки зрения российского наступления, так и обороны¹⁸. Затем роль нового стратегического региона прочно обозначилась в целом ряде докладов, рапортов и донесений. Так, в докладе по Главному управлению Генерального штаба от 23 сентября 1909 г. подчеркивалось, что «в случае нашего вооруженного столкновения с англичанами главным театром борьбы будет именно эта часть Афганистана, а не его западные провинции»¹⁹. Военный министр Сухомлинов в докладе председателю совета министров П.А. Столыпину 16 марта 1910 г. также подчеркнул, что все имеющиеся «сведения о военной деятельности англичан на индо-афганской границе (дислокация войск, постройка стратегических железных дорог, сосредоточение запасов, разработка дорог и перевалов и т.п.) ясно указывают на подготовку ими театра военных действий не в Западном, а в Восточном Афганистане»²⁰. Другими словами, весь «афганский план», как до 1910 г., так и после, строился на преимуществе центрального и восточного направлений движения войск. При этом, по мнению российских военных, этот фактор следовало превратить в преимущество. Военные специалисты предлагали учитывать тот факт, что на бухарских территориях Рушана, Шугнана и Ишкашима, соседствующих с афганским Бадахшаном, при явном преимуществе киргизского и таджикского населения, практически, не проживали этнические афганцы, что должно было рассматриваться в качестве преимущества для действий российских войск в данном регионе. Полковник Муханов в своем секретном издании 1908 г. насчитал среди населения этих восточных бухарских волостей лишь 12 афганцев (пуштунов)²¹. А.Е. Снесарёв свидетельствовал, что в афганском Вахане «авганцев нет, что Вахан и для них совсем чужая страна», сплошь таджикский, «а авганцы разве только часовые на постах»²².

Российская армия, чтобы помешать противнику угрожать через Восточную Бухару Самарканду и Фергане, должна была уже на первом этапе военных действий овладеть афганским Бадахшаном, тер-

ритория которого охватывала афганский Ишкашим, Дарваз и даже Вахан. Штаб туркестанского военного округа был намерен возложить операции в этом районе на сильный конный отряд, составленный из войсковых частей, которые придут из Европейской России²³. Особое внимание было уделено самой западной части Бадахшана, где должна была начаться военная операция, — месту, где Пяндж, после Калаи-Хумба, главного поселения Дарваза, делая огромный изгиб и прорываясь из ущелий на запад, становился Амударьей, выходя в долину с пятью переправами. «Это тот район, — писал Снесарёв, хорошо знавший эти места и высоко оценивавший их стратегическое значение, — где через Амударью может быть совершена переправа вброд. Это обстоятельство придает месту большой политический и военный смысл и даже дает начало особому операционному направлению на Индию, которое носит название Бадахшанского». Действительно, из пяти местных переправ три были лодочные или турсучные²⁴, а две — Биш-Капинская и Пархарская — могли быть преодолены вброд. К тому же они шли через крупный бухарский остров на Амударье — Урта-Тугай²⁵, размеры которого позволяли сосредоточить на нем войска перед их переправой на афганский берег. Стратегическая ценность этого района виделась также в том, что от кишлака Сарай²⁶, ниже Урта-Тугая, Амударья становилась судоходной — здесь могли использоваться большие лодки, а от Термеза уже и пароходы²⁷. Занятие афганского Бадахшана позволило бы контролировать пути, идущие из индийского Читрала в афганский Туркестан, и тем самым обеспечило бы левый фланг российской армии, способной после этого наступать через Термез на Кабул.

Бухаро-афганская граница в среднем течении Амударьи — от Келифа на западе и до Куляба на востоке — виделась не только как естественный рубеж российской обороны, где в первую очередь ожидалось столкновение с афганцами и готовыми поддержать их войсками британской Индии, но одновременно и как плацдарм для главного русского наступления — из Термеза через Мазари-Шариф на Кабул²⁸. Из архивных документов плана 1910 г. явствует, что решение вести главное наступление русской армии пятью корпусами, прибывшими из европейской России, не на Герат, а на Кабул было принято в 1908 году²⁹. При этом, по мнению Сухомлинова, Термез должен был стать одним «из передовых, выдвинутых на афганскую границу гарнизонов, имеющих значение авангардов для всей массы войск округа и долженствующих прикрывать сосредоточение этих войск к границе». В Главном управлении Генерального штаба были уверены, что только после того, как основные российские силы займут фланговые направления, «установят связь между колонами, захватят передовыми частями ближайшие... перевалы на Гиндукуше, устроят переправы на Амударье, пополнят продовольственные, боевые и санитарные запасы, учредят промежуточные базы в Мазари-Шарифе и Герате, оборудуют пути сообщения в тылу, устроив железную дорогу хотя бы полевой колеи к обоим, вышеуказанным пунктам, и заготовят достаточное количество вьючных транспортов — туркестанская армия может... перейти и к выполнению главной задачи — наступлению на Кабул»³⁰.

По мнению разработчиков плана, главные силы англо-индийской армии в случае афгано-русского конфликта также двинутся

на Кабул, а через индийский Читрал — на афганские Файзабад и Мазари-Шариф³¹. Правда, предполагалось, что англичане, опасаясь вероятных вспышек восстаний в северо-западной Индии, побоятся на первом этапе удалять свои основные силы далеко от индийской границы, а потому непосредственное столкновение с ними, если и произойдет, то только на втором этапе — «на линии Кабул — Кандагар»³².

Однако план возможных военных действий на афганском направлении явно не получался, ибо выстроенный на бумаге он не соотносился с реальными военно-политическими опасностями, которые могли возникнуть для наступающей русской армии и пограничников в случае внезапной атаки афганцев, поддержанных англичанами. Один из главных недочетов всей стратегии, ломавший при детальном анализе планируемое развитие событий, заключался в том, что Россия, в соответствии с тогдашними экономическими возможностями, не могла держать на постоянной основе значительное количество своих военных подразделений на всей афганской границе и была вынуждена строить свою стратегию на быстрой переброске туда значительных воинских подразделений из других регионов империи. Если учесть то, что три наиболее вероятных военных очага — в Европе, Центральной Азии и Закавказье, а также на Дальнем Востоке — находились друг от друга за тысячи километров и были разделены малонаселенными пространствами, почти лишенными путей сообщения, то проблема становилась очевидной. Например, для такой передислокации техники и людей к афганской границе даже из ближайших военных округов, по данным военных специалистов, требовалось не менее одного-двух месяцев. При этом никто до начала первой мировой войны точно не знал, где произойдут первые опасные вспышки, ибо не были определены даже надежные союзники³³.

Пограничники и имеющиеся вдоль границы крупные российские войсковые подразделения, в основном в Термезе и Керки, в случае неожиданного и массированного выступления афганцев, поддержанных англичанами, могли организовать оборону, но никак не наступление вглубь сложной афганской территории, не имеющей хороших дорог. План русского продвижения в Афганистан был реален лишь после прибытия в Туркестан частей и соединений, которые на данной территории постоянно не дислоцировались. Однако внезапное выступление «англо-афганцев» было способно создать серьезные трудности, детально не учтенные планом: противник уже к концу первого месяца войны мог выставить против Термеза значительно большие силы, чем те, которыми обладали туркестанские власти. Так, по данным специалистов Туркестанского военного округа, против шести российских батальонов, 21 сотни и 36 орудий с одной понтонной и двумя крепостными артиллерийскими ротами (гарнизоны Термеза и Керки) противник имел возможность уже к концу первого месяца войны сосредоточить на этом участке границы до 41 батальона и 100 сотен с 192 орудиями, к которым к 44-му дню войны, как предполагалось, должны были подойти еще 17 батальонов и 50 сотен с 114 орудиями.

Специалисты обратили внимание также на то, что именно на этом участке в среднем течении Амударьи у афганцев имелась созданная самой природой стратегическая ниша — впадающая в Амударью с левой, афганской стороны, река Кундуз, которая на большом

протяжении границы являлась единственным местом, где можно было скрытно подготовить десантные средства и, пользуясь прикрытием громадных камышовых зарослей в устье этой реки, атаковать бухарский берег³⁴. Было известно, что, несмотря на запреты афганцам использовать для своих целей течение Амударьи, которая считалась бухарской (читай: российской территорией), они имели на этом участке границы небольшой флот. В мирное время их каюки³⁵ выходили на Амударью из Кундуза и после оплаты таможенных пошлин в Айвадже даже поднимались по ее правым притокам, Кафирнигану и Вахшу, вглубь бухарской территории³⁶. По данным разведки, в 1913 г. афганцы держали на Кундузе 18 каюков³⁷. Секретное издание штаба ТуркВО «Сводка сведений о сопредельных странах», которое периодически готовилось к публикации на основании разведанных, сообщило о том, что в конце июля 1910 г. на этом участке афганского берега Амударьи была замечена приехавшая из Мазари-Шарифа специальная правительственная комиссия во главе с кабульским корнейлем³⁸ Шир Мухаммад-ханом, которая обследовала берег для возможных оперативных действий и постройки новых постовых укреплений³⁹. При активном наступлении афганцев, поддержанных англичанами, соотношение сил на данном участке границы до середины второго месяца войны могло, по мнению специалистов, складываться не в пользу России.

Критики плана из ТуркВО считали, что афганцы непременно воспользуются такой благоприятной возможностью, позволяющей им создать перевес в силах уже в первые месяцы войны, и откроют наступление на огромной и плохо защищенной бухарской границе, чтобы «отрезать Термез от подходящих к нему подкреплений». Одновременно афганская конница, способная, как считалось, состоять из 100 сотен, будет направлена через Кундуз, Рустак и Файзабад в восточную Бухару, где, «заняв Гиссарскую долину и стараясь поднять восстание в Бухаре, по мнению авторов секретной справки российского Военного ведомства, окажется на фланге нашей коммуникационной линии Самарканд — Термез и, конечно, повлияет замедляющим образом на сосредоточение к Термезу войск I Туркестанского армейского корпуса»⁴⁰. Другими словами, планы отправления в первые месяцы войны основных туркестанских войск из Керки и Термеза, например в отдаленные районы Бадахшана, до подхода необходимых российских частей, только и способных создать реальный перевес в силах, активно критиковались: Керки и Термез могли сами оказаться под ударами наступающего противника. Чтобы избежать такого развития событий, один из вариантов плана предлагал направить в Бадахшан не воинские соединения из Керки и Термеза, а Уральскую казачью дивизию, которая должна была обеспечить перевес в силах и создать условия для активных военных действий русской армии в этом стратегически важном районе, соседствующем с Британской Индией.

Опасения за Керки и Термез, воинские части которых вместе с прибывшими в Туркестан соединениями должны были на втором этапе войны обеспечить наступление на Кабул, ставили под сомнение подготовленный сценарий развития событий, а намеченная для обеспечения жизнедеятельности Гиссарской долины и левого фланга Туркестанской армии с последующим занятием Бадахшана Уральская казачья дивизия могла прибыть в район сосредоточения лишь к кон-

цу второго месяца войны. Рассматривался вопрос о замене ее какой-либо другой из регулярных кавалерийских дивизий, расположенных в мирное время в прилежащих к Туркестану районах и способных достаточно быстро достичь места назначения. Так, в августе 1912 г. появились предложения заменить Уральскую казачью дивизию 1-ой кавалерийской ⁴¹, однако проблему это не устранило.

При этом план возможной войны с афганцами и стоящими за ними, как представлялось российскому военному руководству, англичанами не затрагивал вопросов безопасности российской власти в Туркестане и Бухаре и возможных восстаний местного населения в поддержку афганцев. В плане не было указаний на изменение стратегии и тактики ведения военных действий против «англо-афганцев» в случае обострения ситуации внутри Туркестана или Бухары, хотя было хорошо известно, что местные элиты, особенно бухарские, всегда воспринимали российскую власть как колониальную. План, не анализируя внутреннюю ситуацию и возможные варианты ее ухудшения, сосредоточил все внимание на внешних факторах, характеризуя операционные действия на границе и на афганской территории. Это свидетельствует о том, что оперативный план тех лет исходил из преувеличенных представлений о крепости и прочности российской власти в крае и уверенности в том, что она справится с любыми возможными внутренними осложнениями — горького опыта восстаний 1916 г. в Средней Азии, поддержанных с афганской территории, испугавших и потрясших туркестанские власти своим размахом, еще не было. До начала мировой войны и событий 1916 г. российские военные стратеги были уверены, что военное выступление Афганистана, даже поддержанное англичанами, не способно поколебать основы российской власти в Средней Азии.

Серьезным вопросом для российского военного командования в случае войны с Афганистаном оставались способы доставки войск и техники в эту страну при отсутствии там не только железнодорожных путей, но и нормальных шоссейных дорог, что ставило под сомнение оперативность выполнения намеченного стратегического плана. Все попытки англичан в разное время добиться от афганских правителей согласия на строительство на их территории железнодорожных путей, какими бы целями они не обосновывались, провалились. Афганские монархи противились этому, опасаясь, что железные дороги могут ослабить естественную оборону страны, создать проблемы для государственной безопасности ⁴². Доля истины в такой позиции была, хотя в экономическом плане она лишь усиливала закрытость и отсталость страны.

В России, в связи с трансформацией после 1907 г. плана ведения возможной войны на индо-афганском направлении, поменялись приоритеты в выборе конечных пунктов для будущих железных дорог. К началу разработки нового стратегического плана Россия имела на афганской границе конечный железнодорожный пункт лишь в кушкинской долине. Железнодорожная ветвь, идущая из Мерва на юг, к афганской границе, в долину Кушки ⁴³, направлялась «буквально неизвестно куда, с окончанием ее, так сказать, в воздухе». Нацеленная на продолжение в будущем по афганской территории, она обрывалась, находясь всего в одном дне пути до Герата. Похожая картина

была у англичан на границе Британской Индии с Афганистаном, где сеть дорог в пяти местах упиралась в афганскую границу. «Если взглянуть на карту Афганистана, — признавалась 22 июля 1907 г. газета «Туркестанские ведомости», официальный орган туркестанской администрации, — то видно, как железнодорожные пути соперничающих стран впились, как пиявки, в тело этой страны»⁴⁴. Расчеты обеих держав были ясны: в случае надобности, успеть перебросить свои армии как можно раньше по направлению друг к другу.

Николай II, одобрив в июне 1910 г. мобилизационный план для афганской границы, ставший только его вариантом, в соответствии со сложившимися тогда представлениями, определил, что движение на Кабул требует проложить рельсовый путь от Кушки до Герата. Для этого из европейской России во главе остальных войск должны были прибыть железнодорожные части. Однако вскоре, как уже было отмечено, взятие Герата стало частной задачей обеспечения и нейтрализации флангов, а возможная война с «англо-афганцами» потребовала сосредоточения туркестанской армии, в первую очередь, у Термеза (на Кабул). Особое совещание при Совете министров, состоявшееся 9 апреля 1910 г. под руководством Столыпина, определило: кушкинская железнодорожная ветвь, «могущая оказать существенную услугу на случай операций в Западном Афганистане, за последние годы в значительной степени утратила свою прежнюю ценность, так как деятельность англичан на индо-афганской границе указывает на подготовку ими театра военных действий не в западной, а в восточной части названного государства»⁴⁵.

Смена стратегического направления потребовала выяснения способов доставки войск и техники к Термезу, находящемуся от ближайшего железнодорожного пункта, Самарканда, как выражались военные, «в двадцати переходах» (в 358 верстах). Для доставки войск и их сосредоточения на границе требовалось не менее трех месяцев, которые могли уже на первом этапе войны полностью перечеркнуть все прописанные в плане преимущества для русской армии, тем более, если к афганцам за это время подойдет англо-индийское подкрепление⁴⁶. Это означало, что реальный переход ко второму этапу военной операции в Афганистане — наступлению на Кабул — при учете сезонных и погодных условий, когда Северный Афганистан по несколько месяцев оставался отрезанным от всякого сообщения со столицей и с югом страны, мог, в действительности, растянуться для русской армии на полгода⁴⁷.

Хотя общий мобилизационный план 1910 г. уже был подписан царем, вопросы принципиальных исправлений, требующие отхода от господствовавшей в нем пассивной тактики, начали подниматься командующими войсками на местах. Так, туркестанский генерал-губернатор Самсонов, являясь одновременно командующим войсками туркестанского военного округа, осенью 1910 г. решительно заявил о необходимости «для туркестанского фронта» строительства новой железной дороги, соединяющей Термез с линией уже существующей Среднеазиатской дороги. В этом вопросе он присоединился к идее, высказанной, хотя и с сомнениями по поводу ее реализации, на заседании Совета министров, состоявшемся 9 апреля 1910 года. «Стратегическое значение рельсового пути на Термез настолько ясно, — на-

писал он начальнику Генерального штаба России Е.А. Гернгроссу, — что не требует никаких разъяснений»: «без этой дороги» наши активные действия в Средней Азии «неосуществимы». При этом, по мнению Самсонова, «дело искусных дипломатических сношений» убедить англичан в безопасности и взаимной выгодности такого строительства, в результате которого мы «имели бы возможность быстро усилить немногочисленные наши пограничные гарнизоны и в случае надобности перейти в наступление», решая при этом не только свои, но и британские задачи ⁴⁸.

Хотя не только среди англо-индийских чиновников, но и в российском обществе, особенно после установления официально дружеских отношений с англичанами, господствовали представления о необходимости держать Афганистан «непроходимым буфером» для остального мира, отложив все планы железнодорожного строительства на его территории на будущее, новый российский стратегический план требовал иных решений. Не столько нехватка у правительства необходимых финансовых средств, сколько необходимость передачи строительства в руки частных предпринимателей для маскировки его стратегических целей и задач, стали определяющими в том, что оно оказалось у Ковалевского. Передавая права на строительство новой железной дороги частному предпринимателю, Совет министров высказался определенно о целях этих действий: «принятие государством на себя ее постройки могло бы дать повод к предположениям об агрессивных намерениях России в Средней Азии и тем в серьезной мере нарушить установившиеся между нами и Англией дружественные отношения» ⁴⁹. Как видим, российский стратегический план для среднеазиатской границы, имевший первоначально задачу ведения военных действий против объединенных сил англичан и афганцев, затем слабо разрабатываемый из-за смены ведущих военных направлений, продолжал нести в себе внутренние противоречия и все более усиливающиеся нестыковки с конкретной политикой в процессе формирования союзнических отношений с Великобританией, в условиях изменяющейся геополитической ситуации в мире.

Направление новой железной дороги, выбранное и спроектированное Ковалевским, не в полной мере удовлетворило желаниям российского Военного ведомства, так как не решило проблем защиты железной дороги в случае военного конфликта: на участке Ак-Кум — Термез (149 верст) дорога прошла вдоль границы с Афганистаном и уже в первые дни войны могла подвергнуться атакам афганской конницы. Однако от проведения дороги по другому, более безопасному маршруту — по прямой от Карши на Термез — но через сложный горный рельеф, предприниматель отказался ⁵⁰. Российскому Военному ведомству пришлось согласиться с этим решением. Как справедливо заметил А.М. Зайончковский, прежнее чрезмерное давление стратегических военных путей, типа той же кушкинской ветки, не влиявшей на экономическое развитие края и являющейся только балластом, было слишком большой роскошью для бедной страны ⁵¹.

Вопрос защиты российских коммуникаций, в первую очередь железнодорожных, в случае прорыва афганской кавалерии вглубь туркестанской территории до подхода основных российских военных подразделений, оставался актуальным. Существовали опасения, что

афганцы, опираясь на поддержку местного населения, «попытаются прорвать» железнодорожную линию Самарканд — Мерв, чтобы отделить русские отряды, действующие со стороны Сырдарьи, от войск Закаспийской области⁵². В этом случае, как предполагалось, туркестанской железнодорожной сети будет нанесен урон, что создаст проблемы при доставке войск. Характерно, что в ходе «полевых» поездок офицеров Генерального штаба, например в 1908 г., пытавшихся найти эффективные способы защиты большой территории и находящихся на ней коммуникаций от афганской кавалерии, военные специалисты не смогли, на наш взгляд, предложить адекватных и удовлетворительных решений этой проблемы, высказавшись за простое увеличение численности туркестанских войск по охране таких стратегических объектов, как железные дороги. Превратить возможную войну с Афганистаном в «народную» и тем более, как говорили марксисты, в «справедливую», у российских властей в Туркестане и Бухаре никак бы не получалось.

Вопрос о перемене основного направления наступления российской армии в случае конфликта с Афганистаном с гератского на термезское, с точки зрения военной целесообразности, остался спорным. Новое направление не сулило легких решений и в полном объеме вряд ли было реализуемо. Так, если прежний путь — через Закаспийскую область на Герат и Кандагар и далее на Индию — считался наиболее разработанным, где имелись населенные пункты, вода, корм для скота, топливо, продовольствие и который через Кушку был связан с сетью российских железных дорог, то путь через Термез на Мазари-Шариф и Кабул, даже при постройке термезского участка дороги, и в прежние годы державшийся в умах российских военных стратегов, по своим качествам не шел ни в какое сравнение с предыдущим, так как, по мнению военного специалиста той поры полковника В.Т. Лебедева, переваливал «колоссальный горный массив Гиндукуш вьючной дорогой, по которой лишь с величайшим трудом можно протащить повозку»⁵³.

Военный профессионал и теоретик А. Снесарёв также подчеркивал, что достижение афганского центра, Кабула, почти по прямой на юг требовало преодоления трех основных естественных преград — Амударьи, предгорий и, наконец, самого Гиндукуша. «Эта тройная линия преград исторически и создавала три линии обороны, — писал он, — причем последняя, Гиндукуш, как слишком сильная естественно и доступная лишь в ограниченное время года, обычно почти оставалась без всяких искусственных усиления». Афганцы не охраняли Гиндукуш, ибо были уверены, что противник с севера столкнется с огромными естественными трудностями для его пересечения. Кроме того, не следует «сбрасывать со счетов», что до достижения главной цели надо было еще преодолеть Амударью, значительные песчаные пространства, начинающиеся за рекой, а также крепость Дейдади, в создании которой сказывалось «сильное влияние европейской фортификации»⁵⁴. Строительство железной дороги на Термез, получившее стратегическое значение, облегчало доставку войск, но само по себе не решало этих проблем. Хотя и от Герата в прежнем направлении на Кандагар и Индию надо было пересекать Паропамизский хребет, и не все его перевалы были доступны для колесного движения и требовали разработки, тем не менее, здесь, как считалось, могла «пройти

большая армия» со всем своим материально-техническим обеспечением, и до Инда больше не было «непреодолимых естественных преград»⁵⁵.

Известно, что Снесарёв, задаваясь вопросом, по какому направлению лучше двигаться армии, все же отдавал предпочтение кабульскому. Он ссылался в этом случае на исторические примеры того, как действовали завоеватели: «История скажет, — писал он, — что, несмотря на первоклассность Гиндукуша, труднопроходимость долин, крутые подъемы, зимою бураны и снежные заносы, угрозу фланговых позиций, победители шли почти без исключения все Гиндукушским направлением». «Такие примеры показывают, что полководцы шли через Гиндукуш даже в зимнюю пору, преодолевая несказанные трудности, но поражая врага неожиданностью. Отсюда позволительно сделать вывод, — подчеркивал Снесарёв, — что гиндукушское направление должно иметь преимущественное значение, и если бы нам пришлось оперировать в этих местах, главные силы было бы правильнее направить именно в этом направлении и только некоторые демонстративные — в каком-либо другом». Эти рассуждения были применимы и в отношении другого, еще более трудного, но более близкого к Индии, памирского направления⁵⁶. Все это было правильно, когда речь шла о завоевательных походах Македонского, Чингиса, Тимура или Бабура, однако в российском стратегическом плане говорилось не о завоевательных походах и не о достижении цели любой ценой, а лишь об ответных действиях на возможную агрессию или провокацию «англо-афганцев», тем более, что о достижении Индии речь вообще не шла. Поэтому, на наш взгляд, в перемене основного направления движения армии в случае конфликта на афганской границе ведущими были политические мотивы — «гератское направление» на Кабул не могло остаться в новом плане, ибо прочно ассоциировалось с наступлением русской армии на Индию, что после подписания соглашения с англичанами приобретало компрометирующее российскую сторону значение.

Проблемой при разработке российского стратегического плана стало само решение рассматривать Афганистан в качестве главного объекта действий российской армии в Средней Азии, ибо до сих пор он был лишь важным пунктом на пути в Индию и самостоятельного значения не имел. Конечно, тот же Лебедев в 1898 г. писал, что «завоевание Герата, затем Кандагара и Кабула и, наконец, включение всего Афганистана в сферу нашего влияния — вот дальнейшие наши шаги в Средней Азии; этого требует выгода России и от нее не следует отказываться»⁵⁷. Однако эта позиция была оправдана и логична, когда Афганистан был частью общей кампании, направленной против англичан, но теперь ситуация кардинально изменилась. Снесарёв писал: «Афганистан сам по себе никакой цены не представляет... Последнее обстоятельство поведет к тому, что если этой страной и можно овладеть, то удерживать ее в руках очень трудно, на заведение администрации и заведение порядка потребуется столько ресурсов, что страна этих трат никогда не вернет: ей вернуть их не из чего. Поэтому мы должны сказать определеннейшим образом, что в истории столетней борьбы между Англией и Россией Афганистан сам по себе никакой роли не играл, и ценность его всегда была косвенная и условная»⁵⁸. Этот вывод, который теперь разделялся многими в правя-

щих структурах российской власти, делал бессмысленными возможные военные действия на афганской территории, а, тем более, масштабные планы по использованию техники, привлечению значительных людских и материальных ресурсов. На таких представлениях было трудно выстроить серьезную стратегию для русской армии в будущей афганской кампании, тем более, если бы она оказалась не кратковременной, а растянулась на длительный период.

На наш взгляд, приемлемый выход был найден, когда часть территории Афганистана, его северные пригиндукушские районы, были вписаны в стратегические планы России по созданию естественной оборонительной линии. Правда, об этом говорили уже с конца XIX века. Например, Л.Н. Соболев еще в 1885 г. писал: «Никто, конечно, не скажет, что Россия готовится к вторжению в Индию во что бы то ни стало, но вряд ли кто станет отвергать возможность такого вторжения. Неотразимая логика событий указывает, что скоро настанет время, когда границей русских среднеазиатских владений станет хребет Гиндукуш, этот естественный рубеж Индии; в пределы владений России, по всей вероятности, будет включена Гератская область»⁵⁹. Если такой вариант виделся в условиях «распри» англичан с русскими, то он стал пробивать себе дорогу после заключения англо-русского соглашения. Именно он со временем становился возможной реальностью в отличие от абстрактного стратегического плана российского военного ведомства 1910—1912 годов.

Правда, оставались варианты участия англичан в этом процессе. Так, на раннем этапе формирования стратегического плана для афганской границы, в 1905—1906 гг., Совет государственной обороны при поддержке начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф. Палицына разработал план овладения северным Афганистаном в случае конфликта с англичанами. С этого времени возобладали представления о том, что, несмотря на соглашения второй половины XIX в., Россия не создала здесь для себя адекватной границы, что реки Амударья и Пяндж не выполняют основной разграничительной функции, так как не останавливают передвижения с обеих сторон даже приграничного населения, что граница должна проходить значительно южнее — по горной системе Гиндукуша, который разделяет север Афганистана с востока на запад непрерывным хребтом, похожим на стену. Западный отрезок этой стены, носящий название Кохи-и Баба, уступая по высоте Гиндукушу, тем не менее, оставался той естественной преградой, которая была способна создать южную границу для Российской империи⁶⁰. Важным было также то, что в пределах этой линии проживали не афганцы-пуштуны, а народы, которые жили в границах Российской империи или в Бухаре и были искусственно разделены.

После соглашения с Великобританией в 1907 г., отказавшись от официальных планов наступления на Индию, Россия сосредоточила внимание на северной, догиндукушской, части Афганистана и, в случае военного конфликта с афганцами, особенно при нейтральной позиции англичан, предполагала отсечь или поставить под свой контроль территорию от бухарской границы до основного гиндукушского хребта, надеясь, что он станет надежным буфером для ее южных владений. К этому закономерно вел и раздел соседней Персии на зоны влияния между державами: российская зона в Персии вместе с

северной, догиндукушской частью Афганистана должна была в итоге составить такую единую границу ⁶¹.

Более того, еще в мае 1907 г., за несколько месяцев до заключения соглашения с англичанами, военное руководство Туркестана проектировало раздел Афганистана как возможный вариант англо-русского соглашения. Тогда генерал-губернатор Н.И. Гродеков (1906—1908) в своем докладе ⁶² на имя начальника Главного штаба А.Е. Эверта так определил суть «афганской стратегии» России:

«1. Раздел Афганистана линией по Гиндукушу. Причем все земли к югу от пограничной черты будут считаться собственностью британской короны с представлением русским тех же прав, как в остальной Индии. Этот проект упраздняет Афганистан как буферное государство и дает нам прочную границу, являющуюся наилучшей в стратегическом отношении.

2. Нейтрализацию северного Афганистана и Герата, где афганцы будут иметь право содержать только ограниченные гарнизоны без права сооружения новых крепостей. В Герат и Мазар-и Шариф должны быть допущены русские консулы. В Кабуле должно быть открыто отделение русско-китайского или учетно-ссудного банка. Остальные условия приемлемы в том виде, как они предложены. Для нас безразлично, кто будет править в Кабуле, при условии, что северная часть Афганистана будет под нашим контролем» ⁶³. При реализации этого проекта, уже совместно с англичанами, сложное пересечение Гиндукуша и достижение Кабула для русской армии, теоретически планировавшиеся в стратегических разработках 1910—1912 гг., могли не понадобиться.

Эти идеи получили новые импульсы в годы первой мировой войны (1914—1918). Российские дипломаты неоднократно обсуждали с англичанами варианты послевоенного устройства мира и судьбу этой страны. Наряду с «Проливами», неизменно ставился вопрос о будущем экономическом разделе Афганистана на зоны влияния по типу Персии. При этом Россия надеялась получить все преимущества для себя в Северном Афганистане. В 1915 г., когда в Афганистан проникла германо-турецкая миссия, стремившаяся склонить эмират к войне с Англией и Россией на стороне Тройственного союза, русское правительство было готово ввести войска и занять афганский Туркестан ⁶⁴. Правда, к этому оказались не готовы англичане, найдя иные способы воздействия на афганского эмира для удаления из эмирата германо-турецкой миссии.

Союзные отношения Англии и России в годы первой мировой войны сделали ненужным и устаревшим российский стратегический план 1905—1912 гг. для среднеазиатской границы, в котором главными противниками России, хотя и за спинами афганцев, выступали англичане. Мировая война кардинально изменила ситуацию в англо-русских отношениях. Однако негативное отношение к Афганистану, как главной враждебной России силе на Среднем Востоке, сохранилось и продолжало усиливаться — за счет уступок англичанам в Персии и Тибете российские военные и дипломаты продвигались по пути закрепления за империей территории Северного Афганистана. Приход к власти большевиков и преждевременный выход России из мировой войны изменили направленность истории России и тех государств, на которые она готова была оказать свое существенное влияние.

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2000, оп. 1-с, д. 3591, л. 181.
2. ИВАНОВ Н.А., ПОНОМАРЁВ В.П. «Необходимо усиление Туркестанского военного округа». Из истории русско-английских противоречий в Средней Азии. 1906 г. — Исторический архив. № 2, 1997, с. 161.
3. Так как Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), возглавляемое Ф. Палицыным (1851—1923), в 1905—1908 гг. являлось самостоятельной структурой и не входило в состав Военного министерства, между ними возникали разногласия. Противоречивость положения новой структуры проявилась и в том, что она создавалась для разработки стратегических планов подготовки к войне, объединяя работу штабов военных округов, но в ней не было даже мобилизационного отдела. По сравнению с военным министром А.Ф. Редигером (1905—1909 гг.), который поддержал Извольского в вопросе союза с Великобританией, Палицын занял критическую позицию в отношении союзнических отношений с англичанами. В 1908 г. он был уволен из руководства ГУГШ, а сама структура была возвращена в состав Военного министерства. Однако в 1909 г. последовало увольнение «хорошего администратора» Редигера, а на его место был назначен генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов, к этому времени уже возглавивший ГУГШ и объединивший «в своих руках всю власть». Критическая позиция Генерального штаба в отношении союзных отношений с англичанами осталась прежней и, видимо, распространилась на все Военное ведомство. Таким образом, объединение состоялось при сохранении прежней позиции ГУГШ по важнейшим военно-политическим вопросам, а в документах за подписью Сухомлинова в течение 1909—1912 гг. нередко повторялись положения из докладных записок «самостоятельного» Палицына. Подробнее см.: АЛЕКСЕЕВ М. Военная разведка России от Юрика до Николая II. Кн. 2. М. 1998, с. 10—14; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Подготовка России к мировой войне. М. 1926, с. 81—83.
4. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 9, 235, 244.
5. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3589, л. 7; д. 3591, л. 162—162об., 181.
6. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 275.
7. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3591, л. 144.
8. Там же, ф. 1396, оп. 2, д. 1806, л. 147—147об.
9. МУХАНОВ (А.В.) Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Памирский район. Ташкент. 1912, с. 12.
10. Туркестанские ведомости. 8, 20.VII.1907.
11. В 1906 г. российскому военному агенту в Великобритании были предложены для покупки секретные британские документы, среди которых назывался и «новый план войны лорда Китченера». Он, как говорили, раскрывал планы японцев против России и надежды англичан обострить ситуацию на российско-афганской границе. Однако, несмотря на своевременное выделение царем Николаем II денег на приобретение этих документов, из-за промедления русской военной агентуры, операция была сорвана. Подробнее см.: ЗВОНАРЁВ К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914—1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 гг. Киев. 2005, с. 128—129; ПЛЕХАНОВ А.Е. Англо-русская политика в отношении Афганистана в конце XIX — начале XX века. — Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Рязань, 2012, № 2 (35), с. 60.
12. Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг. Сб. архивных документов и материалов. М. 1999, с. 308.
13. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3589, л. 7; д. 3614, л. 39об.
14. Афганский Туркестан включал в себя бывшие ханства Андхой, Маймене, Балх и Хульм (Ташкурган).
15. Судя по Зайончковскому, реальное расписание дислокации на этом участке к лету 1914 г. — 2 корпуса, 3 дивизии и 48 сот. кавалерии. Кроме того, второочередные

- дивизии — около 2 корпусов силою в 48 бат. пехоты. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 108—109, 112.
16. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3591, л. 114, 182—182об.; д. 3614, л. 39, 40—40об.
  17. Там же, д. 3614, л. 28об., 40—40об.
  18. Там же, ф. 1396, оп. 2, д. 1692, л. 77.
  19. Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг., с. 308.
  20. Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (РГИА), ф. 1276, оп. 2, д. 263, л. 1об.
  21. МУХАНОВ (А.В.) Ук. соч., с. 78.
  22. СНЕСАРЁВ А.Е. Афганистан. М. 1921, с. 35.
  23. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3614, л. 41.
  24. Турсук — род плота из надутых кож животных.
  25. Ныне остров принадлежит Афганистану.
  26. Сарай, или Сарай-Комар. Ныне — г. Пяндж (Республика Таджикистан).
  27. СНЕСАРЁВ А.Е. Ук. соч., с. 60.
  28. В РГВИА имеются подробные схемы, карты, составленные Генштабом, и характеризующие вероятную ситуацию на военном театре к 8, 16 и 80-му дню мобилизации. К 80-му дню мобилизации русские войска должны были находиться на подходе к Кабулу, имея за собой занятые афганский Туркестан и гератскую провинцию. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3621, карты 1—4.
  29. Там же, д. 3614, л. 28об.
  30. РГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 263, л. 1.
  31. Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг., с. 308.
  32. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3614, л. 41, 44.
  33. Как сообщает Зайончковский, еще в 1908 г. Сухомлинову была представлена записка генерала М.В. Алексеева (1857—1918), начальника штаба киевского военного округа, с предложением сосредоточить основные войска на западной границе против Германии и Австрии, стянув туда основные силы с других возможных фронтов, в том числе из Туркестана направить лучший 2-ой Туркестанский корпус. Однако в следующие годы поступали разные предложения, в том числе, о сосредоточении основных сил где-то в центре России с последующей их переброски туда, где возникнут реальные очаги напряженности, чтобы, как писал генерал В.Е. Борисов (1861—1941) «поспеть и на западную и на восточную границу» или, как добавляет Зайончковский, «чтобы никуда не поспеть». ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 349—350, 106. Стоит напомнить, что долгое время были сомнения в отношении позиции Англии в большом конфликте.
  34. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1861, л. 4.
  35. Небольшая плоскодонная лодка с двумя веслами.
  36. РГИА, ф. 23, оп. 18, д. 238, л. 5.
  37. Сводка сведений, добытых разведкой штаба Туркестанского военного округа к 1 декабря 1913 года. Ташкент. 1913, с. 25.
  38. Корнейль — командир палтана, пехотного батальона в 600 человек.
  39. Сводка сведений, добытых разведкой штаба ТуркВО за период с 1 июля по 1 октября 1910 года. Ташкент. 1910, № 7—9, с. 26—28.
  40. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3591, л. 166об.
  41. Там же, л. 167—167об.
  42. ADAMEC L. Afghanistan, 1900—1923. A diplomatic history. Berkeley-Los Angeles. 1967, р. 5.
  43. Речь идет о Мургабской железнодорожной ветви Среднеазиатской железной дороги (Мерв-Кушка), открытой в 1901 году.
  44. Туркестанские ведомости. 22.VII.1907.
  45. РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 363, л. 4.
  46. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3607, л. 59.
  47. Там же, д. 3614, л. 45; Туркестанские ведомости. 22.VII.1907.
  48. РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 263, л. 10об., 13об.
  49. Там же, д. 363, л. 4.
  50. РГВИА, ф. 2000, оп. 1-с, д. 3607, л. 59об.—60.

51. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 343.
52. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1692, л. 78.
53. ЛЕБЕДЕВ В.Т. «В Индию». Военно-статистический и стратегический очерк. Проект будущего похода. СПб. 1898, с. 19—20.
54. СНЕСАРЁВ А.Е. Ук. соч., с. 190, 196—197.
55. ЛЕБЕДЕВ В.Т. Ук. соч., с. 44.
56. Цит. по: Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. Российский военный сборник. М. 2003, с. 469—470.
57. ЛЕБЕДЕВ В.Т. Ук. соч., с. 13.
58. СНЕСАРЁВ А.Е. Ук. соч., с. 212—213.
59. Цит. по: Афганские уроки..., с. 623.
60. ЛЕБЕДЕВ В.Т. Ук. соч., с. 16.
61. Так как российская зона в Персии непосредственно не соприкасалась с афганской территорией, русские дипломаты в период первой мировой войны, в 1915 г., предлагали англичанам переделить нейтральную зону, чтобы получить выход на северный Афганистан с персидской территории. Подробнее см.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917. Т. VII. М.-Л. 1935, ч. 1, с. 481, 527.
62. Этот доклад не был отправлен в Петербург. Военным властям Туркестана, видимо, стало ясно, что МИД Извольского не поддержит эти идеи, которые тогда могли сорвать заключение англо-русского соглашения.
63. Английская агрессия в Афганистане, 1883—1917. Сб. документов (По материалам Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР). Секретно. Ташкент. 1951, с. 231.
64. СОКОЛОВ-СТРАХОВ К. Афганистан в мировой войне 1914—1918 гг. — Новый Восток. М. 1929, кн. 26—27, с. 76.

Версальская система и СССР: политика на Ближнем Востоке в 1921—1927 гг.

В.С. Романенко

Аннотация. В данной работе рассматриваются экономические и политические отношения стран-участников Версальской системы с СССР в регионе Ближнего Востока. Это направление — наименее освещенное в отечественной и зарубежной исторической науке, а между тем оно сыграло свою роль в восстановлении экономики послевоенной Европы и развитии Ближнего Востока.

Ключевые слова: Версальская система, ближний Восток, СССР, ультиматумы, мирный договор Антанты с Турцией, международный транзит товаров.

Abstract. This article discusses one of the many areas of implications of the Versailles system of international relations — economic and political relations of the participating countries of this system with the Soviet Union in the Middle East. This area — the least liting in domestic and foreign historical science in relation to the Versailles system, and yet it has played a role in the economic reconstruction of postwar Europe, and in the Middle East.

Key words: Versailles system, the Middle East, the Soviet Union, ultimatums, the Entente peace treaty with Turkey, international transit of products.

В данной работе речь пойдет о ряде стран Европы, занимавших определенное место в ближневосточной политике СССР в 1920-е годы. Основной метод исследования — сопоставление с применением архивных источников известных фактов с теми, которые практически не привлекают внимание ученых.

Следует напомнить, что взаимоотношения СССР и стран Западной Европы применительно к Ближнему Востоку осуществлялись на фоне постоянных ультиматумов Великобритании советским республикам. Ультиматумы Р. Хорна, Дж.Н. Керзона (8.05.1923), О. Чемберлена (23.02.1927) и многие другие содержали политические и экономические требования в отношении действий советского государства на Ближнем Востоке (в Турции, Персии, Афганистане, арабских

Романенко Владислав Станиславович — кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. E-mail: vladisl.romanencko2015@yandex.ru.

Romanenko Vladislav S. — candidat of Historical sciences, associate professor of Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev. E-mail: vladisl.romanencko2015@yandex.ru.

странах и в во всем регионе в целом) и угрозы на случай их неисполнения. Следует также помнить и об организованных Великобританией ультиматумах Антанты в Генуе (1922) и Лозанне (1923). Особенностью британской политики давления были требования к другим государствам разрывать или не устанавливать дипломатические и экономические отношения с РСФСР и СССР, а также не сотрудничать с советским государством на Ближнем Востоке и в других регионах мира. Подобные требования британские правительства выдвигали, в частности, всем государствам Западной Европы и Ближнего Востока. В связи с этим отметим, что 16 марта 1921 г. Великобритания подписала торговый договор с РСФСР, который продолжал действовать, даже, несмотря на взаимные претензии сторон. Основной угрозой в ультиматуме Керзона как раз и был разрыв торгового договора. 8 августа 1924 г. Великобритания признала СССР де-юре, подписав мирный договор (наряду с нератифицированным позднее торговым). Впрочем, в мае 1927 г. произошел разрыв дипломатических отношений с СССР по ее инициативе, которые она вскоре восстановила.

На этом фоне в 1920-е гг. происходили изменения во взаимоотношениях советского государства с другими странами Европы — участниками Версальской системы — применительно к региону Ближнего Востока.

Стратегически СССР вел политику, которая в конечном итоге не могла соответствовать интересам Франции, Германии, Польши и других европейских стран. А вот в тактическом плане отношения между СССР и странами Западной Европы, имевшими свои интересы на Ближнем Востоке, были значительно сложнее как в политической сфере, так и в экономической. Несмотря на британский пресинг советское государство находило точки взаимовыгодного сотрудничества со странами Западной Европы в ближневосточном регионе.

Свои интересы на Ближнем Востоке имела и Франция. Например, в Турции в период военных действий в этой стране, французы, ведя в тайне от союзников сепаратные переговоры с кемалистами, активно, но безуспешно пытались уговорить турецких республиканцев прекратить отношения с советскими республиками ¹. В годы войны Антанты с этой страной французское правительство руками своей разведки попыталось физически уничтожить советское полпредство в Анкаре, устроив его поджог ². По воспоминаниям С.И. Аралова, здание сгорело, но в день поджога большинство работников полпредства в нем отсутствовало, и никто не погиб. А благодаря четким действиям советской охраны представительства уцелела и секретная документация. При этом французская разведка не посчиталась даже с тем, что особенности архитектуры тогдашней Анкары были таковы, что вслед за полпредством могла сгореть половина города.

Однако на Ближнем Востоке интересы Французской Республики нередко совпадали с интересами СССР. Так, Франция как и СССР, не желала расчленения Турции и даже хотела видеть ее не слишком ослабленной, дабы она могла ограничивать для Франции действия ее западных конкурентов. Это отчетливо проявилось на Лозаннской конференции.

Дело в том, что, во внешнем государственном долге Турции (Османской империи) в начале 1920-х гг. доля Англии вместе с Бельгией

и Голландией составляла не более 15% от общей суммы, а доля Франции — более 60% или 2,5 млрд франков золотом. Кроме того, французы вложили в промышленные предприятия этой страны более 900 млн франков. Поэтому применительно к новой Турции Французской Республике гораздо важнее было наличие платежеспособного государства, а Великобритания нуждалась в территории Малой Азии (как средстве реализации своих экономических интересов), а также «свободе проливов», означавшей гегемонию Англии, как государства, обладавшего наибольшей военно-морской силой в Средиземном море (база на Мальте и многое другое). А Средиземное море — это путь в подмандатные территории Французской Республики — Ливан и Сирию. Следует отметить, что во время Лозаннской конференции французская печать всех направлений развернула широкую кампанию против британского решения вопроса о черноморских проливах (конвенция-приложение к мирному договору с Турцией), чем оказывала серьезное давление на французскую делегацию в Лозанне, что, в свою очередь, способствовало подписанию мирного договора Антанты с Турцией в компромиссном, а не английском варианте проекта. В это же время Франция вела (в том числе во время Лозаннской конференции, где выступала как бы единым фронтом с Великобританией, США и другими странами Антанты) активные политические и экономические консультации с Советским Союзом (неофициальные переговоры с Л.Б. Красиным на Французской Ривьере). Красин был полномочным представителем СССР в ранге министра (народный комиссар внешней торговли СССР), выезжал на Французскую Ривьеру для отдыха и лечения. На эти секретные переговоры он был уполномочен советским правительством. В Лозанне соответствующую работу в отношении Франции вне стола переговоров осуществлял также наркоминдел Г.В. Чичерин и члены советской делегации.

Франция после первой мировой войны находилась в сильной зависимости от Великобритании и нередко действовала, исходя не только из собственных интересов, но и под нажимом Лондона. Но ее угнетало положение пристяжной лошади то в британской, то в американо-британской упряжке. И время от времени Четвертая Республика сама дистанцировалась или стремилась это сделать в тех вопросах, в которых действия ее бывших союзников, особенно Англии, резко противоречили ее насущным интересам. Например, в отношениях с Турцией, в проблеме Мосульской нефти, в своей политике в арабских странах. На Ближнем Востоке в то время Франция опасалась Великобритании едва ли меньше, чем советской политики и Коминтерна вместе взятых. А поскольку интересы Франции и СССР иногда совпадали, как показала Лозанна, то возможно, что после 1923 г. при некоторых французских правительствах Советский Союз и Франция в совершенно секретном порядке за спиной Великобритании согласовывали свои действия по каким-либо отдельным проблемам Ближнего Востока. Например, при правительстве социалиста Эдуарда Эррио, с которым СССР имел тесные контакты по вопросам экономического сотрудничества, еще в бытность его мэром города Лиона — крупного финансового центра Франции. Так, в 1922 г. будущий премьер посетил СССР и не только Москву, но и, например, Нижний Новгород, где возродили ярмарку. В 1924 г. при премьер-мини-

стре Эдуарде Эррио и с его участием Французская Республика признала СССР.

Таким образом, советско-французские отношения на Ближнем Востоке могли быть последовательно враждебными в тех случаях, когда политика СССР противоречила интересам Франции, нейтральными или даже в известной мере дружественными, если действия СССР в конкретном случае и в данное время соответствовали интересам Франции.

Политика Германии на Востоке, как и вся ее внешняя политика в 1920-е гг., диктовалась прежде всего необходимостью восстановления экономики страны. Веймарская республика как и ряд других государств воспользовалась общим ослаблением Британской империи на Ближнем Востоке и возобновила экономическое проникновение в этот регион. Судя по некоторым данным, интерес Германии к Ближнему Востоку носил не чисто экономический, а еще и политический характер. В исследуемый период в Европе работала резидентура иностранного отдела ОГПУ (советской разведки, центром которой был Берлин). Помимо сбора информации по Германии и Западной Европе, она имела возможность регулярно получать сведения о положении дел на Ближнем Востоке, благодаря тому, что немецкая дипломатия и спецслужбы, в которых ИНО ОГПУ имел свои источники информации, активно работали в данном регионе. Помимо этого данные о положении в странах арабского Востока поступали от агентов, работавших в спецслужбах и дипломатическом ведомстве Франции. В середине 1920-х гг. иностранный отдел ОГПУ регулярно направлял в секретариат НКВД Чичерину емкие и весьма подробные аналитические доклады и письма берлинской резидентуры о политических событиях на Аравийском полуострове, в Палестине и других частях Ближнего Востока³. В них значительное внимание уделялось развитию панисламистского движения в этом регионе.

По некоторым данным, интересы советских республик и Германии на Ближнем Востоке в определенном смысле пересеклись еще при установлении дружественных отношений между ними в 1922 году. В 1990 г. в биографической монографии «Христиан Раковський. Політичний портрет» историки В.Н. Волковинский и С.В. Кульчицкий писали, что в 1922 г. Москва направила Х.Г. Раковского в преддверии Генуэзской конференции в Европу с секретной миссией, целью которой был зондаж реальной общей политической ситуации в этом регионе. По сведениям авторов, 2 февраля 1922 г. Раковский отправил в Москву секретный меморандум, в котором изложил свое видение расстановки политических сил в Европе. Он предложил установить экономический союз с Германией, подкрепив его политическим соглашением между Германией и Советской Россией — с одной стороны и Турцией — с другой⁴.

Германия, так же как и советские республики, не была заинтересована в разделе Турции на сферы влияния, так как ничего не получала по Севрскому договору, имея, между тем, многолетние экономические интересы в этой стране. Кроме того, нахождение в Версальской системе в принципе располагало к тому, чтобы не отказываться от политического сотрудничества даже с таким не очень сильным государством, как Турция. Следовательно, предложение не было лишено оснований.

В соответствии с этим предложением советские республики получали возможность начать очень важное для них в то время тесное экономическое сотрудничество и вести нормальные политические отношения с Германией, воспользовавшись своими хорошими отношениями с кемалистской Турцией. Торговля через СССР позволяла избежать монополии Британской империи на провоз товаров через морские порты, которые она контролировала даже в южном Иране. Причем избежать не только независимым государствам (Турции, Ирану, Афганистану, государствам Аравийского полуострова), но и подмандатным территориям. Это направление торговли позволяло им бороться с экономическим диктатом Англии, в частности, с монополизацией коммерческих условий экономических отношений (цены, ассортимент товаров, валютные курсы и т.д.).

Возвращаясь к миссии Раковского, добавим, что информация о ней указывает на то, что стратегически важный акт — заключение договора в Рапалло — был не спонтанным действием, как это считалось в советской историографии, а неплохо продуманной «домашней заготовкой» советского правительства, при реализации которой был использован и такой козырь, как заинтересованность Германии в хороших отношениях с Турцией.

В регионе Ближнего Востока Германия нуждалась в некоторой политической помощи со стороны СССР. В 1928 г. советское правительство помогло Германии установить дипломатические отношения с Йеменом. Этот факт позволяет предположить, что помощь такого же рода СССР оказывал Германии в исследуемый период относительно других стран региона.

Советский Союз предоставил Ирану, Афганистану и Турции право транзита товаров в страны Западной Европы и наоборот. Прежде всего, заслуживает внимания транзит из Ирана в Германию, и из Германии — в Иран. Для обслуживания подобных операций в исследуемый период СССР создал акционерное общество «Рустрозит»⁵. Советский востоковед-иранист С.Л. Агаев в своей монографии «Германский империализм в Иране (Веймарская республика, третий рейх)» утверждает, что АО «Рустрозит» было создано германскими деловыми кругами. По его словам, акции общества были распределены между «Дейче кредит унд Хандельс-гезельшафт» (79%), «Дейче ориент банк» (17%) и «Бернштейн унд К» (4%). Однако Агаев не совсем прав: решающее слово в этом вопросе, безусловно, принадлежало СССР. Поэтому либо между советским и германским правительствами существовала специальная договоренность об условиях работы этого общества, либо СССР имел такую договоренность с основанными общество деловыми кругами, и каждая из трех компаний имела свои обязательства перед Советским Союзом относительно этого общества (так же как и СССР перед ними). Основывать же «Рустрозит», не заручившись заранее согласием советского правительства, вряд ли имело смысл. Кроме того, советский востоковед Л. Цукерман в 1928 г. в статье «Персия и ее торговля с СССР» рассматривал «Рустрозит» как советскую или советско-иранскую организацию, что вытекает из контекста статьи.

Таким образом, АО «Рустрозит» фактически являлось смешанным германо-советским обществом с учетом интересов Ирана, и не

могло быть чисто германским. При этом в учредительных документах компании СССР и Иран возможно открыто не фиксировали участие в ней немецкого бизнеса.

17 апреля 1928 г. Совет труда и обороны и Совет народных комиссаров СССР на объединенном заседании приняли, в частности, решение «... продлить Акционерному обществу «Рустрэнзит» срок на право осуществления транзитных операций из Германии в Персию и обратно»⁶. Автор не имеет точных данных о структуре «Рустрэнзита», но и приведенная выше цитата, и логика этого дела позволяют предполагать, что у «Рустрэнзита» были свои отделения в Германии и СССР. Цукерман в одной из своих статей, посвященной торговле Ирана с Советским Союзом в 1920-е гг., писал, что создание АО «Рустрэнзит» было вызвано необходимостью организовать экспорт иранских товаров в Западную Европу через территорию СССР⁷. Необходимо обратить внимание на то, что Цукерман говорил об экспорте через СССР не конкретно в Германию, а в Западную Европу. И это не случайно, так как в Европе интерес к этому транзитному пути имела не только Германия, да и сам Иран, конечно, был заинтересован в том, чтобы не ограничиваться торговлей с Германией. Безусловно, имелись в виду и другие страны.

Среди них с уверенностью можно отметить Польшу. В исследуемый период Польская республика не имела собственных политических интересов на Ближнем Востоке. Однако она была вполне серьезно заинтересована в экономических связях с Ираном. В середине 1920-х гг. прошла серия польско-иранских переговоров. В результате уже в 1925 г. стороны парафировали договор о дружбе⁸. В мае 1926 г. они подготовили, а 19 марта 1927 г. подписали конвенцию о взаимной торговле⁹. Польский автор Зоннершталь-Пискорский в своей статье, опубликованной в 1926 г. в журнале «Новый Восток», отмечал, что польские торгово-промышленные круги возлагают большие надежды на договор с Персией, надеясь найти в нем основу для развития торговли на Ближнем Востоке¹⁰. Учитывая известное внешнеполитическое положение Польши в 1920-е гг., следует отметить, что только серьезная экономическая необходимость могла заставить Польшу поступить вразрез с интересами Великобритании в одном из самых важных для последней регионов, несмотря на неизбежность конфликта по этому поводу. Следовательно, польская промышленность нуждалась в крупном товарообороте с Ираном и другими странами Ближнего Востока. Прежде всего, это касалось текстильной промышленности. До революции она обеспечивалась сырьем в основном за счет Средней Азии, как и вся остальная текстильная промышленность Российской империи. После революции, из-за гражданской войны, разрыва с Россией и басмачества в Средней Азии это стало невозможным. Кроме того, нужны были рынки сбыта. Например, по поводу того же Ирана Зоннершталь-Пискорский писал, что заинтересованные круги в Польше вспоминают, что во времена Российской империи заметная доля лодзинской мануфактуры, проходя через внутренний рынок империи, попадала в Персию¹¹. Таким образом, Польша нуждалась и в импорте промышленного сырья, и в экспорте своих товаров.

Заключая означенные соглашения с Ираном, Польша, точно так же как и Германия, не могла рассчитывать только на морской торго-

вый путь на Восток (К тому же единственный чисто польский порт Гдыня имел весьма слабую пропускную способность). Учитывая то, что почти все крупные торговые порты на побережье мусульманских стран (за исключением турецких и порта Энзели на персидском побережье Каспийского моря) так или иначе находились под контролем англичан, диктовавших свои условия торговли, роль транзитных путей через СССР в восточной торговле для европейских стран представлялась немаловажной. К тому же нередко право транзита товаров предоставлялось на более или менее льготных условиях. Расширение торговли стран Востока со странами Европы в обход Великобритании объективно способствовало появлению на восточном рынке товаров, которые могли конкурировать с английскими, а также увеличивало для восточных государств возможности продажи промышленного сырья, открывая для них новые рынки сбыта помимо британского. Был и третий фактор — увеличение возможности ввозить из Западной Европы те товары, которые Великобритания экспортировать в эти государства не стремилась или не могла. Со своей стороны СССР на предоставлении этой транспортной услуги в исследуемый период мог заработать валюту, необходимую для развития экономики страны. Имеющиеся у автора данные весьма ограничены, так как этот вопрос слабо освещался в отечественной научной литературе. Не удалось найти что-либо конкретное и в литературе зарубежной. Документы на эту тему долгое время были засекречены и в научный оборот не вводились. Кроме того, часть таких документов, особенно по Германии, могла быть уничтожена в советское время.

Тем не менее, имеющаяся информация позволяет примерно понять, какие доходы СССР имел с этих транзитных операций, по крайней мере, относительно Германии. Плата за провоз товаров от Тегерана до Гамбурга составляла 500 немецких марок за 1 т: 300 марок — от Тегерана до порта Пехлеви (переименованный в честь шаха Энзели) на иранском побережье Каспийского моря; 200 марок — от Пехлеви до Гамбурга, то есть по территории СССР и по Балтике¹². Если взять только плату за советский участок пути, которая практически составляла вышеозначенные 200 марок, и умножить для примера на 1000 т, то получится 200 тыс. марок транзитной платы. А если учесть, что из Ирана в Германию через СССР скорее всего было вывезено не менее нескольких тысяч т (иначе не стоило бы открывать этот путь и пользоваться им), то вышеуказанные цифры показывают, что в 1920-е гг. СССР только с транзита грузов из Ирана в Германию на участке Каспийское море — Гамбург с 3-5 тыс. т получал соответственно от 600 тыс. до одного млн марок. При этом следует учесть, что и на территории Персии, от Тегерана до Пехлеви, какая-то часть суммы попадала советской стороне: АО «Рустранзит» занималось обеспечением транзитных операций и непосредственно в Персии; часть платной транспортировки товаров по дорогам от Тегерана до Пехлеви (Энзели) вполне могло взять на себя советско-иранское смешанное общество «Автоиран». Заметим, что эти расчеты касаются только экспорта из Ирана в Германию и не затрагивают шедшего по этому пути экспорта из Германии в Иран. Кроме того, здесь не учитывается торговля Польши с Ираном.

В связи с вышеизложенным, возвращаясь от Польши к Германии, следует сделать вывод, что отношения СССР и Германии на Ближнем Востоке, текли, в известной мере, в общем русле советско-германского довоенного сотрудничества периода 1920-х годов. Особо важно то, что, во-первых, Советский Союз оказывал Германии поддержку не просто так, а стараясь получить все, что можно, для восстановления и развития своей экономики. А в политическом плане необходимо заметить, что это была Веймарская Германия, возглавлявшаяся хоть и правыми, но социал-демократами. Фашизм же в исследуемый период только формировался, но не определял внутреннюю и внешнюю политику страны.

В Советском Союзе в то время имелись маршруты, пригодные для транзита и из Ирана в Западную Европу, и из Западной Европы в Иран. От Ирана путь шел на судах по Каспийскому морю до Астрахани, затем вверх по Волге через Мариинскую систему в Балтийское море и дальше в порты Германии, Скандинавии и польский порт Гдыню. Второй путь — по Волге до речных портов на средней и верхней Волге, а затем по развитой сети железных дорог, через Украину и Белоруссию в Прибалтику, Польшу, Германию и далее в Западную Европу. По этим же путям могли идти товары и в обратном направлении — в Иран. Следует заметить, что усилиями наркома путей сообщения Ф.Э. Держинского и его подчиненных уже в 1923—1924 гг. железнодорожное хозяйство СССР было приведено в полный порядок. Различные варианты маршрутов для международного транзита и улучшение железнодорожного хозяйства обеспечили хорошую пропускную способность вышеозначенного транзитного пути.

Существовали и другие пути сообщения европейских стран с Ближним Востоком через СССР. Это, прежде всего, организованное авиакомпанией «Украинский воздушный путь» воздушное сообщение по маршруту Тегеран — СССР — Западная Европа¹³. Заметим, что в то время этот дальний воздушный путь мог быть оборудован только самолетами немецкого производства. Право транзита товаров через СССР как в Западную Европу, так и в обратную сторону было предусмотрено также для Афганистана и Турции. У автора практически нет данных о том, использовали ли такую возможность эти страны (кроме известного транзита через Батум). Однако есть сведения, что Афганистан при Аманулле-хане нуждался в таком транзите. Совершенно не исключено, что с помощью транзита через СССР с рядом стран Ближнего Востока торговали не только Германия и Польша, но и другие западноевропейские страны.

Несмотря на то, что данные на указанную тему неполны, можно с уверенностью сказать, что здесь на лицо сочетание интересов нэпа и концепции ближневосточной политики СССР, которое, с одной стороны, приносило Советскому Союзу валютный доход, необходимый для развития промышленности, и в целом экономики страны, а с другой, — Советский Союз таким образом эффективно содействовал экономическому развитию стран Ближнего Востока. Международный транзит через СССР в одинаковой степени соответствовал государственным интересам СССР и стратегическим интересам Ирана, Афганистана и отчасти Турции. Что же касается отношений со

странами Западной Европы, то транзит ближневосточные страны — СССР — Западная Европа и обратно сыграл свою роль в восстановлении экономик стран послевоенной Европы, несмотря на различный уровень отношений СССР с каждой западноевропейской страной, будь то, к примеру, советско-германское сотрудничество, или более холодные политические отношения с панской Польшей. Важно отметить, что сотрудничество не исключало конкурентной борьбы. В целом же отношения СССР с Францией, Германией, Польшей на Ближнем Востоке не носили лишь конфронтационного характера. Более того, в этих отношениях имело место сотрудничество. Споры же возникали в тех случаях, когда интересы СССР не совпадали с интересами этих стран. С точки зрения методологии политики, следует отметить, что еще перед Генуэзской конференцией у советских руководителей появилась идея использовать свои успехи на Ближнем Востоке для развития отношений со странами Западной Европы и, в первую очередь, — с Германией.

Примечания

1. АРАЛОВ С.И. Воспоминания советского дипломата. М. 1960.
2. Там же.
3. Архив внешней политики МИД РФ (АВП МИД РФ), д. 824, папка 61. Следует отметить, что в Архиве внешней политики опись на руки не выдается, во многих делах листы не нумерованы, поэтому в сносках в научных работах приходится указывать не листы а папки, на которые делятся дела. Этой особенностью он отличается от других архивных учреждений, ввиду того, что является действующим ведомственным архивом.
4. ВОЛКОВИНСЬКИЙ В.М., КУЛЬЧИЦЬКИЙ С.В. Християн Раковський. Політичний портрет. К. 1990, с. 208
5. АГАЕВ С.Л. Германский империализм в Иране. М. 1969, с. 19—20
6. Протокол СНК СССР от 17.IV.1928. Совет народных комиссаров СССР. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5446.
7. ЦУКЕРМАН Л. Персия и ее торговля с СССР. Харьков. 1928, р. 4—5, с. 83.
8. ЗОННЕСТРАЛЬ-ПИСКОРСКИЙ А.А. Договор о дружбе и торговая конвенция между Персией и Польшей. В кн.: А.А. ЗОННЕСТРАЛЬ-ПИСКОРСКИЙ. Новый Восток. М. 1928, кн. 20—21, с. 135.
9. Там же.
10. Там же, с. 139.
11. Там же.
12. ШРАБШТЕЙН Е. Будівництво трансперської залізниці. Харьков. 1928 р. 6, с. 128.
13. ВЕЛИЧКО Л.І. Турецько-персько-афганська троїста угода. Харьков. 1928, р. 3—4, с. 21.

Становление албанской государственности

П.А. Искендеров

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых аспектов становления албанской государственности в первой половине 1914 г. на основе документов из российских и иностранных архивов. Кроме того, автор анализирует принципы деятельности международного сообщества с точки зрения эффективного предотвращения и разрешения межнациональных конфликтов в регионе Балкан.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Сербия, Албания, великие державы, международные отношения, межэтнические конфликты, конфликтология, государственность.

Abstract. The article is devoted to the history of the creation of Albanian state in 1913—1914. Research is based on unpublished documents from Russian as well as foreign archives. Author pays particular attention to the historical roots and genesis of inter-ethnic conflicts in the Balkans — in the first place that of Kosovo. The role of Great Powers is also analyzed in the article.

Key words: Russia, Balkans, Serbia, Albania, Great Powers, international relations, ethnic conflicts, state hood.

Развитие ситуации в кризисных районах европейского, евразийского и постсоветского пространства настоятельно требуют перехода от описательной к прогностической модели реагирования на современные вызовы и угрозы. В этих целях представляется необходимым более активно привлекать новейшие методы анализа исторического процесса и актуальных социально-экономических и политических проблем, включая сравнительный анализ, системный подход, принципы ситуационной логики и исторического моделирования. Подобные методы позволят создать целостную картину динамики зарождения, вызревания, эволюции и эскалации межнациональных конфликтов на Балканах, а также попытаться выработать комплексные модели их раннего предотвращения и эффективного долго-

---

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: turantz@land.ru.

Iskenderov Petr A. — MA, senior researcher of Institute for Slavic Studies Russian Academy of Sciences. E-mail: turantz@land.ru.

срочного урегулирования. Особое внимание следует уделять как внутренней динамике развития межнационального конфликта, так и роли в соответствующем процессе внешнего фактора. Подобный анализ позволяет создавать корреляционные модели развития ситуации в различных кризисных очагах с тем, чтобы на данной основе приступить к созданию многовариантных динамических моделей, предусматривающих возможность снижения конфликтного потенциала и выхода на параметры политического урегулирования кризисов. Как показывает международная практика последних двух десятилетий, арсенал находящихся в распоряжении международного сообщества теоретических и практических антикризисных механизмов является недостаточным и не позволяет адекватно отвечать на имеющиеся в обширном балканско-черноморско-кавказском регионе угрозы.

С этой точки зрения одним из элементов подобного анализа может послужить историческая реконструкция событий, непосредственно связанных с формированием накануне первой мировой войны албанской государственности. После довольно длительного обсуждения различных кандидатур, 3 декабря 1913 г. великие державы (а фактически Австро-Венгрия и Италия) согласовали имя устраивавшего их албанского князя. Им стал Вильгельм Вид (1876—1945) — капитан прусской армии, племянник румынской королевы Елизаветы, двоюродный брат короля Швеции, сын принцессы Марии Нидерландской и родственник германского императора Вильгельма II. Сообщая о принятом решении 24 декабря 1913 г. на заседании комиссии по иностранным делам Франции, премьер-министр этой страны Думерг заявил: «Все великие державы согласились вручить албанскую корону принцу Виду, находящемуся в родственных отношениях с румынской королевской семьей.

Франция тем охотнее солидаризировалась с этим назначением, что она находит в нем возможность отметить позитивную роль, которую играет румынский народ в качестве фактора равновесия между балканскими народами, и его умиротворяющую роль в последнем конфликте...»¹. Появление на Балканах «очередного монарха из немецкой княжеской фамилии вполне отвечало интересам Вены. Но и Рим надеялся, что новоиспеченный албанский князь, связанный тесными родственными узами с правящей династией старшего партнера по Тройственному союзу, и протестант по вероисповеданию, будет придерживаться нейтралитета в конфликте австрийских и итальянских интересов в Албании»². Впрочем, эти надежды не вполне оправдались.

После определенных колебаний Вид согласился принять предложение, и перед великими державами в лице их представителей в Международной контрольной комиссии (МКК) встала задача лишить власти существовавшее в Албании правительство.

Проблема отставки правительства Исмаила Кемали была решена довольно просто. К этому времени делегаты Международной контрольной комиссии потеряли к нему доверие, ибо «некоторые из таких его акций, как поддержка проекта албано-болгаро-турецкого союза или планов воссоединения Косова и Чамерии с Албанией, подорвали его авторитет в МКК. Члены комиссии не без основания заподозрили Ис-

маила Кемали в благожелательном отношении к кандидатуре мусульманского претендента на албанский престол и даже в попытке заговора против МКК с целью отстранить ее от албанских дел»³.

Вильгельм Вид прибыл в Дуррес 7 марта 1914 г. на австрийском судне в сопровождении итальянского, французского и английского эскорта, а уже 9 марта он принял членов Международной контрольной комиссии, и в ходе аудиенции, продолжавшейся более часа, получил от них информацию о состоянии дел в Албании. Как сообщал российский комиссар Петряев, «Его Высочество интересовался положением Албании, и мы сочли долгом, на основании имеющегося у нас опыта, подробно изложить ему все трудности устройства этой страны»⁴.

По свидетельству российского дипломата, «один из членов Комиссии, заведовавший финансовыми делами, подробно доложил князю о печальном состоянии государственной казны, едва позволяющей удовлетворить самые неотложные нужды по управлению страной. Особенное внимание Его Высочества было обращено на необходимость достать средства для уплаты организованной голландскими офицерами жандармерии (более 200 000 франков в месяц). При этом было отмечено, что одно содержание по плану инструкторов, 5000 чел. жандармов, потребует ежегодно 6 000 000 франков, то есть более половины теперешнего албанского бюджета. Эти данные очень поразили князя, и он заметил, что заключение международного займа является настоятельной необходимостью.

По вопросу об эвакуации Его Высочество сказал нам, что он сам назначит в южные провинции чиновников и распорядится послать туда отряды жандармерии. Он справился у нас также, в какой стадии находится разработка статута Албании. Мы ему объяснили, что первые две части уже готовы, и что, по возвращению в Валону, мы закончим третью и последнюю часть, и попутно объяснили ему, что предполагаем число министерств лишь 4-мя и придать народному представительству в вопросах законодательства скорее совещательный характер, как наиболее соответствующий теперешнему положению страны. Князь просил нас доставить ему копию готовых статей статута. Во время нашей беседы мы нашли нужным поставить его в известность о последних событиях, имевших место в Албании до его приезда, в связи с отставкой Эсада Паши, о хищениях и злоупотреблениях во всех отраслях администрации...

Несколько мрачная картина современного положения в Албании, беспристрастно нарисованная нами, произвела на Князя, по-видимому, сильное впечатление, и Его Высочество выслушал нас с большим вниманием»⁵.

В ходе аудиенции зашла речь и об Эссаде — в частности, «о непроизводительных тратах на содержание около 2000 человек албанцев, набранных Эссадом Пашой для его личных целей в Средней Албании, которые представляют во всех отношениях опасный элемент»⁶.

Вернувшись на следующий день, 10 марта, вместе с остальными членами Контрольной комиссии во Влеру, Петряев смог еще раз лично убедиться в безрадостном характере ситуации, сложившейся в Албании. «До сего дня правительство еще не образовано — сообщил он в Санкт-Петербург — и в Албании продолжают действовать власти, установленные Контрольной комиссией. По-видимому, князь наме-

рен призвать Фериду Пашу или Турхана Пашу. Вся страна с нетерпением ждет этот первый шаг князя, и разумеется разными албанскими партиями пускаются в ход всевозможные интриги, чтобы провести тех или иных влиятельных беев. Если князь, мало знакомый с истинным положением страны, позволит увлечь себя по этому пути, то созданное им правительство не будет пользоваться никаким авторитетом в глазах населения. Между прочим, есть основание думать, что два бея, один — сын Суреи, известного партизана Австрии, а другой — брат члена Контрольной комиссии, успели уже занять около князя место каких-то советчиков и стараются провести желательных их партии лиц. Это уже вызвало неудовольствие других беев.

Составление кабинета в Албании, где всякий бей притязает на пост министра, является труднейшей задачей и, может быть, на первое время лучшим разрешением вопроса было бы продолжить существующее теперь управление. Албания не готова к самостоятельной государственной жизни в европейском смысле этого слова, и всякие попытки в этом направлении только увеличат смуту»⁷.

Но и Эссад-паша не терял времени даром. Как сообщил 10 марта 1914 г. Петряев, «по полученным мною сведениям, в Мате, за несколько дней до прибытия князя, состоялось собрание байрактаров, решившее не признавать поставленного Европой правителя и подать петицию о переходе под власть сербского короля, во владениях которого уже находится несколько сот тысяч албанцев.

При встрече князя обращало на себя внимание также поведение Эссада Паши, который все время старался занять первое место и находится неотступно при князе, подчеркивая таким образом роль, сыгранную им во время последних событий»⁸.

В депеше от 12 марта 1914 г. Петряев конкретизировал свое негативное отношение к личности албанского князя и его способности решить стоявшие перед страной жизненно важные задачи. Самоуверенность князя Вида действительно резко контрастировала с его способностями к организации государственной жизни в Албании: «В своей ответной приветственной речи, обращенной к Контрольной комиссии, князь Вид подчеркнул, что особые чрезвычайные права, предоставленные ей в течение последнего времени, имели исключительно временный характер и что, в дальнейшем, он намерен пользоваться услугами Комиссии только в рамках ее компетенции. Этим, хотя не совсем ясно, уже определяется будущее отношение правителя Албании к европейскому контролю. По сведениям, полученным мною из албанских кругов, члены албанской национальной партии еще во время пребывания князя в Потсдаме успели внушить ему, что всякое сотрудничество с европейской Контрольной комиссией, осуществляющей в некотором роде опеку над Албанией, будет для него непопулярно и отдалит от него всех албанских патриотов, считающих оскорбительным такой надзор. Этим, а также вполне понятным желанием князя обеспечить за собою свободу действий, объясняется то обстоятельство, что он решил, пока, в делах управления совершенно игнорировать Контрольную комиссию.

Во время продолжительной беседы с нами, князь не спросил у нас ни совета, ни содействия в предстоящей ему трудной работе составления правительства и организации управления, что было бы ес-

тественно после той роли, какую Комиссии пришлось сыграть в жизни Албании за последние месяцы. Князь не пожелал даже предоставить нам закончить уже предпринятые работы по устройству администрации в эвакуируемых греками областях.

Вследствие этого греческий уполномоченный Варатасси, прибывший для переговоров с Комиссией, выехал сегодня обратно на Корфу, так как вопрос об южно-албанской границе фактически изъят князем из нашего ведения. Таким образом, роль Комиссии сводится теперь к простому наблюдению. Рано или поздно сами события, вероятно, выдвинут вопрос о компетенции и пределах европейского контроля, и тогда надо думать, что Комиссия займет вполне определенное место, пока же я и большинство моих коллег решили более соответствующим обстоятельствам выждать дальнейшего хода дел в Албании и осуществлять постольку, поскольку это окажется на практике возможным, — осуществлять свои контрольные функции, не осложняя наших еще не наладившихся отношений к князю.

Мне кажется, что сам князь скоро убедится в чрезвычайных трудностях организовать такую страну, как Албания при помощи только местных факторов. Возможно, что он будет вынужден обстоятельствами обратиться за помощью к Контрольной комиссии, которой одной до сих пор удалось устранить местные правительства и до некоторой степени объединить Албанию»⁹.

Органический статут для Албании действительно рождался в муках, причем в процессе работы над документом трудностей возникало все больше. Первые донесения российского представителя в Контрольной комиссии Петряева были пронизаны сдержанным оптимизмом. 8 января 1914 г. Петряев в донесении на имя Сазонова (документ хранит собственноручную помету ознакомившегося с ним Николая II) изложил ход работы над Органическим статутом Албании следующим образом:

«Как я уже имел честь донести Вашему Высокопревосходительству, мы приступили к разработке Органического статута Албании, в который будет включен и регламент, касающийся будущего положения, прав и обязанностей Контрольной комиссии.

Вся работа была поделена между делегатами таким образом, чтобы каждой группе из двух членов была поручена одна какая-нибудь часть Статута. В настоящее время закончены главы первая, вторая и третья, содержащие общие положения относительно территории, князя и населения...

При выработке Албанской хартии мы пользуемся, между прочим, материалами, собранными при составлении Критского и Румелийского регламентов, вводя в них изменения, требуемые обстоятельствами времени и места.

При обсуждении первых глав проекта, особых разногласий не возникало и вносились лишь редакционные поправки. Впрочем, наш албанский коллега просил занести в протокол заседания его пожелания относительно необходимости уничтожить капитуляционный режим, и несколько замечаний относительно школьного преподавания.

Несколько больше внимание Комиссии задержалось на вопросе о нейтралитете Албании.

Лондонские постановления об этом говорят глухо, специально коснувшись лишь нейтрализации порта, к которому выйдет будущая Адриатическая железная дорога. Удержав постановление о порте, Комиссия, по отношению к нейтралитету, остановилась на общей формуле, дающей Албании право принимать меры к ее защите. Практически это не имеет особого значения, так как, например, сооружение крепостей неосуществимо, ибо на постройку и оборудование одной из них не хватит всего годового албанского бюджета. Хотя, в конце концов, мы и нашли общую примирительную формулу, но, во время обмена мнений по этому вопросу, тем не менее обнаружилось, что австрийский и итальянский делегаты и их албанский сотоварищ склонны толковать нейтралитет Албании в смысле предоставления ей широкого права иметь войско и крепости. Более определенно в этом отношении придется высказаться при обсуждении вопроса об организации милиции и жандармерии»¹⁰.

Однако с течением недель даже авторы Органического статута стали более скептически относиться к перспективам государственного обустройства Албании. «Во время обсуждения частей статута, касающихся введения конституционной формы правления в Албании, — сообщал 16 апреля 1914 г. Петряев, — все члены Контрольной комиссии, включая даже и албанского представителя, были согласны в том, что вновь создаваемое государство совершенно к ней не подготовлено. Этим объясняется намеченное нами весьма ограниченное число членов Народного Собрания (всего около 37 человек) и его смешанный состав из лиц, по выборам, по назначению и по праву, причем последним в общем предоставлено 16 мест. Компетенция этого Собрания также нами сужена. Тем не менее, теперешнее албанское правительство находит даже и такое государственное устройство чрезвычайно либеральным и не соответствующим интеллектуальным силам страны. В таком смысле, по крайней мере, высказывались в беседе со мною князь и Турхан Паша.

Когда был поднят вопрос, следует ли обусловить законность концессий, выдаваемых правительством, согласием на них Народного Собрания, то против этого возражали и остались при особом мнении австрийский и итальянский делегаты, не желавшие очевидно, чтобы дела такого рода предавались гласности. При голосовании они остались в меньшинстве. Что касается административного деления, то мы нашли нужным сохранить турецкое подразделение на санджаки, казы и нахиэ и расширили только участие в местных делах провинциальных советов, к которым будут привлечены выборные от населения. Албанию предположено разделить на 7 санджаков.

Кроме жандармерии, предусмотрено образование милиции, причем, по моему предложению, несмотря на протесты австрийского делегата, внесена оговорка, что, согласно Лондонским постановлениям, в качестве инструкторов милиции, офицеры великих держав и балканских государств приглашаемы быть не могут.

Наибольшие трудности встретились, когда пришлось составлять ту часть статута, которая касается положения вероисповедных общин и организации школьного дела в Албании. При этом мой итальянский коллега старался провести такие начала, которые ослабили бы связь католиков с австрийцами. Он особенно настойчиво доказывал

необходимость того, чтобы содержание духовенства разных исповеданий было отнесено на счет государства. Этим, по мнению г. Леони, высказанному им мне доверительно, будет подготовлено постепенное освобождение католического духовенства от австрийской денежной зависимости.

В вопросе о школах австрийский, и в особенности, итальянский делегат, при поддержке их албанского сотоварища, упорно высказывались за такие законоположения, которые бы обеспечили преобладающее значение албанских национальных школ с преподаванием на албанском языке. Это постановление уже теперь находится в противоречии с теми льготами, которые, вероятно, албанское правительство вынуждено будет предоставить эфиротам. Мне кажется, что в этом отношении в статут должны быть внесены соответствующие поправки.

В статьях, относящихся к положению православной и католической церковью, предусматривается возможность дарования им автономии, но только после особых соглашений албанского правительства со Вселенским Патриархом и Папой. Албанский делегат пытался добиться немедленного и безусловного признания автокефальности названных церковью, но не встретил ни в ком из своих коллег никакого сочувствия.

Обращает на себя внимание признание, по предложению албанского представителя, самостоятельного существования бекташийской секты, насчитывающей в Албании, особенно южной, около 300 000 последователей. Бекташи являются рационалистами среди мусульман. Они отрицают всякие обрядности, стоят за равноправие и, отличаясь большой терпимостью, поддерживают хорошие отношения с христианами. Им принадлежат многочисленные «текэ» (монастыри), разбросанные в разных частях Албании, где бекташи собираются для бесед под руководством своих шейхов. При турецком владычестве открытое исповедание бекташизма было запрещено, и последователи его подвергались всевозможным гонениям.

Особенное внимание нами было уделено организации юстиции. Намечено образование судов сельских, единоличных мировых и коллегияльных первой инстанции, а также предусмотрено создание трех апелляционных судов. Что касается кассационного, то устройство его, при настоящем положении вещей в Албании, признано неосуществимым. Вообще, главным препятствием к проведению в стране юридической реформы здесь явится конечно недостаточность личного состава. В настоящее время, в Албании имеется всего лишь три-четыре десятка лиц с каким-нибудь юридическим образованием, а между тем для замещения всех предположенных судейских мест потребуется около 300 человек.

Таковы в общем основные черты выработанного нами статута.

В заключение считаю долгом отметить, что с точки зрения строгого юридического мышления, составленный Контрольной комиссией статут для Албании несомненно имеет большие недостатки и в нем нашли место такие нормы и положения, которые не относятся к области государственного права. Но не нужно упускать из вида, что сама страна, для которой он писался, представляет особенности, не вкладывающиеся в обычные европейские понятия»¹¹.

Окончательный текст «Органического статута» провозглашал Албанию конституционным, суверенным и наследственным княжеством под гарантией шести великих держав — Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, Франции и России. Главой гражданской и военной администрации объявлялся князь, в полномочия которого входило, в частности, назначение совета министров. Законодательным органом являлось национальное собрание, часть депутатов которого избирались, а другая — назначались князем.

Несмотря на ряд прогрессивных положений, позволяющих считать «Органический статут» «первым конституционным актом независимого албанского государства», некоторые его статьи «серьезно ущемляли суверенитет Албании»¹². Они предусматривали продолжение деятельности Международной контрольной комиссии с широкими полномочиями, а также действие всех международных соглашений, заключенных Османской империей, и сохранение режима капитуляций¹³.

Противоречивый характер носило и образованное под эгидой Международной контрольной комиссии новое правительство Албании. Фигура его номинального главы Турхан-паши в силу его предыдущей дипломатической службы в Санкт-Петербурге не вызывала у российской дипломатии серьезной оппозиции — чего нельзя было сказать о патриотически настроенных албанцах, не видевших в человеке, отсутствовавшем в стране 50 лет, выразителя албанских национальных интересов¹⁴. Вошел в состав нового правительство Албании и еще один крупный «патриот» — Пренк Биб Дода, ранее успевший заявить российскому вице-консулу в Шкодере коллежскому советнику Г.Ю. Ферхмину, что «до общеалбанских интересов ему нет никакого дела»¹⁵.

Российский комиссар в Албании Петряев также довольно скептически оценивал как структуру и состав новообразованного правительства, так и перспективы деятельности в нем самого Эссада. «Первое, что бросается в глаза, — писал он в Санкт-Петербург 20 марта 1914 г., — при чтении этого списка, это число созданных министерств, не соответствующее ни размерам, ни финансовым ресурсам, ни просто потребностям Албании в данную минуту. В заканчиваемом нами проекте Статута различные отрасли управления мы сосредоточили лишь в четырех министерствах.

Князю при составлении его первого правительства, пришлось, очевидно, руководствоваться не столько действительными нуждами страны, сколько желанием удовлетворить честолюбие разных влиятельных беев, а также принять во внимание областную и религиозную рознь.

Личность Турхана Паши достаточно известна Вашему Высокопревосходительству, и мне нет надобности задерживать на ней Ваше внимание. О том, что кандидатура его на пост председателя совета министров намечалась раньше, я уже имел честь сообщать Императорскому министерству. Назначение Турхана принято здесь скорее с чувством общего удовлетворения, так как, по своей предыдущей политической карьере, он считается пока вне сферы австро-итальянского влияния, а, вследствие долгого отсутствия из Албании, стоит вдали от местных интриг и не имеет врагов. Только его преклонные лета,

да слишком мягкий характер внушают опасения, что принятое им на себя тяжелое бремя устройства Албании окажется ему не по силам.

Безусловно, самую яркую личностью в кабинете является Эсад Паша. По поводу последних событий я уже имел не раз случай говорить о нем. Положение, занятое им теперь при князе, лишь еще более подчеркивает его энергию, смелость и изворотливость, соединенные с нравственными качествами и замашками средневекового кондотьера. Несомненно, считаясь с опасностью иметь его против себя, князь вынужден был назначить его на самый важный и ответственный пост министра внутренних дел с званием военного министра, данным очевидно для удовлетворения военного честолюбия генерала, который, пользуясь этим, не замедлит, вероятно, подкрепить свое положение созданием какой-либо вооруженной силы для своего личного распоряжения. Все знающие Эсада Пашу понимают, что фактическим правителем Албании, при настоящих условиях, будет он, а не князь. Это обстоятельство производит на благомыслящих и умеренных албанцев крайне тяжелое впечатление, так как административные приемы Эсада Паши и склонность к темным политическим авантюрам здесь хорошо известны»¹⁶. Более того, Петряев в своем обширном донесении уделил крайне мало места остальным членам албанского правительства, ограничившись, по сути, их перечислением и фразой о том, что «об остальных членах нового правительства остается сказать весьма немного, так как рядом с Эсадом Пашою они никакого значения иметь не будут»¹⁷.

Однако свои кое-какие предварительные соображения персонального свойства российский дипломат все-таки представил. По его мнению, «Прэнк Биб Дода, мирдитский князь, назначен министром, чтобы дать удовлетворение Северной Албании и католическому элементу. Православные представлены докторами, уроженцами Корицы, Туртулисом и Адамидесом. Средняя и южная области Албании имеют своих представителей в лице Мюфида Бея, бывшего до сих пор делегатом в Комиссии, и Азиза Паши из Берата»¹⁸.

Ничего хорошего, по убеждению Петряева, не сулил кадровый состав нового правительства и перспективам развития отношений Албании с Сербией. Речь идет, в частности, о назначении на пост министра почт и телеграфов Хасан Бей Приштины, названного им «представителем ирредентов из присоединенных к Сербии албанских областей»¹⁹. «С точки зрения будущих отношений к Сербии, — сообщал Петряев, — едва ли можно назвать удачным назначение на министерский пост лица, известного за одного из организаторов последнего набега албанцев на сербскую территорию и постоянно проповедующего здесь возвращение отторженных от Албании местностей»²⁰. Что же касается общего направления внутренней и внешней политики нового кабинета, то на сей счет российский представитель был крайне сдержан: «Пока трудно сказать что-либо более положительное о будущей внутренней и внешней политике только что образованного албанского правительства, вероятно не имеющего никакой определенной программы. Ввиду того, что за последнее время Эсад Паша недвусмысленно высказывал свои симпатии к Италии, можно лишь предположить, что влияние этой державы на албанские дела теперь значительно усилится»²¹.

Весьма меткая характеристика, данная Эссаду российским дипломатом, как нельзя лучше характеризует всю противоречивость отношений албанского лидера с Белградом. Его политические амбиции создавали почву для взаимовыгодного взаимодействия с сербскими властями и одновременно ставили эти связи в тесную зависимость от его собственных сиюминутных планов.

Оговорка Петряева о том, что фигура Турхан-паши Пермети хорошо известна российскому внешнеполитическому ведомству, была не случайной: новый глава правительства Албании (унаследовавший этот пост от Фейзи Бей Ализоти — возглавлявшего «довидовский» кабинет с 22 января по 7 марта 1914 г.) ранее занимал должность посла Османской империи в Санкт-Петербурге. Помимо этого он был хорошо известен в Афинах благодаря своей деятельности в качестве губернатора Крита в 1895—1896 гг. и блестящему знанию греческого языка. Правда, в самой Албании многие обвиняли Турхан-пашу в слабом знании албанского национального дела именно по причине его широкой дипломатической активности.

Несмотря на формальное присутствие в Албании князя и правительства, подлинными хозяевами в этой стране оставались Австро-Венгрия и Италия, продолжавшие свою нескончаемую борьбу за более выгодную финансово-экономическую эксплуатацию ее богатств и населения. Фортуна в этой борьбе в первые месяцы 1914 г. все явственнее поворачивалась лицом к итальянцам. В марте 1914 г. в беседе с германским послом в Вене Г. Чиршки начальник Генерального Штаба австро-венгерской армии Ф. Конрад фон Гетцендорф откровенно признавал, что в Албании «итальянцы в экономической сфере гораздо более деятельны и ловки, чем австрийцы. Австрийский коммерсант тяжел на подъем и лишен духа предприимчивости, итальянский же, напротив, очень активен и получает действенную поддержку от своих банков»²².

Стремясь максимально укрепить свои позиции в Албании, Австро-Венгрия и Италия были не прочь использовать в этих целях своих нынешних и потенциальных балканских союзников. В середине июля 1914 г. Певческий мост (МИД) оказался не на шутку встревожен идеей Вены и Рима, к которой присоединился и Турхан-паша, — направить в Албанию румынский отряд, о чем министру С.Д. Сазонову дали понять австрийский и итальянский послы в Санкт-Петербурге. Однако Сазонов проявил твердость. Он сообщил всем трим, что «Россия не имеет оснований отступить от усвоенного ею сдержанного отношения к албанскому вопросу»²³. Тем не менее, 250 румынских добровольцев прибыли на помощь албанскому князю²⁴. Это, в свою очередь, сделало развитие ситуации в стране еще менее предсказуемым...

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ «Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан (проект № 14-01-00264).

1. Цит. по: BORCHGRAVE BON de. Albanie et Albanais. — La Revue Generale. 1914, juillet, p. 61.

2. Краткая история Албании. М. 1992, с. 256.
3. СМЕРНОВА Н.Д. История Албании в XX веке. М. 2003, с. 62.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Канцелярия. 1914 г., оп. 470, д. 6, л. 26.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же, л. 24.
9. Там же, л. 27.
10. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 2113, л. 97—98.
11. Там же, ф. Канцелярия. 1914 г., оп. 470, д. 6, л. 33—34.
12. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М. 2002, с. 47.
13. PUTO A. La question albanaise dans les actes internationaux de l'eroque imperialiste. Tirana. 1988, vol. II, p. 579—609.
14. Известна пренебрежительная оценка албанцев, как «стада баранов», высказанная Турхан-пашой Пермети в беседе с главой германского Министерства иностранных дел фон Яговым. См.: Краткая история Албании, с. 258—259.
15. Там же, с. 258.
16. АВП РИ, ф. Канцелярия. 1914 г., оп. 470, д. 6, л. 30.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же, л. 31.
21. Там же.
22. Цит. по: За балканскими фронтами..., с. 55.
23. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2115, л. 38.
24. За балканскими фронтами..., с. 57.

Эвакуация 1941–1942 гг. как фактор перемен в культурной жизни Западной Сибири

С.В. Зяблицева

Аннотация. В статье анализируются процессы, проходившие в двух системообразующих отраслях социально-культурной сферы Западной Сибири в условиях массового переселения на восток страны из оккупированных и прифронтовых районов отдельных представителей культуры и искусства, а также целых художественных коллективов, включая элитные. Рассматривается воздействие эвакуационного фактора на основные сегменты музыкально-театральной жизни региона: материальный, кадровый, эстетический, художественно-просветительский, образовательный.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западная Сибирь, театр, музыка, эвакуация.

Abstract. This article analyzes the processes that took place in two strategic sectors of the socio-cultural sphere of Western Siberia in conditions of mass migration to the East of the country from the occupied and frontline areas of individual representatives of culture and arts, as well as the entire artistic groups, including elite. Looks at the impact of the escape factor on the main segments of the musical and theatrical life of the region: material, human, aesthetic, educational, artistic-educational.

Key words: The Great Patriotic war, Western Siberia, theatre, music, evacuation.

Накануне Великой Отечественной войны театральная сфера Западной Сибири вошла в состояние относительно стабильного развития с весьма обнадеживающими перспективами. Определилось оптимальное на тот период количество театров; была ликвидирована практика сезонного найма театральных работников; устанавливалась система долгосрочных трудовых договоров, позволявшая не только стабилизировать театральные коллективы, но и значительно повысить уровень социальной защищенности артистов¹. Заметные перемены произошли и в музыкальной сфере региона. Активно формировалась система начального музыкального образования; на базе радиокomiteтов создавались профессиональные коллективы, включая симфонические оркестры; благодаря организации филармоний и концертно-эстрадных бюро была упорядочена концертно-гастрольная деятельность. Одновременно были увеличены средства, выделявшиеся на развитие региональной сети средних учебно-творческих заведений. До конца третьей

Зяблицева Светлана Владимировна — доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного сельскохозяйственного университета. E-mail: ziabl2@rambler.ru.

Zyablitseva Svetlana V. — doctor of historical sciences, professor of Kemerovo State Agricultural University. E-mail: ziabl2@rambler.ru.

пяtilетки предполагалось открыть музыкальное и киноучилище в Новосибирске, балетную студию в Барнауле, улучшить материальную базу училищ художественного профиля в Томске, Омске и на Алтае ².

Война кардинальным образом изменила благоприятно складывавшуюся ситуацию в театральном и музыкальном мире Западной Сибири, породив проблемы форс-мажорного характера и потребовав их оперативного решения. В короткие сроки были закрыты или реорганизованы посредством слияния трупп многие театральные учреждения, включая Новосибирский областной оперный театр, Томский и Бийский театры драмы, Сталинский театр юного зрителя, Новосибирский областной театр кукол ³, а также практически все колхозно-совхозные театры. В результате проведенной во второй половине 1941 г. реорганизации в Новосибирской области (в ее довоенных границах) из 12 местных театров осталось 6, в Омской (включая территорию нынешней Тюменской области) — столько же из девяти, в Алтайском крае — 6 из 7 ⁴.

Экстренное реформирование сложившейся в довоенный период театральной сети Западной Сибири в сторону ее сокращения являлось вынужденной мерой, обусловленной эвакуацией в регион значительного числа театральных коллективов из Москвы, Ленинграда, Белоруссии и Украины ⁵. Сохранение статус-кво в системе местных театральных учреждений в сложившейся ситуации не соответствовало бы ни экономическим возможностям региона, ни реальным культурным потребностям основной массы его населения.

Всего на Алтай, в Новосибирскую и Омскую области в 1941 — начале 1942 г. прибыли коллективы 16 театров, из которых на момент реэвакуации четыре размещались в Новосибирске, три — в Сталинске, по два — в Омске и Барнауле, по одному — в Томске, Кемерове, Гурьевске, Бийске и Славгороде. В отдельных случаях места их дислокации не были постоянными. Ленинградский Новый ТЮЗ, Николаевский драматический и Центральный детский театры, первоначально располагавшиеся в малых городах Кузбасса — Анжеро-Судженске, Тайге и Киселевске — со временем были перебазированы в Кемерово, Новосибирск и Сталинск. В Сталинске, с остановкой в Тобольске, оказался и Львовский драматический театр ⁶. В целом, в 1942 г. в Западной Сибири действовали 36 театральных коллективов, на восемь больше, чем до войны, в том числе в Новосибирской области — 18, Омской — 10, Алтайском крае — 7 ⁷, а также «труппа на колесах» — Центральный театр транспорта, обслуживавший территории, расположенные вблизи Западно-Сибирской железной дороги ⁸.

Эвакуация в Сибирь значительного числа театров из западных районов страны, сопровождавшаяся внутрирайонным перемещением части местных трупп, одновременно расширила театральное пространство региона за счет малых городов, ранее находившихся на обочине театральной жизни. Перемены, вызванные эвакуационным процессом, коснулись и старых театральных центров — Омска, Томска, Новосибирска, Барнаула. Продолжавшееся от двух до трех лет пребывание здесь элитарных театров страны позволило местной публике получить наглядное представление о ранее малоизвестных ей драматических жанрах, стилях, художественных направлениях. В исполнении актеров театра им. Евг. Вахтангова сибирский зритель мог наблюдать искрометное зрелище с элементами сиюминутной импровизации. Спектакли театра им. А.С. Пушкина являли собой классические образцы старого доброго реализма, а представления Камерного театра — высокую трагедию в традициях древнегреческого искусства. Столичные театры, тем самым, «являлись одним из тех источников, откуда проистекало первостепенное по значимости изменение сибирского культурного ландшафта — укрепление городской среды за счет культурных учреждений общесоюзного масштаба и уникальных культурных образцов» ⁹.

Стоит, однако, подчеркнуть, что вживание в местную среду новых элементов театральной культуры проходило на фоне вынужденной и весьма болезненной внутрирегиональной миграции, коснувшейся значительной части местных театральных коллективов. Ведь предоставленные грандам сценические площадки раньше принадлежали сибирским театрам, одни из которых, подобно ряду других организаций и учреждений; подверглись директивному переселению, а другие «попали под уплотнение». «Красный факел» уступил свою сцену Ленинградскому театру им. А.С. Пушкина, Новосибирский ТЮЗ — Новому ТЮЗу из города на Неве. В здании Сталинского драмтеатра базировались коллективы Центрального детского театра и Московского театра оперетты. Оставив свои подмостки Белорусскому театру драмы и сменив место жительства, объединился с кемеровской труппой городской театр Томска. Подвергшиеся уплотнению омичи по системе 2:5 «не в нашу пользу», делили дни театральных представлений с вахтанговцами (что породило шутивное название якобы единого театрального организма — «омсковский») ¹⁰.

Затрагивал кровные интересы работников местных театров и квартирный вопрос театральных переселенцев. Связанную с этим драматическую ситуацию описывает в своих воспоминаниях бывший заведующий литературной частью Ленинградского театра им. А.С. Пушкина С.Д. Дрейден. «В то самое время, — пишет он, — когда актеры новосибирского театра «Красный факел», олицетворяя хозяев города, пеклись о ленинградцах, их близкие лихорадочно укладывали домашние вещи для отправки на вокзал. Вероятно, где-то в глубине души у многих краснофакельцев была — не могла не быть! горечь, что приходится оставлять родной дом. Но ничем — ни словом, ни движением не дали они почувствовать ленинградцам, что переживали сами в эти часы» ¹¹. Новосибирские актеры при этом оставляли ленинградцам квартиры «со всей обстановкой и даже различной хозяйственной утварью» ¹².

Подобное, в высшей степени благожелательное отношение сибиряков к «театральным беженцам», способствовало достаточно быстрой адаптации последних к местному культурному сообществу, хотя вначале, как можно судить, опираясь на источники личного происхождения, «было характерное преобладание “столичного скепсиса” по отношению к местной культурной среде, ее оценок как периферийной, провинциальной с негативным подтекстом, дистанцированность, разобщенность форм профессиональной деятельности» ¹³. В дальнейшем однако «наблюдался несомненный факт взаимообогащения как на профессиональном, так и на культурно-личностном уровнях» ¹⁴.

Очевидно, что в вопросах актерского и режиссерского мастерства, общей театральной культуры, знания истории театра роль первой скрипки играли представители российских столиц. Реально это проявлялось в организации при столичных театрах школ повышения мастерства актеров, студий для молодых актеров — в Омске ими руководил Н.П. Охлопков, в Новосибирске — Н.К. Симонов, а также в консультациях, компетентной и дружественной критике, творческих беседах и лекциях, чаще всего посвященных постановке классических пьес, творчеству Шекспира, Мольера, Гольдони, А. Островского. Наряду с режиссером Г. Козинцевым, народным артистом СССР Ю. Юрьевым и другими корифеями советского театра подобного рода работу с сибирскими коллегами вели известные искусствоведы И. Соллертинский, С. Дрейден, Е. Филькенштейн. Плодотворным было и непосредственное участие мастеров сцены в работе сибирских коллективов. Режиссер театра им. А.С. Пушкина Н. Рашевская поставила в «Красном факеле» пьесу К. Финна «Пётр Крымов». Художественный руководитель пушкинцев Л. Вивьен и режиссер Д. Мечик оказывали помощь Кемеровскому театру. Лидер вахтанговцев Б. Захава возглавил постановку в Омском театре пьесы «Нашествие», а режиссер того же театра А. Дикий

— пьесы «Олеко Дундич» в Новосибирске. Несколько пьес в Омском ТЮЗе помог инсценировать Н. Охлопков¹⁵. «Общение с вахтанговскими режиссерами и актерами, — вспоминал впоследствии омич А. Теплов, — повлияло на нашу труппу. Влияние это было очень тонкое. Но несомненно, что, бывая на репетициях вахтанговцев, мы постепенно понимали свои недостатки и плюсы театра им. Вахтангова»¹⁶.

Фактом системного влияния больших мастеров сцены на театральную глуминку Западной Сибири явилась продолжавшаяся около двух лет работа в Нарымском окружном театре (г. Колпашево) ведущего актера театра им. А.С. Пушкина В.В. Меркурьева и режиссера того же театра И.В. Мейерхольд, дочери Вс. Мейерхольда, которым удалось превратить пеструю, с миру по нитке собранную труппу, в профессиональный коллектив, вышедший на уровень высококачественной постановки таких сложных пьес как «Мещане» М. Горького и «Правда — хорошо, а счастье — лучше» А. Островского, получивших высокую оценку на региональном конкурсе постановок классического репертуара¹⁷.

Многообразие репертуара эвакуированных театральных коллективов, вкупе с высоким исполнительским мастерством и необычной для большей части сибирских зрителей стилистикой постановок, оригинальностью режиссерских решений значительно расширили круг почитателей театра. «Некоторые заводчане, — пишет в своем историческом очерке о военных буднях новосибирского завода «Искра» С.С. Букин, — стали завзятыми театрами. Особой популярностью пользовались постановки ленинградских артистов. Если спектакли заканчивались поздно и опаздывали на пригородный поезд, то оставались ночевать на вокзале»¹⁸. В Томске спектакли Белорусского драматического театра в первые месяцы его пребывания в городе посетили 83 тыс. чел., а в 1943 г. — более 220 тысяч. Как показывают расчеты, интерес к работе театра за это время вырос необычайно. Если в 1941 г. на каждом его стационарном спектакле присутствовало 740 зрителей (примерно три четверти зала), то в 1943 г. — 920, что вплотную приближалось к аншлаговому показателю¹⁹. 549 тыс. чел. в 1941—1943 гг. присутствовало на спектаклях Ленинградского ТЮЗа в Анжеро-Судженске и Новосибирске (степень заполняемости залов на каждом представлении — 580 чел.), 500 тыс. (до 1000 чел. на спектакле) — на постановках Московского театра оперетты в Сталинске²⁰. Показательна в данном случае динамика посещаемости Омского драматического театра, на сцене которого, как отмечалось, попеременно выступали артисты местной труппы и театра им. Евг. Вахтангова. Если в 1941 г. театр посетили 87 тыс., в 1942 г. — 197, то в 1943 г. — 215 тыс. человек²¹. Вполне понятно на этом фоне признание директора вахтанговцев в том, что «Омский период — это драгоценный кусок жизни театра»²².

Работая преимущественно в условиях стационара, эвакуированные театральные коллективы (впрочем, так же, как и местные) вели активную концертно-театральную деятельность, выступая в красных уголках, клубах, воинских частях. Так, из 628 спектаклей театра им. Евг. Вахтангова, данных им за 22 месяца пребывания в Западной Сибири, 170 (27%) пришлось на долю внестационарных показов²³. Почти 400 раз со своими спектаклями или отрывками из них на предприятиях Сталинска выступили артисты Московского театра оперетты, чем, как отмечалось в решении городского комитета партии, «действенно способствовали мобилизации рабочих на героический труд, на усиление помощи фронту. Всей своей работой театр непосредственно и заметно помогал умножать количество гвардейцев тыла — шахтеров, доменщиков, сталеваров, прокатчиков»²⁴. В военно-шефской работе отличились не только такие многочисленные коллективы, как театр им. А.С. Пушкина (2500 театрально-концертных выступлений за годы пребывания в Западной Сибири), но и те, чья труппа насчитывала 25—30 человек. К примеру, Центральный театр транспор-

та, за 284 дня работы в регионе давший в Домах культуры СибВО, расположении воинских частей и на станциях 340 спектаклей и 239 концертов ²⁵.

Вне пределов непосредственных функций части эвакуированных актеров и режиссеров находилась также деятельность по подготовке артистической молодежи, в Западной Сибири в государственном формате прекратившаяся в августе 1941 г., когда «на военный период» были закрыты Новосибирское и другие театральные училища ²⁶. В этих обстоятельствах помощь известных мастеров театра и театральных педагогов была, по сути, единственной возможностью стабильного функционирования основательно «прореженных» войной сибирских театральных коллективов, а в дальнейшем — важным фактором восстановления театральной сети региона.

Приложение своим силам на педагогическом поприще многие представители театральной элиты страны находили в расквартированном сначала в Томске, а затем в Новосибирске Ленинградском театральном институте им. А.Н. Островского. На момент начала занятий на новом месте (9 января 1942 г.) его студенческий контингент насчитывал 181 человека ²⁷. Работая, как и все творческие вузы, по системе студий-мастерских, обычно насчитывающих 12—15 студентов, и выпустив 8 «сибирских» студий ²⁸, институт, тем самым, даже с учетом неизбежного отсева, обычно составлявшего 25%, за время эвакуации подготовил от 70 до 100 актеров, часть которых пополнила драматические труппы Западной Сибири, в том числе ранее упоминавшегося Нарымского театра в Колпашеве, расположенного на самой северной окраине Томской области. В том же 1942 г. были организованы учебные студии при театре им. Евг. Вахтангова в Омске и Камерном — в Барнауле, а годом позже — при театре им. А.С. Пушкина в Новосибирске, имевшие статус высшего учебного заведения. Пушкинцы только в 1944 г. подготовили для профессиональной сцены 18 своих выпускников ²⁹.

Эвакуация способствовала разрешению кадровой проблемы и в системе музыкальных учреждений Западной Сибири. Дело в том, что значительно возросший в предвоенные годы интерес к общеобразовательному и профессиональному музыкальному образованию, обусловленный характерным для этого периода ростом городского населения, повышением уровня его образованности и культуры, сопровождался острой нехваткой кадров в системе музыкального образования и воспитания. Отмеченное обстоятельство во многом объяснялось «болезнью роста». Однако нельзя не усмотреть здесь и «след» проводившихся в стране репрессий, коснувшихся и самых заметных в сибирском регионе представителей музыкального сообщества. Более других разрушительные последствия репрессий ощутило на себе Томское музыкальное училище: только в 1937 г. были арестованы 18 его преподавателей и учащихся ³⁰, что фактически подкосило коллектив. «Педагогическим составом, — отмечалось в отчете за 1938—1939 гг., — училище укомплектовано недостаточно. Нужны: скрипач, трубач, волторнист, тромбонист, флейтист, гобоист, преподаватель методических дисциплин. Кроме того, в училище только один педагог-теоретик» ³¹. Поскольку в следующем учебном году вакантными стали также места преподавателей по гармонии и истории музыки, анализу музыкальных произведений, методике детского музыкального воспитания, училище покинули 90% учащихся ³².

Образовавшийся кадровый дефицит, как это легко прослеживается на примере того же Томского училища, перестал быть проблемой после эвакуации в регион значительного числа музыкальных работников. Только в штат этого учебного заведения были зачислены 12 прибывших в город педагогов, в том числе композиторы, музыковеды, пианисты, скрипачи, многие из которых ранее трудились в московских, ленинградских, киевских и одесских училищах и консерваториях, совмещая преподавание с индивидуальным или коллективным

концертированием. 15 преподавателей, в своем большинстве также выступавших до этого на концертной сцене, укрепили педагогический коллектив Омского музыкального училища, которым с июля 1941 г. по 1946 г. руководила московский педагог — музыкант И. Марголина. Четверо из них пополнили фортепианное отделение, трое — класс скрипки, пять — класс вокала. Удалось заполнить также музыкально-педагогический и теоретический циклы, курс музыкальной литературы³³. В Кузбассе к преподаванию в музыкальных школах привлекались не только эвакуированные сюда музыкальные педагоги, включая работавших ранее в Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова, но и актеры, режиссеры и оркестранты Московской оперетты, Николаевского и Черниговского музыкально-драматических театров. В начале 1942 г. эвакуированные составляли более 35% педагогического состава музыкальных учебных заведений нынешних Новосибирской, Томской и Кемеровской областей³⁴.

Во всех перечисленных и аналогичных случаях удавалось решить триединую задачу: восполнение кадровых потерь, которые в последние предвоенные годы и в начале войны понесли музыкальные учебные заведения; трудоустройство эвакуированных музыкальных педагогов и исполнителей; продолжение обучения оказавшихся в Сибири учащихся музыкальных школ и училищ, расположенных в оккупированных или прифронтовых районах страны. Не исключено, что именно благодаря эвакуации в Западную Сибирь большого числа преподавателей и учащихся музыкальных учебных заведений, необходимости дать работу одним и возможность продолжить учебу — другим удалось сохранить оба музыкальных училища и все ДМШ, имевшиеся здесь в довоенные годы.

Помимо беспрецедентного укрепления кадрового состава музыкальных школ и училищ в регионе было отмечено нетипичное для военного времени расширение сети музыкальных образовательных учреждений. Сначала в Томске, а начиная с осени 1943 г. и вплоть до реэвакуации, в Новосибирске шли занятия на музыкальном отделении Ленинградского театрального института³⁵. На основе классов скрипки и фортепиано перебазированной в Ленинск-Кузнецкий Ленинградской школы искусств в городе была открыта детская музыкальная школа, в которой учился будущий известный советский композитор А. Петров. С помощью эвакуированных музыкальных работников такая же школа появилась в г. Куйбышево Новосибирской области³⁶.

Высокий уровень профессионализма эвакуированных педагогов способствовал значительному повышению квалификации местных преподавателей музыки, как посредством передачи опыта «из рук — в руки», так и путем организации методических курсов и семинаров, проводившихся, в частности, на базе Омского музыкального училища. В круг «семинаристов» входили и руководители самодеятельных коллективов — подобное, к примеру, практиковала барнаульская музыкальная школа им. Глазунова, при которой был открыт постоянно действовавший семинар руководителей хоров³⁷, продолживший свою работу и в послевоенные годы³⁸. Внедрение обновленных учебных планов и программ, апробированных ранее в учебных заведениях европейской части страны и в разумных пределах приближенных к консерваторским, позволило повысить качество профессиональной подготовки выпускников училищ. В ряде случаев была расширена организационная структура учебных заведений. В Томском училище открылось отделение общего музыкального образования, в Омском — курсы для взрослых и отдельно — для демобилизованных³⁹.

Фактором, в значительной мере активизировавшим музыкальную жизнь Западной Сибири, стала и эвакуация в Новосибирск большой группы известных советских композиторов, дирижеров и музыковедов, в том числе М.И. Блантера, Г.В. Свиридова, О.Б. Фельцмана, К.В. Молчанова, Е.А. Мравинского, И.И. Соллертинского. 12 из них являлись действительными членами Со-

юза композиторов СССР, примерно 15 уже «стучались в его двери». Вместе с местными членами СК М.И. Невитовым и К.Н. Нечаевым они составили ядро вновь образованного Сибирского отделения Союза, способствовав, тем самым, реализации давней мечты сибирских композиторов. Предполагалось, что новая организация позволит ликвидировать известную разобщенность местных музыкантов, наладить постоянные контакты с ведущими композиторами страны, более широко пропагандировать произведения сибирских авторов, что, в конечном счете, должно было содействовать значительному росту их профессионального мастерства ⁴⁰.

Позитивные моменты, связанные с пребыванием в Новосибирске известных советских композиторов, дирижеров и музыковедов, не ограничивались только их участием в организации местного отделения Союза композиторов — рано или поздно это все равно бы случилось. Куда важнее были профессиональные контакты малоизвестных местных авторов с признанными музыкантами, появившаяся редкая возможность получить квалифицированную консультацию, совместно обсудить свои и чужие произведения. Все это не только способствовало повышению мастерства и творческой активности композиторов-сибиряков, но и подвигло их на освоение крупных музыкальных форм. Судя по планам работы Новосибирского отделения СК, начиная с 1943—1944 гг., сибирские авторы все чаще стали обращаться к программной оркестровой музыке, вокально-симфоническим и хоровым жанрам. Была предпринята и первая попытка создания оперы — план, составленный на октябрь-декабрь 1944 г., предполагал знакомство членов СК и музыкальной общественности Новосибирска с клавиром оперы «Бесприданница» по пьесе А. Островского, над которой работал А. Новиков. Ему же довелось первым из сибиряков пробиться на большую концертную сцену — в 1943 г. его кантату для хора и оркестра «Мщение» и симфоническую поэму «Сибирь» исполнили симфонический оркестр, хор и солисты Ленинградской филармонии ⁴¹.

В отличие от театральной сферы, в пределах которой многие местные коллективы подверглись кардинальным потрясениям, музыкальная сфера региона не только не понесла сколько-нибудь серьезных потерь, но и заметно окрепла. Фактически пострадала лишь Новосибирская филармония, а также несколько работавших в кинотеатрах джаз-оркестров. Но продолжали функционировать филармония и ее симфонический оркестр в Омске, ансамбль песни и пляски СибВО. За счет эвакуированных музыкантов удалось укрепить большинство художественных коллективов радиокомитетов. На той же основе появился полупрофессиональный симфонический оркестр в Сталинске, несколько инструментальных ансамблей в Томске. Детский симфонический оркестр и два больших разноплановых хора были организованы в Барнауле ⁴².

Наличие большого количества концертирующих ансамблей и отдельных исполнителей с постоянной или долговременной сибирской «пропиской», сокращение общесоюзного концертного пространства, вызванное оккупацией части западных районов страны, намного повысили интенсивность внутрисибирских гастрольных потоков. Только в сентябре-ноябре 1941 г. в Новосибирске проходили выступления Государственного ансамбля танца И. Моисеева, джаз-оркестра Л. Утесова, железнодорожного ансамбля песни и пляски под руководством И. Дунаевского ⁴³. В Кузбассе во второй половине 1942 г. гастролировали Государственный хор А. Свешникова, симфонический оркестр Ленинградской филармонии, Белорусский ансамбль песни и танца, квартет им. А. Глазунова, джаз-оркестры Л. Утесова и Эдди Рознера, ансамбль под руководством И. Набатова и другие коллективы союзной известности. При этом количество концертов росло из месяца в месяц. В июне 1942 г. в Кузбассе их состоялось около 100, в июле — 169, в декабре — 197, а всего с июня по

декабрь этого года — 1035 ⁴⁴. За два первых года войны в Западной Сибири выступили почти 100 музыкально-хоровых коллективов и большинство самых известных мастеров советского музыкального искусства ⁴⁵.

Количество приезжавших в регион музыкальных исполнителей было столь значительным, что организацией их гастролей стали заниматься не только филармонии и концертные бюро, но и созданное в 1942 г. Сибирское отделение Всесоюзного гастрольного концертного объединения (ВГКО), имевшее свои отделения во всех крупных городах, включая «нестолличные» Сталинск и Томск. По некоторым данным, в 1943 г. подразделениями Сибирского отделения ВГКО и его центральным аппаратом было организовано без малого 3,5 тыс. концертов. За все же время их функционирования в Западной Сибири (июнь 1942 — июнь 1944 г.) организации ВГКО только в Новосибирской области провели 2,4 тыс. музыкальных представлений, на которых присутствовало 1,2 млн человек ⁴⁶.

В отличие от СО ВГКО, организовывавших поездки по Сибири коллективов, базировавшихся вне ее пределов, внутрирегиональную деятельность местных и эвакуированных музыкальных групп и отдельных исполнителей обеспечивали филармонии, базировавшиеся в Омске и Новосибирске. Во втором из этих городов расформированную в начале войны областную филармонию заменила Ленинградская ⁴⁷, чье влияние распространялось не только на территорию Сибири, но и Средней Азии. Ее солисты и оба музыкальных коллектива — симфонический оркестр и инструментальный квартет им. А. Глазунова, в распоряжении которых находились клуб им. Сталина с залом на 500 мест и несколько малых концертных площадок ⁴⁸, продолжали выступать в присущих им жанрах. Основную часть выездных концертных программ оркестра составляла музыка из опер, увертюры, симфонические фрагменты, арии и сцены, балетные сюиты. В отдельных случаях, при наличии подготовленного слушателя, исполнялись и более сложные произведения. Чаще других — пятая симфония Чайковского и 21-я Н. Мяковского. В стационарных условиях, отличавшихся более подготовленной в музыкальном отношении публикой, доминировала симфоническая музыка. Квартет им. А. Глазунова в Новосибирске исполнил всю русскую квартетную классику, а также квартеты Шуберта, Дворжака, Шебалина. Не чурались ленинградцы и смешанных тематических концертов («Вечер концертной музыки Чайковского и Глазунова», «Вечер французской музыки», «Романтизм и музыка»), а также исполнения легкой музыки («Вечер развлекательной музыки», «Концерт популярной музыки», «Вечер произведений Штрауса»). «В общем, — как писал по этому поводу художественный руководитель филармонии Соллертинский, — программа на все вкусы». Всего за 30 месяцев пребывания в Сибири солисты и коллективы Ленинградской филармонии только в Новосибирской области, включая Томск и Кузбасс, дали 5220 концертов, на которых присутствовало более 2 млн человек. В условиях стационара при почти стопроцентно заполнявшихся залах симфонический оркестр выступил 538 раз в присутствии более чем 400 тыс. слушателей. Прозвучало почти 1500 произведений, из них 306 впервые, в том числе, — Седьмая симфония Д. Шостаковича и его фортепианный квинтет с участием автора. В данном случае в полной мере сказалась правота тех, кто в начале войны воспротивился «временной консервации» оркестра, так и ограничению его репертуара вальсами И. Штрауса и легкими оркестровыми пьесами ⁴⁹.

В условиях Западной Сибири первых военных лет, когда даже в основных культурных центрах, включая Новосибирск, наблюдалось очевидное противоречие между репертуаром эвакуированных коллективов и исполнителей и уровнем музыкальной подготовки подавляющей части населения, весьма кстати оказался и опыт эвакуированных музыкантов и музыковедов по части совмещения концертной деятельности и музыкального просветительства.

В Омске со вступительным словом к концертам, а также в роли консультантов выступали доцент Киевской консерватории М. Гейлин и преподаватель Московской консерватории Б. Левик, в Томске — московские музыковеды Г. Римской-Корсаков и С. Корев, в Новосибирске — ленинградцы И. Соллертинский и Ю. Вайнкоп⁵⁰. Они же по преимуществу были организаторами и ведущими широко практиковавшихся лекций-концертов. В Томске с участием эвакуированных музыкантов и певцов, а также преподавателей музучилища уже во второй половине 1941 г., неоднократно повторяясь в разных местах, прошли лекции-концерты на темы: «П.И. Чайковский», «Ф. Шопен», «М.И. Глинка»⁵¹. Инициативу ознакомить жителей Барнаула с историей развития музыки от ее возникновения до первых десятилетий XX в. взяла на себя ДМШ им. А. Глазунова, значительно укрепившаяся преподавателями и учащимися ленинградской музыкальной школы-десятилетки. Было проведено 10 лекций-концертов, начиная от «Происхождения музыки и музыкальных инструментов» и заканчивая творчеством Бетховена. «Зал городского агитпункта, — писала по поводу первых двух лекций «Алтайская правда», — был переполнен — собралось до 500 человек. Большой популярностью пользуются концерты, которыми иллюстрируются лекции, так как в качестве исполнителей выступают лучшие музыкальные силы города»⁵².

Признанным лидером и в данном случае являлась Ленинградская филармония, чьи коллективы с лекциями-концертами выступали в ряде городов региона⁵³. Более других повезло Новосибирску, где ленинградцы организовали не только общегородской лекторий, но и его филиалы в Кировском районе города, в Доме культуры станции Инская, в институте инженеров железнодорожного транспорта, в Доме Красной Армии. Помимо занятий со взрослыми почитателями музыки здесь раз в неделю проводились лектории-концерты для школьников, особая программа была составлена для учащихся ремесленных училищ. Большинство занятий вел Соллертинский — «легендарный человек», по словам другого выдающегося лектора-просветителя И. Андронникова. «Первое впечатление слушателя, — вспоминал один из свидетелей выступлений Соллертинского, — было ошеломляющим. Казалось, на него надвинулась лавина или слух захлестнул мощный поток. Но очень скоро слушатель свыкался с этой неповторимой манерой речи, и то, что за мгновение до этого казалось хаосом, осознавалось как гармония и закономерность...»⁵⁴. О многообразии лекций-концертов, проводившихся Ленинградской филармонией в рамках музыкального лектория, можно судить уже по краткому перечню тех из них, которые относились к пропаганде отечественной музыкальной культуры: «Чайковский и русский музыкальный театр», «Тема патриотизма в операх русских и советских композиторов», «Скрябин», «Советская музыкальная культура и русская классическая музыка», «Мировое значение русской музыки»⁵⁵.

Начавшийся во второй половине 1943 г. и продолжавшийся около года массовый отток из восточных районов страны музыкальных организаций и коллективов (прощальный концерт симфонического оркестра Ленинградской филармонии и ее квартета им. А. Глазунова состоялся в Новосибирске 3 августа 1944 г.)⁵⁶ не мог не привести к снижению достигнутого здесь к этому времени качественного уровня музыкального просвещения. Планка, установленная ленинградцами, была столь высока, что выйти на нее в короткие сроки было практически невозможно. Но и провала не произошло. По своей организации и охвату слушателей, а в ряде случаев и художественному уровню музыкальное просветительство в Западной Сибири в последний год войны и в последующее время значительно превосходило его довоенное состояние.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующие принципиальные моменты, ставшие в истории театрально-музыкальной жизни Западной Сибири

факторами долговременного действия. Во-первых, эвакуационный процесс позволил значительно расширить театральное и музыкальное пространство региона в его географическом и, соответственно, «аудиторном» измерении и, во-вторых, дал возможность сибирскому зрителю и местным работникам искусства максимально близко познакомиться с творческими методами элитных коллективов страны, после чего, как показало время, возврат к довоенному состоянию местной театральной и музыкальной культуры был уже невозможен.

Примечания

1. ЛЕЛЯКОВ А.П. Из истории формирования театральной интеллигенции в Западной Сибири в 1930—1940 гг. В кн.: Из истории советской интеллигенции. Новосибирск. 1974, с. 129.
2. ШАПИРО В. Дела театральные. — Омская правда. 15.XI.1940.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО), ф. Р-1376, оп. 1, д. 42, л. 103—104, 118—118об.; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. А 259, оп. 4, д. 2275, л. 24—25об.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2075, оп. 1, д. 85, л. 99; НАЗИМОВА В.Ш. Художественная жизнь Сибири в военные годы. В кн.: Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М. 1976, с. 144.
5. РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 85, л. 100; оп. 19, д. 10, л. 1.
6. Там же, оп. 1, д. 85, л. 99об.
7. ГА НО, ф. П-4, оп. 25, д. 758, л. 27; Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск. 1984, с. 143.
8. РОСТОВ Н.Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул. 2007, с. 385.
9. РЫЖЕНКО В.Г., НАЗИМОВА В.Ш. Трансформации культурного потенциала сибирских городов в экстремальных условиях советской эпохи. В кн.: Городская культура Сибири: история и современность. Омск. 1997, с. 136.
10. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 5. Л. 1969, с. 156; История Кузбасса. Кемерово. 2006, с. 202.
11. Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л. 1967, с. 104—105.
12. БАЛАНДИН Л. На сцене и за кулисами. Путь театра «Красный факел» (1920—1970). Новосибирск. 1972, с. 173.
13. РЫЖЕНКО Г.В., НАЗИМОВА В.Ш. Ук. соч., с. 136.
14. Там же, с. 137.
15. ГОРЮШКИНА И.А. Театры Сибири в годы войны. В кн.: Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск. 1977, с. 316.
16. Сибирские огни. 1979, № 8, с. 153.
17. ГА НО, ф. П-4, оп. 7, д. 320, л. 74.
18. БУКИН С.С. Искровцы: история Новосибирского механического завода. Новосибирск. 2002, с. 33.
19. ГА НО, ф. Р-1376, оп. 1, д. 47, л. 62; д. 79, л. 1. Подсчитано автором.
20. Новосибирск. 100 лет. События. Люди: 1893—1993. Новосибирск. 1993, с. 220; ГОРЯЧЕВА В.М. Учреждения культуры в период Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири). — Из истории партийных организаций Сибири. Научные труды НГПИ 1968 г., № 24, с. 132.
21. НАЗИМОВА В.Ш. Театральная жизнь Сибири в период Великой Отечественной войны. В кн.: Художественная культура и интеллигенция Сибири 1917—1945 гг. Новосибирск. 1984, с. 132.
22. РЫЖКИН Я. 22 месяца работы театра им. Евг. Вахтангова. — Омская правда. 29.VIII.1943.
23. Там же.
24. Государственный архив Кемеровской области (ГА КО), ф. П-17, оп. 1, д. 821, л. 51.
25. РОСТОВ Н.Д. Ук. соч., с. 385.
26. ГА НО, ф. Р-1376, оп. 1, д. 42, л. 109.

27. СЕРЕБРЯКОВ Н.Е. В годы Великой Отечественной войны. В кн.: Записки о театре. Л.-М. 1958, с. 232.
28. НАЗИМОВА В.Ш. Подготовка кадров профессиональных работников искусства в Сибири в условиях Великой Отечественной войны. В кн.: Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск. 1987, с. 144.
29. ГОРЮШКИНА И.А. Театры Сибири в годы войны. В кн.: Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск. 1977, с. 316; Советская Сибирь. 30.VI.1945.
30. Музыкальная культура Сибири. Т. 3. Новосибирск. 1997, кн. 1, с. 115.
31. Государственный архив Томской области (ГА ТО), ф. Р-37, оп. 1, д. 6, л. 1.
32. Там же, л. 1.
33. Музыкальная культура Сибири, т. 3, кн. 1, с. 154, 158.
34. РГАЛИ, ф. 2075, оп. 21, д. 85, л. 101об.
35. ГА НО, ф. Р-1450, оп. 1, д. 19, л. 10.
36. Там же, ф. Р-1376, оп. 1, д. 96, л. 17.
37. Алтайская правда. 18.IV.1942.
38. РГАЛИ, ф. 2075, оп. 21, д. 120, л. 7.
39. Музыкальная культура Сибири, т. 3. кн. 1, с. 158—159.
40. ГА НО, ф. Р-1819, оп. 1, д. 43, л. 15; РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 85, л. 103.
41. ГА НО, ф. Р-1812, оп. 1, д. 7, л. 1.
42. Там же, д. 42, л. 123; ГА КО, ф. Р-1112, оп. 1, д. 1, л. 111; Новосибирск. 100 лет..., с. 210; Государственный архив Алтайского края (ГА АК), ф. Р-1041, оп. 1, д. 76, л. 16.
43. Новосибирск. 100 лет..., с. 200—201.
44. ГАНО, ф. П-4, оп. 26, д. 194, л. 30.
45. Советская Сибирь. 21.VI.1944.
46. ГА НО, ф. Р-1028, оп. 1, д. 13, л. 2—4, 9, 17, 31, 73.
47. РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 85, л. 103об.
48. ГА НО, ф. Р-1376, оп. 1, д. 42, л. 123
49. ВАЙНКОП И.Я. Прошлое и настоящее. В кн.: Ленинградская государственная орден Трудового Красного Знамени филармония: Статьи, воспоминания, материалы. Л. 1972, с. 37, 40—42.
50. Музыкальная культура Сибири, т. 3, кн. 2, с. 152, 154—155.
51. Красное Знамя. 4.XII.1941.
52. Алтайская правда. 8.V.1942.
53. РГАЛИ, ф. 2075, оп. 9, д. 72, л. 1—2.
54. Музыкальная культура Сибири, т. 3, кн. 2, с. 148.
55. Там же.
56. Новосибирск. 100 лет..., с. 218.

Политико-правовое положение русской эмиграции в Китае в период второй мировой войны

Е.Н. Наземцева

Аннотация. статья посвящена политико-правовому положению русской эмиграции в Китае во время Второй мировой войны, влиянию «эмигрантского фактора» на советско-японские и советско-китайские отношения. Особое внимание уделено практике депортации советских граждан и русских эмигрантов из Маньчжурии в 1941—1945 гг., осложнению в связи с этим отношений СССР и Японии. Освещена специфика правового положения русских эмигрантов в Шанхае в связи с отменой прав экстерриториальности иностранных держав в 1943 году. Представлен анализ политико-правового положения русской эмиграции в условиях национально-освободительного движения в провинции Синьцзян.

Ключевые слова: русская эмиграция, Китай, СССР, правовое положение, международные отношения, дипломатия, вторая мировая война.

Abstract: The article concerns the politic and legal status of the Russian emigration in China during the World War II and the influence of «emigrant factor» on Soviet-Chinese and Soviet-Japanese relations. The main attention is paid to deportation practices of Soviet citizens and Russian emigrants from Manchuria in 1941-1945, which caused the worsening of the relations between the USSR and Japan. The specificity of the legal status of the Russian emigrants in Shanghai is shown in the context of abolition of exterritorial right of foreign powers in 1943. The analysis of the politic and legal status of the Russian emigration in conditions of aggravation of the national liberation movement in the province of Xinjiang is given.

Key words: the Russian emigration, China, the USSR, legal status, foreign relations, diplomacy, the World War II.

Проблема правового положения русской эмиграции, в том числе, в Китае, в последние годы привлекает многих исследователей¹. Однако основное внимание авторов сосредоточено на особенностях правового положения русских эмигрантов преимущественно в Маньчжурии и Шанхае в 1920—1930-е годах. В данной работе дается характеристика политико-правовому положению русской эмиграции в Китае и его влиянию на советско-китайские и советско-японские отношения в период второй мировой войны.

Наземцева Елена Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального Штаба ВС РФ. E-mail: elenanazz@mail.ru.

Nazemtseva Elena N. — Ph.D. (History), research associate of Research Institute for Military History, Military academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. E-mail: elenazz@mail.ru.

Начало второй мировой войны и особенно нападение фашистской Германии на Советский Союз раскололо русскую эмиграцию. Эмигранты начали переосмысливать свое отношение к СССР. Многие открыто защищали СССР, подавали заявления в консульство о приеме в советское гражданство и об отправке в Красную армию.

Один из советских представителей в Китае — М. Волков — в своем обзоре, посвященном русской эмиграции, приводит примеры изменения настроений эмигрантов в связи с событиями на советско-германском фронте².

Бывший поручик белой армии, а в эмиграции — рядовой английской полиции Добржанский — рассказывал: «Когда мы бежали из Владивостока, я, охраняя золото, думал, что охраняю ценности Российской империи, а затем по прибытии за границу, меня выбросили на произвол судьбы, я был оперным артистом, опереточным артистом, цыганом в кабаке, я был счастлив, что смог получить должность полицейского английской службы, т.к. был обречен на голодную смерть, я даже не смог жениться...». Он также отмечал, что пять раз подавал заявление о приеме его в советское гражданство и получении разрешения на возвращение в Советский Союз, но ему отказали, тем не менее, он намеревался подавать заявление снова и снова, надеясь на возвращение³.

По мнению Волкова, многие эмигранты старались подать заявление о приеме их в советское гражданство в трудное для Родины время, «чтобы потом по окончании войны их не упрекали в предательстве»⁴.

Консул СССР в Маньчжурии А. Забелин в своем отчете так характеризовал эволюцию взглядов эмиграции на СССР: «Если в 1941 году эмиграция в Маньчжоу-Го сама готовилась к скорому возвращению на Родину в качестве организаторов нового порядка, а в 1942 году была морду немцам в Харбине за заявления, что “Волга теперь не русская, а немецкая река”, то в 1943 году подавляющая часть белой эмиграции в Маньчжоу-Го готова была последовать примеру Шанхайской эмиграции»⁵.

Распространение подобных настроений позволило представителям СССР констатировать, что белая эмиграция в Китае потеряла свое значение как политическая сила. Одной из приоритетных задач советской внешней политики на дальневосточном направлении в этот период являлось противодействие возможной японской экспансии. Поэтому изменение настроений русских эмигрантов в крупнейшем центре проживания русских в Китае — Маньчжурии — имело особое значение.

Учитывая ситуацию, советские представители доказывали необходимость полного лишения японских властей белоэмигрантского козыря «как бы слаб этот козырь не был»⁶. В связи с этим Волков предлагал развить «более энергичную работу по разложению и дальнейшему распаду и расколу лагеря нашего врага, а в числе вчерашних врагов создать себе группу сочувствующих с тем, чтобы заставить их работать на нашу Родину, а не на наших врагов, конечно не забывая здесь никогда о большевистской бдительности». Для этого надо было «энергично использовать этот наметившийся процесс расслоения особенно среди молодежи», а также «усилить нашу советскую пропаганду, активизировать все силы за границей, в том числе силы советских граждан, постоянно проживающих там, поднимать их роль и активность в деле служения Родине»⁷.

Вместе с тем, политические лидеры эмиграции были встревожены появлением просоветских настроений в широких кругах эмигрантского сообщества. После согласования с японскими властями они приняли соответствующие меры как пропагандистского, так и другого порядка, вплоть до физического уничтожения «опасных» элементов для пресечения и предотвращения в дальнейшем

подобных настроений. Не последнюю роль в этом играли меры экономического воздействия. Так, эмигранты, возбуждавшие ходатайства о приеме в советское гражданство, лишались продовольственных и хлебных карточек⁸. Им было запрещено продавать мясо, рис, сахар и другие продукты⁹.

Кроме того, проводились различные мероприятия организационного плана. В 1941 г. в Маньчжоу-Го было учреждено Объединение российских эмигрантов (ОРЭ), которое представляло собой своеобразный вспомогательный филиал ГБРЭМ¹⁰. Цели ОРЭ заключались не только в сохранении российских культурных традиций, координации деятельности эмигрантских организаций, но и в идеологической работе с населением. Председателем правления был назначен начальник ГБРЭМ В.А. Кислицын, секретарем — начальник 3-го отдела М.А. Матковский¹¹. В конце 1943 г. генерала Кислицына заменили генералом Л.Ф. Власьевским. В феврале 1944 г. был образован департамент по делам белой эмиграции, созданы русские отделы при городских управах¹².

Суть проводимых мероприятий изложил в своей речи начальник японской военной миссии (ЯВМ) в Харбине генерал-майор А. Дои: «Ниппонская императорская военная миссия, произведя частичную реорганизацию руководящего аппарата российской эмиграции, будет непосредственно ведать некоторыми специальными вопросами эмигрантской жизни, беря при этом общее руководство деятельностью эмиграции на себя. Административные органы правительства Маньчжоу-Го, поддерживая тесный контакт с императорской военной миссией, выполняют общие административные функции в потребных размерах. Бюро же по делам российских эмигрантов в выполнении этих административных функций органами Маньчжоу-Го является вспомогательным органом»¹³.

В сложившихся условиях ЯВМ взяла на себя общее руководство эмиграцией. Учредив департамент и русские отделы муниципалитетов, японская военная миссия в дополнение к политическим функциям приняла на себя и функции административные¹⁴. Такая основательная реорганизация должна была окончательно лишить самостоятельности эмиграцию. Но главная задача японского руководства заключалась в подчинении эмигрантов своим политическим и внешнеполитическим целям.

Важную роль в этом играла пропаганда. Выступая перед эмигрантами публично или в периодической печати, японские власти пытались внушить им надежду на то, что победа Японии в Восточной Азии приведет к осуществлению эмигрантской мечты — возрождению былой России. Вынужденный же перерыв объяснялся необходимостью всесторонней подготовки белой эмиграции к будущим боям. Одновременно ставилась задача ее политической консолидации¹⁵.

Неблагоприятная для Японии международная обстановка, победы советской армии и одновременно неудачное течение войны на Тихом океане толкали ее к отсрочке выполнения своих обещаний перед русской эмиграцией и дальнейшему ограничению прав эмигрантов¹⁶.

В частности, летом 1943 г. для русских, проживавших в Маньчжоу-Го, были введены специальные значки. Однако эмигранты встретили это нововведение в штыки: распускались слухи о клеймении русских, о «собачьих номерах», начались массовые утери и т.д. В результате значки утратили свое значение. Тогда японские власти ввели новые значки. Но на этот раз, чтобы пресечь сопротивление, номера значков были вписаны в паспорта эмигрантов, а утеря значка приводила к лишению их продуктового снабжения. Кроме того, эмигранты не имели права появляться на улице без значков. Цель данной меры заключалась не только в ограничении прав эмигрантов, но и в наглядном отделении их от советских граждан. В селениях, где было много последних,

такая мера имела и непосредственное практическое значение — наличие значка обеспечивало более благожелательное отношение к эмигранту со стороны официальных властей. Общение с лицами, не имеющими значков, фактически запрещалось. Это препятствовало любым контактам с советскими гражданами. Были также запрещены покупка и продажа им чего-либо, аренда квартиры, пользование какими-либо услугами и даже взаимные приветствия¹⁷.

Предпринимались и другие ограничительные меры: принуждение носить военную форму для мужчин и брюки для женщин, различные «добровольные» сборы с эмигрантов, которые также проводились под угрозой лишения продовольственного пайка. То же самое касалось и уплаты взносов в различные кружки. Неуплата взносов влекла исключение из кружка и, соответственно, лишение того же продовольственного пайка¹⁸.

Одной из ограничительных мер в реализации политических целей японских властей стало принудительное переселение русских эмигрантов из городов в сельские населенные пункты, отдаленные от центров общественной и политической жизни. Например, в течение 1944 г. проводилось переселение в Тоогенский район эмигрантов, не имевших возможности для применения своих сил в городе. Также ЯВМ выкупил у эмигрантов акционерное общество «Чурин и Ко», что свидетельствовало о попытках поставить под свой контроль их капиталы¹⁹.

Безусловно, очередные мероприятия японской военной миссии не вызвали восторга среди эмигрантского общества. Тем более, что для нужд переселения японцы организовали принудительный 2-миллионный заем у его зажиточных представителей. Земли за переселенцами были закреплены навечно, им также были предоставлены налоговые льготы, но это не изменило общего отрицательного отношения к переселению²⁰.

Тем не менее, прояпонски настроенная эмигрантская периодическая печать характеризовала это событие в восторженных тонах: «наличие свободных земель позволило правительству легко осуществить план переселения на землю российских эмигрантов, для чего предоставлен весьма удобный для занятия сельским хозяйством район — Тоогэнский край с его богатейшими ресурсами, мало населенный, обещающий богатые возможности всем, кто приложит там свой труд». Отмечалось также, что «российские эмигранты-харбинцы в большом числе откликнулись на призыв к переселению в Тоогэнский край». Широкое содействие японским властям в деле переселения оказывал Переселенческий Отдел ГБРЭМ, благодаря чему «в пустынных ранее тоогенских лесах закипела творческая созидательная работа», был заложен «фундамент будущего благополучия переселенцев». Кроме того, подчеркивалось, что «общегосударственная значимость нового района приложения труда российских эмигрантов будет значительной»²¹.

Советские представители были убеждены в том, что таким образом ЯВМ стремилась очистить крупные города от русской эмиграции, которой японские власти все же не доверяли. Как отмечал в одном из своих отчетов консул Забелин, «объединение и контроль над торгово-промышленной деятельностью эмиграции и переселение эмигрантов на землю должно поставить ее экономическую деятельность на службу Японии, а, в конечном счете, привести к потере эмиграцией своего довольно влиятельного положения в торгово-промышленной сфере таких городов как Харбин, Хайлар, Муданьцзян и др.»²².

Эмигранты продолжали оказывать пассивное сопротивление ограничительным мерам японских властей. Это выражалось в невыполнении предписаний по противоздушной обороне, насмешках над вводимой формой одежды но, в то же время, приводило к полуголодному существованию эмигрантов и их семей²³.

Соппротивление эмиграции раздражало представителей японских властей. Генерал-майор Дои в своих выступлениях перед эмигрантами переходил к открытым угрозам. Например, в ноябре 1943 г., выступая на выпускном вечере Северо-Маньчжурского университета, он заявил: «Вы должны твердо помнить, что Ваша судьба, Ваше горе и радости, жизнь или смерть тесно связаны с империей Ниппон и ее судьба является Вашей судьбой... Мой основной принцип таков: тем, кто идет по одному пути с Ниппон предоставляются все возможности во всех отношениях, а являющихся ненадежным элементом или нежелающих идти с нами — ждут самые решительные меры»²⁴. Позже, на общеэмигрантском собрании в Харбине Дои коснулся вопроса о введении пресловутых значков и отношении эмигрантов к ним как к «собачьим номерам», откровенно заявив, что «сейчас нужно выяснить, кто враг и кто друг и тогда враг получит наказание, а друг награду»²⁵.

Угрозы Дои нашли практическое подтверждение в многочисленных арестах, проведенных жандармерией в конце 1943 года. Например, в Маньчжурии было арестовано десять человек²⁶.

Подобные шаги ЯВМ вызывали недовольство не только русских эмигрантов, но и советской стороны. В СССР считали, что действия ЯВМ прямо противоречили советско-японскому договору о нейтралитете²⁷, поскольку призывали «к осуществлению национальных чаяний белой эмиграции и к возрождению старой России», а также к подготовке «военных кадров белой эмиграции с определенным назначением против Советского Союза»²⁸.

Однако японское руководство на эти протесты не реагировало. Более того, поскольку режим советской колонии был тесно связан с положением эмиграции, ЯВМ пыталась ограничить права и тех русских, которые имели советский паспорт. Японские власти не раз проводили кампании против советских граждан, принуждая их к переходу в эмиграцию, а для эмигрантов, желающих получить советское гражданство, вводился режим террора с целью сохранения ими своего эмигрантского положения²⁹. Тех, кто принял советское гражданство, увольняли с работы, их детей исключали из школ, многих лишали элементарных имущественных прав, препятствовали торгово-промышленной деятельности и т.д.

Одним из самых действенных, по мнению японских властей, методов борьбы с распространением просоветских настроений среди эмиграции, с одной стороны, и ограничением прав советских граждан — с другой, была насильственная депортация последних³⁰. О насильственной высылке советских граждан из Маньчжоу-Го в Советский Союз заместителям наркома иностранных дел В.Г. Деканозову и С.А. Лозовскому подробно сообщал генеральный консул СССР в Харбине Г.И. Павлычев.

Первый случай групповой депортации произошел в конце 1942 года. Из Маньчжурии были высланы советские граждане Г.В. Раппопорт с женой и дочерью и В.Г. Гурин с женой и двумя сыновьями. Они еще в конце 1941 г. были арестованы и находились в тюрьме. Советское консульство неоднократно запрашивало объяснения причин их ареста и требовало освобождения. В конце концов, маньчжурские власти решили их выслать и запросили на них въездные визы в СССР. Однако после того, как наркоминдел отказался выдать визы, маньчжурские власти заявили, что они насильственно депортируют данных граждан. Тогда Генеральное консульство СССР по указанию НКВД заявило по этому поводу протест. Но, несмотря на это, 28 ноября 1942 г. семьи были насильственным путем депортированы через границу³¹.

Второй случай имел место в феврале 1943 года. 16 февраля заместитель уполномоченного МИД Японии Оиси заявил вице-консулу Генерального консульства СССР в Харбине В.А. Сошникову, что советские граждане А.В. Виноградова и А.И. Коган, получившие советское гражданство в конце 1942 г.,

по решению правительства Маньчжоу-Го «за вредные действия против японо-маньчжурских властей» высылаются из пределов Маньчжоу-Го. Им назначили 3-недельный срок, в течение которого они должны были выехать в СССР. В случае, если советское правительство в течение указанного срока не выдавало им визы на въезд, им угрожала насильственная депортация. Оиси заявил, что «Правительство Маньчжоу-Го в связи с создавшейся в Европе обстановкой, когда ряд правительств не находится в пределах своих стран, решило в случаях получения бесподданными, эмигрантами или гражданами Маньчжоу-Го подданства какой-либо другой страны, а также в случаях изменения подданства иностранцами, проживающими на территории Маньчжоу-Го, не разрешать их дальнейшее проживание в Маньчжоу-Го. Для въезда их в страну, гражданство которой они получают, и устройства их личных дел этим лицам будет дан трехнедельный срок. По истечении данного срока они будут принудительно высланы из Маньчжоу-Го». Об этом Оиси просил довести до сведения советского правительства³². На это Павлычев по указанию НКВД 8 марта 1943 г. сделал устное заявление, согласно которому Генеральное консульство СССР не признавало правильной позицию японо-маньчжурских властей, касающуюся оформления выходцами из СССР своего гражданства, и квалифицируемого японской стороной как преступление. Кроме того, по поручению советского правительства, Павлычев заявил протест против намерения японо-маньчжурских властей выслать из Маньчжурии советских граждан в принудительном порядке. Это мероприятие советскими властями расценивалось недопустимым, поскольку высылаемые лица до оформления своего гражданства считались маньчжурскими властями вполне лояльными и стали «нежелательными и опасными элементами» с того момента, как они оформили свою гражданскую принадлежность к СССР, то есть к стране; выходцами из которой они являлись по своему происхождению и, как подчеркивал Генконсул, «с которой Япония находилась в нормальных отношениях»³³. Генеральное консульство СССР также настаивало на пересмотре маньчжурскими властями их решения о высылке советских граждан Виноградовой и Коган. Однако, несмотря на заявленный протест, японские власти их депортировали.

В дальнейшем политика в отношении советских граждан ужесточалась. Примером может служить высылка семьи Шатровых. 15 апреля 1943 г. полицейское управление Харбина вызвало Н.В. Шатрова и А.Н. Лебедеву. Им было заявлено, что, «так как они в течение 2-х лет скрывали свое ходатайство о советском гражданстве, то в связи с этим в 10-дневный срок они должны покинуть пределы Маньчжоу-Го или они будут насильно депортированы». При этом им сообщалось, что если они выедут в указанный срок, то им будет предоставлена возможность распорядиться своим имуществом, при депортации же они потеряют на него право³⁴.

Если в первом и втором случаях депортации маньчжурские власти мотивировали свое решение «антиправительственной деятельностью» или наличием «вредных действий против японо-маньчжурских властей» со стороны русских, имеющих советский паспорт, и официально через Генконсульство СССР в Харбине информировали о высылке, то в последнем случае маньчжурские власти уже не выдвигали никаких мотивов. Достаточным основанием являлось лишь то, что русские эмигранты «в течение 2-х лет скрывали свое ходатайство о советском гражданстве». Более того, на этот раз власти официально не известили Генконсульство СССР в Харбине о высылке, как они делали раньше, стремясь таким образом поставить советских представителей уже перед свершившимся фактом³⁵.

Учитывая эти обстоятельства, а также то, что маньчжурские власти, несмотря на протесты советской стороны, все чаще и чаще прибегали к практике

депортации советских граждан, Павлычев предлагал НКВД пересмотреть свое отношение к этому вопросу. В своей записке, направленной в конце мая 1943 г. заместителям народного комиссара иностранных дел Деканозову и Лозовскому он указывал: «Есть все основания полагать, что японо-маньчжуры встали на путь депортирования (так в документе. — *Е.Н.*) советских граждан, надеясь на то, что мы не будем выдавать им виз на въезд в СССР. После первого случая они убедились в этом окончательно и решили применить этот метод в качестве воздействия как на советских граждан, так и на эмиграцию. Чтобы лишить японо-маньчжур возможности в дальнейшем практиковать депортирование и высылку советских граждан из пределов Маньчжоу-Го в СССР, необходимо, по нашему мнению, разрешить выдачу въездных в СССР виз высылаемым советским гражданам, а также показать японо-маньчжурам, что вопреки их мерам мы намерены принимать часть эмигрантов, возбудивших ходатайство, в советское гражданство. Нет никакого сомнения в том, что первые же случаи выдачи нами въездных в СССР виз высылаемым из Маньчжоу-Го советским гражданам значительно усилят оборонческие настроения и дадут обратные результаты тем, которые преследуют японо-маньчжурские власти депортированием. В результате японо-маньчжуры вынуждены будут отказаться от высылки и депортирования советских граждан»³⁶. При этом Павлычев учитывал «опасность засылки» в Советский Союз «нежелательных элементов» и предлагал принять следующие меры: выдать одной-двум группам советских граждан, высылаемых из Маньчжоу-Го въездные визы в СССР; положительно рассмотреть вопрос о приеме в советское гражданство небольшой группы эмигрантов (10—15 чел.), поручить Генконсульству специально проследить, какое влияние эти мероприятия окажут на эмигрантов, особенно это касалось дальнейшего роста оборонческих настроений, подачи заявлений о приеме в советское гражданство со стороны эмигрантов и др.³⁷

Советские представители прекрасно понимали, что японские власти не могли улучшить режим местной советской колонии без того, чтобы это сразу не отразилось на настроениях эмиграции, поэтому считали, что «только искренний отказ японцев от своей антисоветской политики может привести к заметному улучшению режима советской колонии в Маньчжоу-Го»³⁸.

В целом политика японских властей как в отношении эмиграции, так и в отношении советских граждан справедливо оценивалась советской стороной как «крайне враждебная», противоречащая заключенным соглашениям, а также «неоднократным заявлениям официальных представителей японского правительства о проведении дружелюбной политики в отношении СССР». Это, в свою очередь, способствовало принятию решения о целесообразности при каждом удобном случае указывать японскому руководству на недопустимость подобных действий и противоречии официальным заявлениям японского правительства о проведении искренней политики добрососедства в отношении СССР³⁹. Тем не менее, политика, принятая японскими властями в отношении русских в Маньчжурии, сохранялась на протяжении всей второй мировой войны. Более того, с ухудшением для Японии ситуации на фронтах ограничения прав русской эмиграции и советских граждан, проживавших на территории Маньчжоу-Го, лишь усиливались.

Что касается политико-правового положения русских эмигрантов в Шанхае во время второй мировой войны, то оно имело свою специфику и зависело от исторически сложившегося особого статуса города.

В 1937 г. японская оккупация в значительной мере изменила положение русской эмиграции в Шанхае. По мнению эмигранта В. Смольникова, «Шанхай невоенный город, и в этом смысле совершенно беззащитен. Японцы оккупировали его, но военных действий в нем никогда не вели. В этом городе жили

“лица вражеской национальности”, но не было вражеской армии, поэтому и воевать там японцам было не с кем. Японская армия держала в своих руках город, но его жителей не трогала»⁴⁰.

В 1937—1941 гг. в Шанхае действительно было относительно безопасно для иностранцев. Такая ситуация сложилась потому, что между Японией, Англией, США и другими странами еще не произошло открытого конфликта. Международный сеттльмент и Французская концессия сохранили собственное управление в виде Муниципального совета и Бюро по общественным делам⁴¹. Однако положение изменилось после 8 декабря 1941 г. — нападения Японии на США.

Начало репрессий не заставило себя ждать. Неудобные граждане интернировались в концлагеря. За время оккупации было построено пять концлагерей: четыре для гражданских лиц, пятый — для военнопленных. Из русских эмигрантов в концлагеря попадали в основном русские женщины, вышедшие замуж за американцев⁴².

В то же время правовое положение советских граждан в Шанхае существенно отличалось от положения их соотечественников в Маньчжурии. Русские, имевшие советское гражданство, могли собираться в Обществе граждан СССР, слушали радио и были в курсе всех событий на фронте⁴³.

Еще осенью 1937 г. русские эмигранты в Шанхае организовали «Общество за возвращение на Родину». «Возвращенцы», как их называли, издавали газету — «Возвращение на Родину»⁴⁴. Главная цель союза заключалась в содействии эмигрантам в получении советского гражданства и выезде в СССР. Это было особенно важно, так как русские, заявившие о своем желании получить советское гражданство, но пока не получившие его, официально не считались советскими гражданами. Их еще не принимали советские граждане, и уже не принимали эмигранты. Поэтому им требовалась поддержка. Уже через полгода после основания Союза около 400 эмигрантов направили коллективное письмо в адрес Верховного Совета СССР с просьбой о выдаче советских паспортов и разрешении вернуться на Родину⁴⁵.

Для руководства эмигрантами в марте 1938 г. было создано Бюро управления русской эмиграции под руководством японских оккупационных властей. Все члены русского эмигрантского комитета должны были пройти в нем регистрацию. Кроме того, в генконсульстве Японии в Шанхае был открыт Отдел по русским делам. Всем русским эмигрантам, кроме тех, у кого имелись свидетельства о регистрации и паспорта, предписывалось приобрести особые удостоверения личности, так называемые «Пасс». Кроме того, все документы должны были быть переведены на японский язык⁴⁶.

Цель этих мероприятий заключалась в попытке установления политического контроля над эмиграцией.

С получением сведений о победах советской армии движение за возвращение на Родину усилилось. По данным советского внешнеполитического ведомства, из 23 тыс. русских эмигрантов, проживающих в Шанхае, 20 тыс. чел. в 1943 г. подали ходатайства о восстановлении советского гражданства⁴⁷.

Этому в немалой степени способствовала и общая международная обстановка, касающаяся Китая и непосредственно Шанхая: отказ правительств Франции, Великобритании и США от прав экстерриториальности в Китае. Такое решение было принято в конце ноября 1943 г. на встрече глав трех держав — Китая, США и Великобритании — в Каире. Было также заявлено о ликвидации иностранных концессий в Китае⁴⁸. В результате в Шанхае прекратили существование Международный сеттльмент и Французская концессия. Русские эмигранты, в большинстве своем проживавшие на их территории, оказались под властью новой китайской администрации, проводившей политику, угод-

ную японским оккупационным властям⁴⁹. Многие потеряли работу. По утверждению Н. Старосельской, «эта безработица явилась одной из главных причин возвращения русских на Родину». Людям казалось, что в Китае у них больше нет будущего⁵⁰.

Однако получить советский паспорт в Шанхае во время войны оказалось делом весьма трудным и практически невыполнимым. Еще 24 сентября 1939 г. советский консул М.А. Константинов вместе с вице-консулом В.В. Зиминым покинули Шанхай, отбыв в Японию. Всеми делами, связанными с Генконсульством СССР в Шанхае, стало заниматься Генконсульство Норвегии. Лишь по окончании второй мировой войны в Шанхай прибыл новый советский Генконсул Ф.П. Халин. Однако он приступил к своим обязанностям только 29 мая 1946 года. До этого времени русские эмигранты вынуждены были подавать заявления на получение советского паспорта в Посольство СССР в Токио⁵¹.

Разумеется, не вся русская эмиграция в Шанхае стремилась получить советское гражданство. Как и в других центрах русского рассеяния, здесь наблюдался внутренний раскол. Показательным можно считать принятие Советом правления Русского эмигрантского комитета решения о лишении защиты тех эмигрантов, которые работали «на укрепление советской власти». Для этого было специально проведено собрание 17 октября 1941 года. Фактически их лишили статуса эмигранта, их удостоверения личности изымались⁵².

Подобные мероприятия эмигрантских организаций, а также политика оккупационных властей и общая международная ситуация способствовали дальнейшему росту возвращенческих настроений шанхайской ветви русской эмиграции. Советское же руководство после отъезда своих консулов из Шанхая не имело возможности изменить ситуацию.

В другом крупном центре русской эмиграции — на северо-западе страны, в Синьцзяне — вопросы правового положения русской диаспоры накануне и во время второй мировой войны оказались тесно связаны с особенностями внутривластной ситуации в провинции. Кроме того, одним из важнейших факторов, который оказывал серьезное влияние на положение русских эмигрантов, были международные противоречия в регионе, обострившиеся в тот период. Другим не менее значимым фактором стал национальный. Ситуация в Синьцзяне издавна характеризовалась всплесками противостояния китайских властей и представителей неханьских народов, исповедовавших ислам. В 1930-х — первой половине 1940-х гг. русские эмигранты оказались втянутыми во все тонкости сложного переплетения политических игр, а также особенностей национального противостояния в провинции.

Наиболее явно это проявилось во время подавления мусульманского восстания 1931—1934 годов. Выступая на стороне правительственных войск, эмигранты надеялись на улучшение своего политико-правового положения. После восстания им действительно удалось этого добиться. В Синьцзяне начали работу Съезды народных представителей. Представители русской диаспоры (их называли «гуйхуацзюнь» — натурализовавшиеся русские) принимали участие в работе съездов в 1934, 1935 и 1938 годах. Несмотря на то, что съезды являлись совещательным органом, их решения могли утверждаться правительством⁵³. На 2-м Съезде был принят документ, в котором конкретизовывались классификация по национальному признаку и названия национальностей, проживающих в пределах Синьцзяна. В списке 13 национальностей были и русские. Это означало их официальное признание и свидетельствовало об утвердившемся национальном равноправии в Синьцзяне.

Кроме того, во всех административных единицах провинции были образованы Союзы народов Синьцзяна, в которые также вошли представители русских эмигрантов⁵⁴. Несмотря на очевидную политическую слабость этого орга-

на власти, участие русских в работе съездов подтверждало их равные права с представителями других национальностей провинции.

В этот же период была введена строгая система паспортизации всего русского населения⁵⁵.

Однако с началом второй мировой войны политика властей в отношении русских стала меняться. Многие были арестованы и брошены в тюрьму, где подверглись истязаниям. По приказу губернатора провинции Шен Шицая были убиты русские офицеры, выступавшие на стороне правительства в 1931—1934 гг., репрессированы русские служащие правительственного аппарата, купцы и т.д. Начались массовые увольнения русских сотрудников правительственного аппарата, инженеров и техников, занятых на местных промышленных предприятиях, врачей и медсестер. Русские эмигранты искали другую работу, которая подчас оказывалась более трудоемкой и менее оплачиваемой. В частности, русские женщины вынуждены были наниматься уборщицами. По мнению китайских исследователей, «профессия уборщицы стала чуть ли не “особой привилегией” русских женщин»⁵⁶.

Эмигранты облагались дополнительными налогами и повинностями, в том числе, трудовыми: выполняли работу на строительстве казарм, артиллерийских бастионов, оборонительных сооружений, аэродрома, возили кирпич, цемент, щебень, продовольствие и фураж для армии⁵⁷.

Ограничивалась общественная жизнь. Например, было закрыто Русское культурно-просветительское общество, перестала выходить эмигрантская газета «Голос народа», из-за отсутствия финансирования закрывались русские школы⁵⁸.

Ограничение прав и разгул реакции вызывали недовольство и разочарование. В создавшихся условиях эмигранты принимали решение о принятии советского гражданства, надеясь таким образом получить защиту представителей СССР.

Как отмечает в своих воспоминаниях русский эмигрант Ю. Понькин, «в 1940-м году в Урумчи среди русских стало модным регистрироваться в советском консульстве, у которого стали собираться очереди желающих получить советский паспорт. Многие делали это из-за боязни террора, установленного дубанем⁵⁹, и не видели для себя будущего в Сынцзяне»⁶⁰. По мнению другого эмигранта — В.М. Уразовского — к середине 1940-х гг. большинство русских семей, проживавших в г. Кульджа, имели советское гражданство⁶¹.

Однако оставались и те, кто пока не спешил принимать решение о получении советского гражданства. Понькин вспоминал следующий случай: «Однажды наша любезная квартирантка Бехтеева спросила мою жену: “Вы уже зарегистрировались?” На что Юлия ответила, что у нее нет времени стоять в таких длинных очередях. На что Евгения Ивановна заметила: “Необязательно стоять в очереди. Знаете, там слева есть особая дверь, постучите в нее и Вам откроют. Секретарь Вас тотчас же примет”. Жена поблагодарила ее за такую “ценную” информацию и перевела разговор на другую тему»⁶².

Существенное влияние на настроения эмигрантов оказывало очередное обострение политической ситуации в провинции, связанное не только с усилением авторитарной власти губернатора, но и с ухудшением обстановки на границе с СССР, которая была достаточно прозрачной, что, впрочем, являлось традиционным для этого региона.

К середине 1943 г. в приграничных областях наметилась тенденция к переходу границы в сторону Китая советских граждан уйгурской, дунганской и других национальностей с целью уклонения от призыва в армию или на трудовые работы, некоторые добивались выезда из СССР, освобождения от налогов и других государственных обязательств. Следует отметить, что этому способствовала и деятельность китайского консула в Алма-Ате Инькень Ху, который

выдавал советским гражданам китайские паспорта на основании фиктивных справок о гражданстве, заверенных печатями сельских исполкомов, колхозов. По сведениям НКВД Казахской ССР в течение мая-июня 1943 г. таким путем было выдано более 400 паспортов⁶³.

14 сентября 1943 г. Главным Управлением Милиции НКВД Казахской ССР было дано указание — не выдавать визы на жительство к китайским паспортам, выданным советским гражданам, паспорта задерживать и направлять в Главное Управление Милиции для опротестования (о незаконных действиях китайского консула информировать уполномоченного НКВД в Алматы). Управлением Милиции НКВД были приняты меры к изъятию незаконно полученных китайских паспортов и привлечению их владельцев к уголовной ответственности. Кроме того, военному комиссариату Казахской ССР было приказано проверить деятельность ОВИР⁶⁴.

Уходили в Синьцзян и с территории Таджикской ССР. Для предотвращения этого и «улучшения руководства пограничными отрядами» на участке таджикской границы был организован Округ пограничных войск НКВД. Однако в течение 1943 г. на участке при попытке к переходу границы было задержано 33 эмигрантские группы общей численностью 209 чел. и арестован 281 чел. по подозрению в измене Родине, ликвидировано 9 бандитских группировок общей численностью 91 человек⁶⁵.

Притеснения эмигрантов, репрессии, а также недовольство мусульманской части населения Синьцзяна привели к новому восстанию в провинции, разгоревшемуся в 1944 году. На этот раз русские без колебаний приняли сторону восставших. По мнению генерального секретаря НПС⁶⁶ Шао Лицзы, «восстание могло случиться в обстановке прекращения советско-китайских торговых связей и ухудшения в такой обстановке положения белых»⁶⁷. Он также отмечал, что причина этого заключалась в «неправильной» политике синьцзянских властей в отношении русской эмиграции вообще. Кроме того, он советовал и советской стороне изменить, наконец, отношение к ней и разрешить русским эмигрантам въезд в СССР. При этом китайские власти предлагали выкупить их недвижимость по справедливой цене. Они считали, что только после выезда русских из провинции ситуация в Синьцзяне стабилизируется⁶⁸. В связи с этим Шао Лицзы специально интересовался у советского руководства порядком восстановления белых в гражданстве СССР.

Поражение восстания, окончание второй мировой войны и образование в 1949 г. КНР заставили многих эмигрантов пересмотреть свое отношение к СССР. Они стали обращаться в советское консульство с целью получить советское гражданство⁶⁹. Те, кто так и не принял коммунистической идеологии и не собирался уезжать в СССР, оставаться в Китае больше не могли и вынуждены были покинуть страну.

Таким образом, политико-правовое положение русской эмиграции в Китае во время второй мировой войны было неоднозначным. В каждом из основных центров эмиграции оно определялось целым рядом объективных и субъективных факторов.

Специфика правового положения русских в Маньчжурии состояла в ее прямой зависимости от советско-японских противоречий на Дальнем Востоке и от двойственности, несмотря на заключенные договоры, отношений двух государств в целом. Правовое положение русских эмигрантов в Шанхае определялось особенностями политического статуса города, на который, в свою очередь, оказывала серьезное влияние общая международная обстановка. На политико-правовой статус русских эмигрантов в Синьцзяне влияли особенности внутривнутриполитического положения, нестабильность этноконфессиональных и межэтнических отношений в провинции, а также общая международная ситуация в регионе.

1. АБЛАЖЕЙ Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск. 2007; АБЛОВА Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск. 1999, ЕЕ ЖЕ. Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск. 2007; АУРИЛЕНЕ Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920—1950-е гг. Хабаровск. 2008; КРОТОВА М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920—1930-е гг.). СПб. 2014; КУЛИКОВА Н.В. Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае: (1917—1931 гг.): Дис. канд. ист. наук. Хабаровск. 2005; ЛАГОДЗИНСКАЯ Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев. — Вопросы российского и международного права. 2012, №3—4, с. 132—144; МЕЛИХОВ Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925—1932. М. 2007; ВАН ЧЖИЧЕН. Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай. 2010; Правовое положение русской эмиграции в 1920—1930-е гг. Сб. научных трудов. СПб. 2006.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 0146, оп. 26, п. 247, д. 16, л. 18.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же, ф. 0146, оп. 26, п. 247, д. 18, л. 55. Имеется ввиду широкое движение за возвращение на Родину, развернувшееся в Шанхае в 1943 году.
6. Там же, л. 63.
7. АВП РФ, ф. 0146, оп. 26, п. 247, д. 16, л. 19.
8. Там же, д. 18, л. 26.
9. АУРИЛЕНЕ Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920—1950-е гг.) Хабаровск. 2008, с. 64.
10. Главное Бюро по делам Российских Эмигрантов в Маньчжурской империи. Создано 28 декабря 1934 году. В него входили видные представители эмигрантских кругов. БРЭМ был наделен особыми административными полномочиями в отношении российских эмигрантов.
11. АУРИЛЕНЕ Е.Е. Ук. соч., с. 61.
12. АВП РФ, ф. 0146, оп. 28, п. 258, д. 27, л. 25.
13. Там же, л. 26.
14. Там же.
15. Там же, л. 38.
16. Там же, л. 37.
17. АВП РФ, ф. 0146, оп. 26, п. 247, д. 18, л. 60.
18. Там же, л. 61.
19. АВП РФ, ф. 0146, оп. 28, п. 258, д. 27, л. 35.
20. Там же.
21. ГОРОХОВ В. Главное Бюро по делам российских эмигрантов. Обзор деятельности за год. — Луч Азии. 1944, № 14/125, с. 23.
22. АВП РФ, ф. 0146, оп. 28, п. 258, д. 27, л. 36.
23. Там же, оп. 26, п. 247, д. 18, л. 61.
24. Там же, л. 62.
25. Там же.
26. Там же.
27. Имеется ввиду Пакт о нейтралитете, подписанный в Москве 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией. Согласно пакту, стороны обязались поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. Был денонсирован СССР 5 апреля 1945 года.
28. АВП РФ, ф. 0146, оп. 26, п. 247, д. 18, л. 63.
29. Там же, оп. 28, п. 258, д. 27, л. 36, 37.
30. Там же, л. 36.
31. Там же, оп. 26, п. 247, д. 18, л. 27.
32. Там же.
33. Там же, л. 28.

34. Там же.
35. Там же, л. 29.
36. Там же.
37. Там же, л. 30.
38. Там же, ф. 0146, оп. 28, п. 258, д. 27, л. 37.
39. Там же, л. 38, 39.
40. Цит. по: СТАРОСЕЛЬСКАЯ Н.Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М. 2006, с. 237.
41. ВАН ЧЖИЧЕН. История русской эмиграции в Шанхае. М. 2008, с. 101.
42. СТАРОСЕЛЬСКАЯ Н.Д. Ук. соч., с. 240.
43. Там же, с. 238.
44. Там же, с. 214.
45. ВАН ЧЖИЧЕН. История русской эмиграции..., с. 108—109.
46. Там же, с. 254, 266.
47. АВП РФ, ф. 0146, оп. 26, п. 247, д. 18, л. 54.
48. Каирская конференция 1943 г. — англо-американо-китайская встреча президента США Ф. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У. Черчилля и генерал-лиссимуса Чан Кайши при участии соответствующих военных и дипломатических советников состоялась в Каире в конце ноября, накануне Тегеранской конференции. Официальное коммюнике, опубликованное в Каире 1 декабря 1943 г., свидетельствовало, что военные миссии перечисленных государств «договорились о будущих военных операциях против Японии», которые должны будут обеспечить ее безоговорочную капитуляцию. Наряду с выработкой военных планов конференция обсудила некоторые политические принципы, которые, по словам Рузвельта, должны были «обеспечить мир на Дальнем Востоке для многих будущих поколений». В Декларации указывалось, что США, Англия и Китай ведут войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии, провозглашалась цель союзников, состоявшая в том, чтобы лишить Японию всех захваченных территории, в том числе, островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны, а также в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла от Китая, как, например, Маньчжурия (Северо-Восточный Китай), Формоза (о. Тайвань) и Пескадорские острова, были возвращены Китайской Республике.
49. АУРИЛЕНЕ Е.Е. Ук., соч., с. 177.
50. СТАРОСЕЛЬСКАЯ Н.Д. Ук. соч., с. 241.
51. ВАН ЧЖИЧЕН. История русской эмиграции..., с. 162, 197.
52. Там же, с. 196.
53. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 25895, оп. 1, д. 955, л. 134.
54. Этнические русские в Китае (исторический очерк). Пекин. 1992, с. 29.
55. Там же, с. 63.
56. Там же, с. 58, 62.
57. Там же, с. 63
58. Там же, с. 62.
59. Губернатором.
60. ПОНЬКИН Ю. Путь отца. Россия — Китай — Австралия. Сидней. 1997, с. 142.
61. УРАЗОВСКИЙ В.М. Звезда — полынь. <http://www.proza.ru/2011/07/02/151>.
62. ПОНЬКИН Ю. Ук. соч., с. 142.
63. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9401, оп. 2, д. 69, л. 55.
64. Там же, л. 55—56.
65. Там же, л. 81.
66. Национальный политический совет Китая.
67. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М. 2010, с. 177.
68. Там же, с. 178.
69. ГА РФ, ф. 9401, оп. 2., д. 105, л. 239.

Баптисты и евангельские христиане Среднего Поволжья и Приуралья в годы первой мировой войны

А.А. Машковцев

Аннотация. В статье рассмотрены взаимоотношения баптистов и евангельских христиан с органами государственной власти и православным духовенством на территории Среднего Поволжья и Приуралья. Автор проанализировал причины резкого ухудшения положения российских баптистов в годы первой мировой войны, а также показал основные формы преследований представителей евангельского движения в данный хронологический период.

Ключевые слова: баптизм, Русская православная церковь, первая мировая война, конфессиональная политика, органы государственной власти, свобода совести.

Abstract. The article describes the relationship between Baptists and evangelical Christians with public authorities and the Orthodox clergy in the territory of the Middle Volga and Urals. The author has analyzed the reasons for the sharp deterioration in Russian Baptists during the First World War, and also revealed the main forms of persecution of representatives of the evangelical movement in this chronological period.

Key words: the Baptism, Russian Orthodox Church, the First World War, confessional politics, interfaith relations, public authorities, freedom of conscience.

Начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война крайне негативно отразилась на положении ряда религиозных меньшинств России. Рост шовинизма и анти-немецких настроений резко ухудшили статус Евангелическо-лютеранской церкви, ранее никогда не подвергавшейся гонениям со стороны российских властей. В достаточно тяжелом положении оказались и баптисты, обвиненные в политической нелояльности и бойкоте воинской повинности.

Ужесточение конфессионального курса в отношении баптистов и родственных им евангельских христиан произошло не сразу после начала боевых действий. Лидеры российского баптизма уже в первые дни войны открыто выразили свои верноподданнические чувства. 1 августа 1914 г. они обратились с призывом к единоверцам «собрать... всех прихожан для искренней молитвы о государе императоре... и о всем царствующем доме, а также о его императорском высочестве главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче и о Машковцев Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета. Киров. E-mail: wikmal116@rambler.ru.

Mashkovtsev Andrey A. — candidate of historical sciences, associate professor of Vyatka State University of Humanities. Киров. E-mail: wikmal116@rambler.ru.

благословении Господом Богом всей нашей Родины во время этой мировой войны»¹. Эта декларация подкреплялась конкретными действиями. Баптисты и евангельские христиане приняли активное участие в сборе пожертвований для раненых солдат русской армии, отдавали принадлежавшие им помещения под госпитали, содержали работавший в них медицинский персонал за свой счет и пр. Естественно, что власти не могли не учитывать подобных проявлений патриотизма.

Однако уже в конце 1914 г. положение российских баптистов начало быстро ухудшаться. Главной причиной этого стала агрессивная антибаптистская кампания, развернувшаяся в правой прессе, к которой присоединилась и значительная часть православного духовенства. Известный советский историк и религиовед А.И. Клибанов отмечал, что «деятели православной церкви и черной сотни, воспользовавшись разгулом шовинистических настроений, сопровождавшим развертывание военных событий, представляли баптистов, адвентистов, евангельских христиан как немецких агентов, изменников и т. п., выступали в роли провокаторов и без большого труда добивались закрытия общин и судебно-полицейских репрессий против инаковерующих»². С его выводом солидарны и многие современные исследователи российской конфессиональной политики, в частности С.А. Лукьянов, С.Н. Савинский, Н.Н. Ярыгин³.

Документы российских архивов, а также церковная периодика 1914—1917 гг. свидетельствуют о том, что отдельные представители православного клира не только поддержали антибаптистскую кампанию, но зачастую сами выступали инициаторами различных репрессивных акций, направленных против евангельского движения. И руководство Святейшего Синода, и многие рядовые священники считали, что необходимо использовать благоприятную возможность для нанесения ответного удара по баптистам, постоянно пополнявшим свои ряды за счет православных верующих и жестко критиковавших официальную Церковь.

Православный клир выдвигал против баптистов два основных обвинения. В первом заявлялось о их нелояльности к власти и стремлении изменить существовавший в России общественно-политический строй. 23 декабря 1914 г. обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер, отвечая на запрос руководства Департамента полиции МВД о связи баптистов и других русских протестантов с революционным движением, писал: «Несомненно, однако, что в учении рационалистического сектанства имеются лозунги, благоприятствующие распространению указанного (революционного. — А.М.) движения. Отвергая руководство Церкви... и признавая единственно правильным личный принцип в понимании Священного Писания, сектанты-рационалисты толкуют Слово Божье крайне произвольно, а поэтому неудивительно, что по воззрению некоторых из них многие стороны современного социального и государственного устройства оказываются противоречащими заповедям Христа»⁴. Согласно второму обвинению, российские баптисты симпатизировали кайзеровской Германии и не желали воевать против немцев в рядах русской армии.

Уже в конце осени 1914 г. в церковной прессе началась мощная кампания, направленная против евангельского движения. Первыми в нее включились центральные церковные периодические издания. «В официальном органе Синода “Колокол” от 9 ноября 1914 г. появилась статья “Под огнем и мечом” с обвинениями баптистов в шпионаже в пользу Германии... Статья от 5 декабря 1914 г. называлась “Баптистские кайзерята в Петрограде”», — отмечал Лукьянов⁵. Авторы статей требовали от имперских властей принятия самых жестких мер в отношении баптистов, которые, якобы, не скрывают своих симпатий к врагу.

Кампания, начатая центральной прессой, достаточно быстро была подхвачена провинциальными церковными изданиями. Самое активное участие в ней принимали и газеты, выходившие в Среднем Поволжье и Приуралье. Все они

подчеркивали тесные связи между российскими баптистами и их единоверцами из Германии. По мнению православного клира, поддержка немцами баптизма в России преследовала далеко идущие цели и была призвана подорвать духовные основы русского общества, базирующиеся на православии. Утверждалось, что русские, перешедшие в баптизм, утрачивали не только патриотический дух, но и ментальную связь с самим народом. «...Отпуская на развитие и процветание русского сектантства свои средства, немецкие руководители, конечно, преследовали свои цели, а не спасение своих дорогих братьев. Сектантство обезличивает русского человека и гасит в нем лучшие национальные патриотические чувства. Сектант с большей любовью и сердечностью отнесется к немцу-штундисту, чем к русскому православному человеку, который по его воззрениям есть только язычник. Сектантство калечит русского человека, отрывает и отчуждает его от русского народа», — отмечалось в статье «Русское сектантство и немцы», опубликованной в марте 1915 г. в «Пермских епархиальных ведомостях»⁶.

Еще более серьезные обвинения звучали со страниц «Вятских епархиальных ведомостей». Одна из статей, опубликованных в этой газете в феврале 1916 г. прямо называлась «Русские баптисты — враги русского царя и России». В ней утверждалось, что представители российского евангельского движения фактически являются агентами немецкого влияния и должны всячески содействовать германским планам колонизации России: «Теперь уже, благодаря войне, выяснилось окончательно и доказано документально из немецких источников, что немцы, еще при Бисмарке, задавшись целью завоевать Россию и поработить ее, тратили миллионные суммы на пропаганду среди фабричных и заводских рабочих и среди университетской молодежи в России, побуждая их к забастовкам и беспорядкам. При этом немцы откровенно сознавались, что “для одоления русских необходимо ослабить их дух, то есть православие, а тогда путем колонизации и пропаганды завоевать”». В наше время мы являемся очевидцами, как наши сектанты-баптисты служат слепыми орудиями врагов нашей Родины»⁷. Аналогичные обвинения содержались и в других статьях, опубликованных в «Вятских епархиальных ведомостях» в 1915—1916 годах⁸.

Центральные и региональные власти понимали подоплеку обвинений, выдвигаемых православным клиром в отношении баптистов. «В деле распространения разных слухов, направленных к обвинению штундистов в противогосударственной деятельности, немалую роль, если не главную, играет во многих местах сельское духовенство, которое, будучи бессильно бороться с распространением религиозного учения штундистов..., стремится использовать текущий момент для вызова репрессий по отношению сектантов», — указывал в апреле 1915 г. начальник Киевского губернского жандармского управления в письме местному губернатору⁹. Тем не менее, они фактически пошли на поводу у правоконсервативных сил и официальной церкви, требовавших принятия более жестких и эффективных мер с целью недопущения дальнейшего распространения баптизма. Обращает на себя внимание и то, что резкое ужесточение правительственного курса в отношении евангельского движения произошло в 1915 г., когда русская армия потерпела ряд серьезных поражений и была вынуждена оставить Польшу, Литву, а также часть Латвии, Белоруссии и Волыни. Военные поражения усилили «шпиономанию» и поиск внутреннего врага, а баптисты с их значительными зарубежными связями прекрасно подходили на роль «пятой колонны».

7 марта 1915 г. вышел циркуляр Департамента полиции МВД, подписанный его директором В.А. Брюн-де-Сент-Ипполитом. Этот документ, адресованный начальникам губернских, областных и городских жандармских управлений, фактически повторял обвинения в адрес российских баптистов, выдвинутые правдой и церковной прессой. «Не подлежит сомнению, что меж-

ду разрушительными стремлениями революционеров и колебанием устоев господствующей в России Православной церкви существует тесная связь, так как и те и другие усилия в конечном результате направляются к единственной цели — ниспровержению господствующего в империи строя. Поэтому сектантство в России, объединенное на почве враждебного отношения к православию, искони уже признается, с государственной точки зрения, явлением безусловно вредным», — отмечалось в циркуляре ¹⁰.

В документе также обращалось внимание на зарубежное происхождение баптизма и тесную связь евангельского движения в России с заграничными баптистскими общинами, в частности в Германии. Руководство Департамента полиции, инструктируя региональные жандармские управления, прямо заявляло о том, что русские баптисты являются проводниками германского влияния, а в условиях войны с Германией это было равносильно обвинению в измене Родине: «В возникших в Западной Европе и распространенных затем в России германскими проповедниками лжеучениях адвентистов и штундо-баптистов настолько сильно сказывается влияние Германии, что означенные секты, в особенности баптистская, являются, в сущности, как бы рассадниками германизма в России» ¹¹. Также заявлялось о том, что русские баптисты, не желая воевать со своими единоверцами, бойкотируют воинскую повинность, ссылаясь на свои религиозные убеждения.

В заключении делался вывод о том, что баптизм представляет собой идеологию, крайне враждебную православию и самодержавному строю: «...Нельзя не признать, что баптизм, по условиям переживаемого ныне Россией момента, представляется одним из наиболее вредных сектантских учений» ¹². Местным правоохранительным органам было рекомендовано усилить контроль за деятельностью баптистских общин и жестко пресекать любые проявления политической нелояльности, либо бойкота государственных повинностей со стороны баптистов.

Циркуляр от 7 марта 1915 г. фактически подвел правовое основание под начало жестких репрессий в отношении российских баптистов и евангельских христиан. Их развертыванию способствовали и антибаптистские заявления членов российского правительства. Так, министр внутренних дел Н.Б. Щербаков, выступая 3 августа 1915 г. в Государственной Думе, открыто обвинил баптистов в пацифизме и политической нелояльности ¹³. При этом само понятие «нелояльность» трактовалось местными административно-полицейскими органами достаточно широко и произвольно. Очень часто основаниями для репрессивных акций в отношении баптистов были не реальные факты, а различные слухи и домыслы.

Резкое ужесточение политики в отношении баптистов проявилось, в первую очередь, в закрытии баптистских молелен и снятии с регистрации самих общин. В числе первых были закрыты баптистские молитвенные собрания в столицах. Так, 14 августа 1915 г. запретили баптистские собрания в Петрограде ¹⁴. Далее последовали жесткие административные действия против общин баптистов и евангельских христиан в российской провинции, в том числе и на территории рассматриваемого нами региона.

В Среднем Поволжье и Приуралье под удар полиции первыми попали общины евангельских христиан, функционировавшие в крупных заводских центрах, выпускавших оборонную продукцию. В Пермской губернии таковым являлся Мотовилихинский завод, производивший артиллерийские орудия для русской армии. Здесь еще накануне войны возникла небольшая группа евангельских христиан, развернувшая активную пропаганду среди местных рабочих ¹⁵. Эта деятельность продолжилась и в военное время, причем, по данным Пермского губернского жандармского управления, сектанты неоднократно выступали

с антимилиитаристскими лозунгами. Так, один из активистов местных евангельских христиан Д.Г. Кокорин говорил рабочим: «Мы делаем орудия и снаряды для убийства своих же братьев, ибо Христос заповедовал нам всех называть братьями»¹⁶. В том же ключе высказывался Н.И. Шабунин: «Зачем нам работать? Мы теперь изготавливаем снаряды, чтобы уничтожить своего брата-немца, в которого стрелять не следует»¹⁷. Приводя данные сведения, начальник Пермского губернского жандармского управления полковник Демидов подчеркивал, что на своих закрытых собраниях евангельские христиане могли допускать откровенно прогерманские и антиправительственные высказывания, но доказать это невозможно ввиду отсутствия агентуры, работавшей в этой среде. «Сектанты свили себе гнездо в Мотовилихинском заводе. Сектанты... делают свое дело, прочно закладывая в Мотовилихинском заводе тот фундамент, на котором не замедлит вырасти чрезвычайно опасное, особенно в военное время движение. Результаты их пропаганды скоро скажутся, и эти результаты будут плачевны не только в религиозном, но и в политическом отношении» — отмечал полковник Демидов¹⁸. В результате, собрания евангельских христиан в Мотовилихе были запрещены, а их лидеры и активисты (Кокорин, Шабунин, Н.М. Аристов, Н.М. Александров и М.М. Белов) были высланы из Пермской губернии на основании п. 4 ст. 16 Положения об усиленной охране¹⁹.

В Вятской губернии значительная община евангельских христиан функционировала на Ижевском заводе, являвшемся одним из крупнейших центров производства стрелкового оружия в России. Евангельские христиане появились в Ижевске незадолго до начала первой мировой войны, но смогли добиться ощутимых успехов. К 1914 г. 18 жителей Ижевска официально перешли из православия в евангельское христианство, однако их молитвенные собрания иногда посещало несколько десятков человек²⁰. Православное духовенство Ижевска оказалось неспособным остановить распространение евангелизма, поэтому также попыталось использовать ситуацию военного времени для ликвидации общины евангельских христиан руками светских властей.

2 марта 1916 г. состоялось заседание Сарапульского духовного правления, на котором был заслушан доклад епархиального миссионера Иоанна Маракулина. Священник обвинил евангельских христиан и баптистов в бойкоте воинской повинности, а также в прогерманских настроениях. «Не случайно, что евангельские христиане появились в Ижевске перед войной с немцами. В Вятской губернии немало заводов, но оружейный Ижевский завод — единственный. В нем-то и появились сектанты, отрицавшие войну. Собрания этих сектантов посещаются мобилизованными или состоящими на учете, и конечно эти люди не услышат здесь патриотических речей, но вдоволь наслушаются речей гнилых... Евангельские христиане, разъезжая в конце 1915 г. по Малмыжскому уезду, говорили, что проповедуемая ими вера — единственно истинная и что ее следует принять как можно скорее. Принятие ее неизбежно, так как настоящая война все равно кончится победой Германии и немцы, исповедующие эту веру, будут принуждать принять ее, а упорных будут мучить и казнить»²¹.

Насколько были справедливы обвинения в пацифизме и бойкоте мобилизации? Вероучение евангельских христиан вовсе не запрещало верующим исполнять свой воинский долг. «Мы считаем себя обязанными, когда потребует начальство, нести повинности военной службы», — отмечалось в одном из их доктринальных положений²². В 1915 г. лидер евангельских христиан И.С. Проханов представил правительству записку «О преследованиях евангельских христиан и сродных им христиан во время войны», в которой, по словам Клибанова, «опроверг церковно-черносотенные инсинуации и убедительно показал равное со всеми другими российскими гражданами участие своих последователей в мировой войне»²³. Наконец, даже представители правоохранительных органов,

внимательно следившие за деятельностью протестантов, отвергали обвинения в тотальном бойкоте воинской повинности или в прогерманских настроениях. «Как докладывает мне полицейский пристав Ижевского завода... вредных результатов баптизма в селении при заводе и на нем самом не наблюдается: нет ни распространения революционных идей, ни отрицательного отношения к воинской повинности, ни неповиновения властям, ни приверженности к германизму», — писал сарапульский уездный исправник ²⁴.

Конечно, случаи отказа евангельских христиан от исполнения воинского долга имели место, однако это явление не носило массового характера. По данным Департамента духовных дел иностранных исповеданий, за период с августа 1914 г. по февраль 1917 г. от военной службы уклонилось всего 240 верующих этой конфессии, при том, что их общая численность равнялась примерно 50 тыс. человек ²⁵. В этом отношении евангельские христиане мало чем отличались от адептов других конфессий, среди которых также встречались уклонисты.

Многие вятские евангельские христиане, как и их единоверцы из других губерний Волго-Уральского региона, честно исполняли свой долг перед родиной. Уже в самом начале войны они ушли в армию. К примеру, 18 сентября 1914 г. был призван на военную службу Елисей Фалалеев, являвшийся руководителем евангелистской общины в с. Верхняя Слудка Малмыжского уезда Вятской губернии. Именно Фалалеев считался наиболее активным распространителем евангелизма в крае. По отзыву вятского губернатора, «Елисей Фалалеев, находясь до мобилизации дома, высказывал среди своих единомышленников (пацифистские. — *А. М.*) взгляды на употребление оружия против врагов Отечества, ссылаясь при этом на Евангелие» ²⁶. Несмотря на это, Фалалеев не отказался от призыва, правда, военную службу он проходил не в действующей армии, а в одной из тыловых частей, расквартированных в Белгороде. В боевых действиях на фронте участвовали члены общины евангельских христиан села Ершовка Мамадышского уезда Казанской губернии. Так, сын лидера ершовской общины Гурьяна Фёдорова — Николай — проходил службу в действующей армии в 199-м Кронштадтском пехотном полку ²⁷. Аналогичная ситуация была и в Пермской губернии. В крупнейшей общине евангельских христиан губернии, функционировавшей в с. Рябки Осинского уезда, вообще не было ни одного случая уклонения от военной службы. «...Члены этой секты... утверждают, что они от военной службы вовсе не отказываются, подтверждая эти слова ссылкой на то, что никто из взятых в войска членов их секты от службы не отказывался и многие уже давно находятся на передовой», — отмечал начальник Пермского губернского жандармского управления ²⁸.

Впрочем, факты уклонения евангельских христиан Волго-Уральского региона от военной службы все же имели место, но являлись скорее исключением из правил. К примеру, в Вятской губернии нами было выявлено всего три подобных случая. Они происходили, главным образом, в 1916–1917 гг., то есть в период угасания патриотических настроений. Так, в начале 1916 г. был арестован и предан военно-окружному суду солдат Андрей Андреевич Дресвянников, являвшийся уроженцем с. Верхняя Слудка Малмыжского уезда Вятской губернии. Причиной ареста стало то, что Дресвянников «по религиозным убеждениям отказался от употребления оружия против врагов Отечества» ²⁹. Стоит отметить, что он был призван на военную службу еще 24 октября 1913 г., то есть принадлежность к евангельским христианам вовсе не помешала ему более двух лет носить оружие. Можно предположить, что пацифистские настроения у Дресвянникова возникли под влиянием общего падения морального духа русской армии после крайне неудачной кампании 1915 года.

В июне 1916 г. по той же причине был арестован Василий Русанов, являвшийся уроженцем города Оса Пермской губернии. В 1914 г. он переехал в

Ижевск, устроившись на работу в магазинно-коробочную мастерскую оружейного завода. В Ижевске Русанов познакомился с местными евангельскими христианами и так увлекся их вероучением, что стал активным участником молитвенных собраний, проходивших в доме М.Д. Самоделкина. Однако пребывание в Ижевске оказалось недолгим: весной 1915 года. Русанова мобилизовали на фронт³⁰. Уже находясь в действующей армии, он отказался принимать участие в боевых действиях, мотивируя это своими религиозными убеждениями. На наш взгляд, причиной его отказа воевать послужили вовсе не христианские заповеди, а элементарный страх за свою жизнь. Это косвенно подтверждает и тот факт, что другие члены той же ижевской общины евангельских христиан мужественно сражались на фронтах войны.

Наконец, еще один случай привлечения вятского евангельского христианина к уголовной ответственности за отказ воевать произошел незадолго до Февральской революции. В январе 1917 г. военным судом был осужден солдат Степан Акимов, призванный из деревни Верх. Лудзи Сарапульского уезда³¹. Хотя в данной деревне не было зафиксировано случаев деятельности евангелистских проповедников, Акимов вполне мог столкнуться с ними в других населенных пунктах уезда или даже в армии. Клибанов указывает, что вскоре после начала войны евангельскими христианами была создана «специальная солдатская миссия, пропагандировавшая “евангельскую весть” среди нижних чинов армии и флота»³².

Как отмечалось, случаи бойкота воинской повинности фиксировались не только среди евангельских христиан, но и среди адептов иных конфессиональных групп. В армию отказывались идти и те, кто не мог проливать кровь в силу морально-этических убеждений. Так, в мае 1917 г. отказался воевать один из жителей деревни Пахатно-Ильинской Малмыжского уезда Вятской губернии, являвшийся толстовцем, то есть сторонником идеи непротивления злу насилием. Кроме того, многие призывники причисляли себя к последователям тех или иных пацифистских вероучений (хотя реально таковыми не являлись), надеясь избежать отправки на фронт. Так, в сентябре 1916 г. солдат Гурий Меркушев из деревни Ростовской Нолинского уезда Вятской губернии объявил себя хлыстом и отказался брать в руки оружие. Однако, по отзыву вятского губернатора Н.А. Руднева, Меркушев «за время проживания на родине... под влиянием каких-либо сектантских движений не находился и сектантских собраний не посещал, поскольку таковых в Нолинском уезде не было и нет»³³.

Таким образом, хотя среди евангельских христиан и имели место случаи отказа от участия в боевых действиях, однако нет никаких оснований говорить о тотальном бойкоте ими воинской повинности, а тем более обвинять их в предательстве и пособничестве немцам. Тем не менее, такие обвинения неоднократно звучали и, в первую очередь, из уст православного духовенства, обеспокоенного быстрым распространением баптизма среди адептов РПЦ. Помимо миссионера Иоанна Маракулина подобные инсинуации распространяли и другие священники, а в 1916 г. к ним присоединилось и руководство епархии. Итогом упомянутого совещания Сарапульского духовного правления, состоявшегося 2 марта 1916 г., стало предложение викарного епископа Амвросия «возбудить ходатайство перед вятским губернатором о закрытии сектантского молитвенного собрания в Ижевске ввиду доказанного уже дружественного соглашения этих сектантов с нашими врагами — немцами»³⁴.

Хотя руководство края понимало подоплеку подобных измышлений, тем не менее, оно не могло не учитывать интересов православного духовенства. 5 июля 1916 г. Вятское губернское правление запретило проведение молитвенных собраний евангельских христиан в Ижевске³⁵. Через месяц ижевские протестанты ходатайствовали о возобновлении богослужений, но получили

отказ, который мотивировался тем, что «Ижевский завод производит вооружение для нужд России, участвующей в войне против Германии, а евангельские христиане были объявлены “пособниками” последней»³⁶.

Собрания евангельских христиан и баптистов пресекались не только в заводских поселках, но и в губернских центрах. 25 января 1915 г. в Казани полиция ворвалась в квартиру жены старшего ветеринарного врача 6-й бригады Марии Шпакштейн, где в это время проходило молитвенное собрание евангельских христиан³⁷. Был задержан 21 чел., из которых 6 чел. оказались нижними чинами казанского гарнизона³⁸. Полиция обвинила М. В. Шпакштейн и руководившего молитвенным собранием Я.В. Чебурахина в том, что они, якобы, призывали солдат отказаться от несения воинской службы³⁹. Однако ни свидетельскими показаниями, ни изъятой литературой доказать это обвинение не удалось, поэтому всех задержанных освободили, но наложили на них крупные штрафы. Устроители собрания (Шпакштейн, Чебурахин, В.И. Городилова, Е.М. Суханов и И.Г. Симонова) были оштрафованы на 3 тыс. руб. каждый, а остальные участники — на 1 тыс. 500 рублей⁴⁰. При этом, в случае невозможности уплаты столь крупных сумм, штраф мог быть заменен арестом (на 3 и 1,5 мес. соответственно).

Помимо запрета на проведение молитвенных собраний региональные власти использовали и другие способы давления на евангельских христиан и баптистов. В частности, губернскими жандармскими управлениями осуществлялась перлюстрация их корреспонденции. В первую очередь просматривалась переписка между баптистами, служившими в армии и их единоверцами, оставшимися в тылу. В этих письмах не только нет никаких призывов к бойкоту воинской службы, но, зачастую, содержатся вполне патриотические идеи. «...Мы боремся здесь, проливаем кровь и не щадим свою жизнь, дабы сломить гордого врага и впоследствии найти себе отраду», — писал своему отцу — лидеру ершовской общины Мамадышского уезда Казанской губернии его сын Дмитрий, находившийся на фронте⁴¹.

Кроме того, тщательно проверялась вся переписка баптистов и евангельских христиан с их единоверцами и родственниками за границей. Так, пермская жандармерия отслеживала контакты местных евангельских христиан с Д.В. Костарёвым, эмигрировавшим в США и жившим в г. Баффало (штат Нью-Йорк)⁴². В Вятской губернии правоохранительные органы следили за перепиской баптистов с. Высоково Яранского уезда со своим бывшим земляком Ф.В. Винокуровым, также эмигрировавшим в США⁴³. Негласный контроль над их почтой позволял силовым структурам получать информацию об основных событиях в жизни евангельского движения Волго-Уральского региона в годы первой мировой войны.

Под особым контролем находились немцы-баптисты, небольшое количество которых проживало в регионе, в частности на границе Пермской и Уфимской губерний. К примеру, в феврале 1915 г. было перехвачено письмо из Петрограда, адресованное жительнице Уфимской губернии Маргарите Исаак, в котором содержалась информация о работе баптистских проповедников среди раненых солдат в госпиталях⁴⁴.

Жесткая политика центральных и региональных властей вызывала протесты баптистов и евангельских христиан, которые, как могли, пытались отстаивать свои права. Мы уже упоминали записку лидера евангельских христиан Проханова «О преследованиях евангельских христиан и сродных им христиан в России во время войны», в которой были приведены многочисленные факты преследований за религиозные убеждения. Проханов открыто критиковал действия властей, заявляя о том, что «со дня открытия военных действий, вышеуказанные стеснения прежнего времени увеличились до крайней степени и

перешли в преследования, напоминающие... время Победоносцева и даже еще более отдаленную эпоху русской истории»⁴⁵.

Как и в довоенный период, явное сочувствие евангельскому движению проявляли либеральные и левые партии. Так, 18 июня 1916 г. 30 депутатов Государственной Думы подписали запрос министру внутренних дел Б.В. Штюрмеру. Среди авторов обращения были будущий глава Временного правительства А.Ф. Керенский, а также М.И. Скобелев, В.И. Хаустов, К.-М.Б. Тевкелёв и др. Депутаты требовали дать оценку действий правоохранительных органов, грубо нарушивших права верующих в Омске. «Что министр... намерен предпринять для восстановления нарушенных законных прав баптистов омской общины, привлечения виновных к ответственности и предотвращения подобных неправомерных действий в будущем?» — спрашивалось в запросе⁴⁶.

Сочувствие к баптистам проявляла и либеральная пресса. Заметки о преследованиях религиозных меньшинств публиковали как центральные издания (например, кадетские газеты «Речь» и «Русские ведомости») ⁴⁷, так и региональные газеты, в частности «Вятская речь» ⁴⁸. Однако руководство страны чаще всего игнорировало их мнение, продолжая репрессивный курс в отношении евангельского движения. Радикальная смена конфессиональной политики наступит лишь после Февральской революции 1917 г. и прихода к власти Временного правительства.

Таким образом, в годы первой мировой войны произошло резкое ужесточение конфессиональной политики государства в отношении баптистов и евангельских христиан. Это было связано с давлением правоконсервативных сил и части православного клира, крайне обеспокоенных быстрым распространением баптизма в России, а также его критикой в адрес самодержавия и официальной церкви. Смена религиозного курса проявилась в многочисленных случаях административного произвола в отношении баптистов, происходивших как в центре, так и в российской провинции, в том числе и в Волго-Уральском регионе.

Примечания

1. Гость. 1914, № 9, с. 218.
2. КЛИБАНОВ А.И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). М. 1965, с. 273—274.
3. ЛУКЪЯНОВ С.А. Веротерпимость как принцип религиозной политики в России (XVI—XX вв.). М. 2007, с. 231—233; САВИНСКИЙ С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867—1917 гг.). СПб. 1999, с. 310; ЯРЫГИН Н.Н. Евангельское движение в Волго-Вятском регионе. М. 2004, с. 47.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102, 1914 г., оп. 244, д. 85, л. 3.
5. ЛУКЪЯНОВ С.А. Ук. соч., с. 231.
6. Пермские епархиальные ведомости. 1915, № 8—9, с. 253.
7. Вятские епархиальные ведомости. 1916, № 8, с. 192.
8. Там же, 1915, № 18, с. 605—607; № 32, с. 1000; № 37, с. 1134—1135.
9. Цит. по: КЛИБАНОВ А.И. Ук. соч., с. 274.
10. ГА РФ, ф. 102, 1915 г., оп. 245, д. 85, л. 65.
11. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. 199, оп. 1, д. 1033, л. 1об.
12. ГА РФ, ф. 102, 1915 г., оп. 245, д. 85, л. 66.
13. Государственный архив Пермского края (ГА ПК), ф. 65, оп. 3, д. 347, л. 1об.
14. ГА РФ, ф. 102, 1915 г., оп. 245, д. 132, л. 11.
15. ГА ПК, ф. 664, оп. 1, д. 64, л. 3.
16. Там же, ф. 65, оп. 3, д. 347, л. 12.
17. Там же, л. 10об.

18. Там же, л. 66об.
19. Там же, л. 1в.
20. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 583, оп. 604, д. 132, л. 1—2.
21. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР), ф. 245, оп. 1, д. 6882, л. 112.
22. АНДРЕЕВ И.Д. Баптисты. В кн.: Христианство: энциклопедический словарь. Т. 1. М. 1993, с. 163.
23. КЛИБАНОВ А.И. Ук. соч., с. 274.
24. ГА КО, ф. 583, оп. 604, д. 132, л. 25.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 133, д. 198, л. 102.
26. Там же, ф. 821, оп. 133, д. 326, л. 101об.
27. ГА РФ, ф. 102, 1915 г., оп. 245, д. 94, л. 6б.
28. Там же, л. 5.
29. ГА КО, ф. 583, оп. 604, д. 136, л. 1.
30. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 326, л. 106.
31. Там же, л. 110.
32. КЛИБАНОВ А.И. Ук. соч., с. 274—275.
33. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 326, л. 108.
34. ГАКО, ф. 237, оп. 74, д. 3293, л. 2.
35. Там же, ф. 583, оп. 604, д. 132, л. 46.
36. ЯРЫГИН Н.Н. Ук. соч., с. 47.
37. ГА РФ, ф. 102, 1915 г., оп. 245, д. 132, л. 4.
38. НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 1030, л. 29об.
39. ГА РФ, ф. 102, 1916 г., оп. 246, д. 132, л. 35г.
40. НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 1030, л. 41.
41. ГА РФ, ф. 102, 1915 г., оп. 245, д. 85, л. 149.
42. Там же, д. 94, л. 7б.
43. ГАКО, ф. 270, оп. 1, д. 180, л. 4.
44. ГА РФ, ф. 102, 1915 г., оп. 245, д. 85, л. 59.
45. Цит. по: ЛУКЪЯНОВ С.А. Ук. соч., с. 233—234.
46. ГА РФ, ф. 102, 1916 г., оп. 246, д. 85, л. 63.
47. НИКОЛЬСКАЯ Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905—1991 гг. СПб. 2009, с. 41.
48. Вятская речь. 1916, № 179, с. 3.

Влияние монголо-татарского ига на Древнерусское государство в дореволюционной историографии

В.В. Политов

Аннотация. В работе освещается развитие вопроса о влиянии монголо-татарского ига на социально-политические и экономические институты Северо-Восточной Руси в дореволюционной историографии. Хронологические рамки исследования — от начала зарождения отечественной исторической науки во второй половине XVIII в. вплоть до революции 1917 года. Анализируемая историками проблема укладывается во временной промежуток от похода Батюга на Русь в 1237 г. до начала XVI в., когда осколки прежде единой Золотой Орды перешли под влияние Московского государства. Основное внимание уделено воздействию золотоордынских институтов периода владычества над Русью на ее политические институты: княжескую власть, вече, систему управления, церковь, посольский церемониал и др. Выделяются, главным образом, два магистральных направления в дореволюционной историографии ордынского вопроса: школа Н.М. Карамзина и школа С.М. Соловьёва, каждая из которых имела свой взгляд на характер и роль ордынского фактора в отечественной истории.

Ключевые слова: историография монголо-татарского ига, Золотая Орда, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, Северо-Восточная Русь, княжеская власть, ханский ярлык.

Abstract. the article deals with the development of the influence of the Mongol-Tatar yoke on the socio-political and economic institutions of the North-East of Russia in the pre-revolutionary historiography. Chronological scope of the study from the beginning of the birth of national historical science in the second half of the XVIII century and until the revolution of 1917, the problem being analyzed by historians fit in the time period between Batu's campaign against Russia in 1237 and the start of the XVI century, when the pieces of the formerly united Golden Horde firmly established under the influence of the Moscow State. The focus is on the effects of the Golden Horde period institutions' domination over Russia on its political institutions: the princely power, council, management system, the church, the embassy ceremony, etc. Two main trends in pre-revolutionary Horde issue historiography are mainly distinguished: school of Karamzin and of Solovyov, each of whom had its own view on the nature and role of the Horde factor in the country's history.

Key words: historiography of the Mongol-Tatar yoke, the Golden Horde, N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, North-Eastern Russia, the princely power, Khan's charter.

В среде некоторых национальных историков, главным образом татарских, сформировалось мнение о том, что употребление термина «иго» в отечественной историографии для обозначения почти 250-летнего периода ордынского владычества над Русью является неправомерным,

---

Политов Виталий Викторович — аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: vita-politov@yandex.ru.

Politov Vitaly V. — post-graduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: vita-politov@yandex.ru.

так как данный термин в своей основе подразумевает рабскую зависимость и не совсем корректно отражает историческую действительность. Но в связи с устоявшейся в научной практике традицией в данной работе мы позволим себе использовать этот термин, как наиболее полно отражающий историю татарской политики на Руси в работах дорезолюционных историков. Вопрос о влиянии монголо-татарского владычества на политическую, социально-экономическую и культурную сферу жизни в княжествах Северо-Восточной Руси отражен в летописных сведениях. При обращении к ним важно учитывать тот факт, что большинство из них отличались тенденциозностью, в том числе при описании нашествия Батыя на Русь в 1237 г.: если Ипатьевская летопись, создававшаяся в Южной Руси, крайне негативно рисует татарское завоевание, то Лаврентьевская летопись Суздальского летописца изображает все в сдержанных тонах¹. Поскольку летописи были памятниками официального значения, их составители не могли описывать события периода татарского владычества в свободной форме. В условиях татарской власти резкие обличения татар и их пособников — русских князей — в таком официальном документе, были невозможны. Не так много летописных суждений о татарском иге приходится и на время ослабления Орды. Кроме того, из летописей исчезают сведения о зависимости князей от ханских указов². Известно, что тверские и московские летописи различались в описании отношений князей к Орде. Московские летописцы старались подавать информацию в русле ордынской политики, а тверские хроники допускали возможность независимых суждений в адрес Сарая³.

В московском летописании XVI—XVII вв. утвердилось представление о монголо-татарском иге как о периоде угнетения, разжигания усобиц и «неустройства» на Руси. С этих позиций оценивает монгольское владычество «Степенная книга»⁴ и «Синописис»⁵ архимандрита Иннокентия Гизеля.

В историографии XVIII в. вопрос о влиянии монголо-татарского ига на формирование политических институтов одним из первых поднял В. Н. Татищев (1686—1750) в «Истории Российской»⁶. Его концепция русской истории, подобно концепциям русских историков XVI—XVII вв., служила идеологической опорой и обоснованием самодержавного строя. «Угасание самодержавия», по мнению Татищева, привело Русь к монгольскому завоеванию и захвату многих русских земель литовскими князьями. Кроме того, нашествие вызвало усиление власти духовенства, замену самодержавной власти властью аристократии⁷. В первое время своей исследовательской деятельности Татищев пришел к мысли о необходимости выявления и сравнения разных древнерусских летописных источников. В своей работе ученый пользовался Повестью временных лет, Киевской, Галицко-Волынской, Никоновской летописями, Степенной книгой, хронографом и многими другими источниками, некоторые из которых не дошли до нас, что усиливает значимость его фундаментальной «Истории Российской» в изучении данной проблемы⁸.

Важное значение для исследования вопроса о татарском влиянии на Русь имел конкурс, объявленный в 1826 г. Российской Академии наук. В программу задач, предложенных для исследования, был введен вопрос: «Какие последствия произвело господство монголов в России и именно какое оно имело влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оно, равно как и на просвещение и образование народа?»⁹ Единственное рукописное рассуждение на немецком языке, представленное на конкурс, академия не признала достойным победы, однако конкурс открыл для ученых основную задачу историографии — привлечение восточных и западных источников¹⁰. Через шесть лет Академия наук выступила с новым предложением принять участие в конкурсе научно-исследовательских работ о монгольском завоевании Восточной Европы с расширением темы и увеличением премии. В ответ на конкурс в 1835 г. Академия наук получила труд немецкого востоковеда Хаммер-Пургшталля объемом 1272 страницы. Комиссия не присудила автору какой-либо премии, отметив наряду с большими недостатками работы и ряд ее достоинств. Через четыре года автор опубликовал монографию под заглавием «Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak»¹¹, где поместил академический отзыв и свои резкие возражения. По мнению А. Ю. Якубовского, этот труд был первым шагом вперед, который, несмотря на все упущения и большое количество фактических ошибок, все же заслуживал одобрения ученой комиссии¹².

О влиянии Золотой Орды на Русь в 1832 г. упоминал академик Х.Д. Френ (1782—1851): «Владычество монгольской династии, известной у нас под именем Золотой Орды, у магометан под именем Улуса Джучи..., бывшей некогда в течение почти двух с половиной веков ужасом и бичом России, державшей в узах безусловного порабощения и располагавшей совершенно равно венцом и жизнью князей ее, владычество сие долженствовало иметь более или менее влияния на судьбу, устройство, постановления, образование, нравы и язык нашего отечества»¹³.

Освещая историографию данного вопроса, можно разделить всех историков на три направления: придающих решающее значение игу в истории России, считающих роль монголов незначительной и примиряющих обе эти позиции.

Олицетворением первого направления был Н.М. Карамзин. Он впервые обратил внимание научной общественности на проблему влияния монголо-татарского владычества на политическую и социально-экономическую сферу жизни Древнерусского государства. Крупным последователем концепции Карамзина был Н.И. Костомаров. В своих исследованиях он показал решительную роль татарского элемента в русской истории, способствовавшего переходу от удельно-вечевому характеру государства к единодержавию московских князей и становлению деспотизма. Эта точка зрения была поддержана многими исследованиями в отечественной историографии и стала одним из главных направлений, на которое ориентировались отечественные историки при освещении татарского вопроса. В целом это направление можно отнести к дворянской историографии. Одним из первых его выразителей был М.М. Щербатов, который в свою очередь оказал влияние на творчество И.Н. Болтина, Карамзина, С.М. Соловьёва и других. Тезис эпохи просвещения об основополагающей роли нравов и мнений в истории человечества сказался на трактовке Щербатовым причин татарского ига, к которым он относил неоднородность русского войска и неумеренный дух набожности, который проник в мирское правление и прогнал твердость и великодушие, являющиеся необходимыми для князей и воевод.

По мнению «колумба российской истории» Карамзина (1766—1826), татарское нашествие было той спасительной силой, которая стала источником возрождения русского самодержавия: «Нашествие Батыево ниспровергло Россию... Дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости»¹⁴. Положительная роль ига заключалась в том, что оно ликвидировало раздробленность и восстановило самодержавие, чего не сделали «ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III, а во Владимире и везде, кроме Новгорода и Пскова, умолк вечевого колокол... Москва была обязана своим величием хану»¹⁵. Также к положительным следствиям ига историк относил начало развития нового торгового пути со странами Востока, роль в открытии которого татар он считал бесспорной. Следует отметить большую работу Карамзина с источниковой базой и введение им в научный оборот новых сведений о татарах из источников, которые ранее не были изучены: Ипатьевский свод, Кормчая книга, Новгородская Судная грамота, судебник Ивана III, иностранные записки Плано Карпини, Рубрика, Барбаро, Контарини, Герберштейна, недавно открытое «Слово о полку Игореве».

К течению сторонников значительной роли татарского владычества в русской истории необходимо отнести и Н.А. Полевого (1796—1846), который разделял взгляды представителей скептической школы. Первоначально он отрицал существенную роль татарского влияния. Мирозрение Полевого строилось на теоретических установках передовой русской и западноевропейской общественной и научной мысли. Основой изучения истории для него был «философский метод», одним из исходных положений которого являлось представление о единстве исторического процесса всех народов и государств, причем истории «народного духа» придавалось первостепенное значение. Это позволило провести сравнительно-историческое изучение прошлого России в контексте европейской и восточной истории. Изменения своих взглядов Полевой отразил в «Истории русского народа»¹⁶, где период татарского владычества он определял уже как переходное время от истории русского народа к истории русского государства. Несмотря на «совершенное распадение частей», решительный «переворот прежнего порядка» и «ниспровержение быта общественного»¹⁷, иго способствовало основанию новой политической самобытности. «Самое свирепство монголов было во благо русских областей», оно дало воз-

можность русским князьям «удовлетворять честолюбие призывом монголов на решение спора о великокняжестве, возбудило новую деятельность умов»¹⁸.

Полевой считал, что монгольский период «был необходим... по таинственным судьбам Провидения для того, чтобы пережив оный, Русь явилась самобытным государством в ряду других государств»¹⁹. В условиях нового порядка решающая роль принадлежала не роду и праву, а силе и уму²⁰. Борьбу Руси с Ордой он рассматривал как борьбу Европы и Азии, где России выпала задача переработки Азии на европейский лад. Монгольский период для Руси Полевой сравнивает с эпохой крестовых походов для Европы: «Как крестовые походы заключали в себе тайные высшие судьбы Божии — а не одно исполнение желания благочестиваго: освободить стены Сионския, так и борьба руссов с монголами заключала в сущности своей не одно освобождение христиан от ига поганых, но и возрождение Руси, составление царства, коего будущая судьба была: внести особую стихию духа в Европу — царства, коему, немедленно после возрождения его, Византия, умирая в то время, завещала православную веру, Царьград, и тип Восточно-Европейского образования»²¹.

Как уже отмечалось, последователем концепции Карамзина был Костомаров (1817—1885), автор федеративной теории власти Древней Руси. Территория Древней Руси имела федеративную связь между своими частями, которая была прервана монголо-татарским нашествием, что повлекло за собой рабство — антагонист федерации. Московские князья, усвоив единодержавные порядки от татар, начали борьбу с федерализмом, в котором Костомаров видел «естественные природные основания»²². В статье «Начало единодержавия в древней Руси» он выступил с утверждением о том, что в Северо-Восточной Руси до татар существовал удельно-вечевой строй, на основы которого никто не покушался, в то время, как татарское завоевание дало толчок к монархии и объединению государства²³. Костомаров разделял мнение Карамзина о том, что татарское иго стало началом «нового порядка вещей», а саму идею самодержавия Русь заимствовала от ханов. В татарах он видел источник становления феодализма на Руси по образцу западноевропейского, так как татары переделали русских князей из правителей в вотчинников. Татарским периодом он объяснял и происхождение крепостного права. В противоположность этому мнению историк права Ф.И. Леонтович видел истоки крепостного права не в западном феодализме, а в быту среднеазиатских кочевников, которое затем, во времена татаро-монгольского ига, было перенято и Русью²⁴. К своим научным изысканиям Костомаров привлекал материал из 65 архивов и библиотек России, Польши, Швеции, Германии, Бельгии, Франции, Италии, Швейцарии, Австрии, Чехии и Сербии²⁵.

Еще одним сторонником концепции Карамзина был Д.И. Иловайский (1832—1920). Являясь проводником охранительных и монархических позиций, ученый полагал, что княжеская власть усилилась в условиях внешнего давления со стороны Золотой Орды. Это усиление сопровождалось переходом от вотчинных понятий к понятиям государственным. Гнет татарского ига также способствовал упадку вечевых начал и возвышению княжеской власти, когда народ прежде всего думал о внешней безопасности, привыкал ее ожидать только от своих князей и отвыкал от политических совещаний. Эпоха татарского владычества способствовала расцвету монастырской жизни, когда в тяжелых условиях знатные люди стремились основывать новые обители, а также награждать их селами и угодьями. Однако татарские погромы нанесли тяжелый удар по развитию светского и духовного образования, пострадали начатки школьного дела, из-за чего в этот период практически не встречаются в летописях упоминания о церковно-городских школах. Многие бояре и князья в это время не владели искусством чтения и письма²⁶.

Представитель младшего поколения государственной школы, о которой будет сказано ниже, В.И. Сергеевич (1832—1910) указал на изменения в городской жизни, которые появились в связи с нашествием татар. Татарское нашествие надолго приостановило развитие общественной жизни в городах, население которых ранее принимало самое активное участие в ней. Посредством переноса центра тяжести политической жизни в Орду и обложения населения тяжкими поборами татары уничтожили вечевые порядки, которые сохранились до XIV и XV вв. лишь в местах, которых не коснулись нашествия, например в Новгородской и Псковской воло-

стях²⁷. Сергеевич отмечал влияние татар на политическое объединение Руси: «Нашествие татар впервые познакомило русские княжения с властью, с которой нельзя входить в соглашение, которой надо подчиняться безусловно... Хотя татары не остались в русской земле и властвовали издавна, тем не менее господство их произвело глубокий переворот в нашей жизни»²⁸.

Большое значение монгольскому влиянию придавали историки русского права И.Д. Беляев (1810—1873) и Леонтович (1833—1911).

Беляев считал, что монголо-татары способствовали ликвидации различий между «дружиной» и «земщиной», а собиравший ордынский выход князь стал ближе к народу и получил большую власть²⁹. В связи с тем, что верховной инстанцией был ханский суд, ослабевала связь между великим и удельным князьями. Сбор пошлин на Руси осуществлялся по татарским, или скорее китайским формам, которые привели впоследствии к введению на русской территории определенных элементов китайской администрации³⁰.

Взгляды Леонтовича о влиянии татар на Русь имеют, по большей части, довольно смелый характер, о чем упоминал в своих трудах советский исследователь А.Н. Насонов. Леонтович полагал, что при помощи монгольского права Россия сделала шаг от «мира к государству» и получила много новых политических и социальных институтов: систему приказов, тарханы, крепостничество, местничество, кормление. По его мнению, даже Соборное уложение 1649 г. берет многое из Великой Ясы Чингис-хана с ее жестокими наказаниями³¹. При этом историк проводит прямые аналогии с татарскими политическими институтами, ставшими прообразом московских: секретарям Чингис-хана у нас соответствовали дьяки, по типу монгольских диванов работали московские палаты и приказы, а родовое право кочевников стало источником государственного крепостничества³².

Вторая половина XIX в. ознаменовалась переходом от теоретизирования к конкретным исследованиям. Большим вкладом в науку нужно признать раскопки золотоордынских городов А.В. Терещенко, появление трудов ориенталистов В.В. Григорьева, П.С. Савельева, И.Н. Березина, В.В. Вельяминова-Зернова, Г.С. Саблукова, К.П. Патканова, В.Г. Тизенгаузена³³.

В это время формируется новое поколение отечественных историков, не выделяющих существенную роль татарского ига в формировании политических и социально-экономических институтов в Древней Руси. Олицетворением данного направления были, прежде всего, историки государственной (историко-юридической) школы К.Д. Кавелин, Соловьёв, Б.Н. Чичерин и их последователи. Становление теоретических взглядов историков государственной школы было значимым событием в дореволюционной исторической науке. Но, говоря о новом направлении, необходимо учитывать некоторую долю условности и осторожности, так как взгляды многих историков менялись в течение всей жизни и причислять их к определенному течению не всегда целесообразно.

Раньше государственной школы о несущественном влиянии татар на политические институты Северо-Восточной Руси говорил историк екатерининского времени Болтин (1735—1792). В это время монгольская история сделалась объектом вымыслов некоторых западноевропейских ученых. Странник крепкой самодержавной власти и философии просветителей Болтин выступал с критикой некоторых подобных положений Леклерка, подчеркивая, что «кровавопролитные татарские завоевания едва ли не вконец большую часть областей российских опустошили»³⁴. Автор опровергает мнение Леклерка о том, что нашешествие привело к полному исчезновению просвещения на Руси, коренным изменениям в жизни народа³⁵. В «Примечаниях на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка»³⁶ он подчеркнул то, что монголо-татары, в отличие от римлян, не оказали влияния на покоренные народы. Прежними остались законы, нравы, элементы культуры, язык и т.д.³⁷

В 30-е гг. XIX в. появилась «Русская история» Н.Г. Устрялова (1801—1870), взгляды которого были близки к историкам скептической школы. Устрялов был историком дворянского направления, но несмотря на устоявшиеся в этом направлении мнения, он высказывал мысль о том, что татарское иго не оказало существенного влияния на внутреннее устройство Восточной Руси. Однако оно проявилось в изменении представлений народа о верховной власти, в усиле-

нии великокняжеской власти над всеми слоями русского общества. Изменилась податная система, уголовное право, но осталась неизменной народная самобытность³⁸. При монголах были введены в практику гражданского суда правед, кнут, пытка, смертная казнь, что, по мнению Устрялова, повлияло на «загрубление» народных нравов.

Преподаватель вспомогательных исторических наук Московского университета М.С. Гастев (1801—1883) в книге «Рассуждения о причинах, замедливших гражданскую образованность в Русском государстве до Петра Великого» негативно оценивает нашествие и считает, что иго не ликвидировало усобиц и никак не способствовало утверждению самодержавия. Это утверждение вызвало его полемику с М.П. Погодиным³⁹.

Автор отмечает усиление политического разделения при монголах между ветвями некогда единой правящей фамилии Рюриковичей. В бедствиях, чинимых татарами Русскому государству, историк видит причину медленного развития гражданской образованности на Руси. Вторая причина — удельная система. В отличие от мнения большинства историков причиной самодержавия автор считает не владычество татар, а удельную систему. Влияние татар он рассматривал только в негативном ключе, полагая, что под его действием русский народ превратился в азиатский, получив такое наследие, как недоверчивость к иноземцам, правед, рабство женского пола, брачные обряды, употребление шляп, полулуние на крестах церковных и др.⁴⁰

Славянофил И.В. Киреевский (1806—1856), в отличие от Полевого, не стремился к изображению развития исторического процесса во всемирном масштабе. Видение русской истории он преподносил через рамки взаимоотношений России и Запада. Его историческая концепция носила ретроспективно-утопический характер. По мнению ученого, монголы принесли Руси огромную пользу, помешав ее сближению с Западом и оградив от его расчетливой и рассудочной культуры⁴¹. Этот взгляд на иго, близкий к концепции официальной народности Погодина, более чем на полстолетия предвосхитил теорию «евразийцев»⁴². В то же время, он считал, что татары не могли повлиять на существенное изменение внутренней общественной жизни Древней Руси. Это не соотносилось с поздней концепцией евразийцев о правопреемстве Россией установленной империи Чингис-хана.

Историки государственной школы рассматривали государство как субъект и двигатель исторического процесса, а русский народ считали принадлежащим народам европейским. Идеиные взгляды государственной школы оказали влияние на теоретические построения В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. До появления работ историков государственной школы анализ проблемы сводился к рассуждениям об «обычаях, нравах, одеждах». Государственная школа сместила приоритет изучения в сторону политического устройства до- и послемонгольской Руси⁴³.

У истоков становления государственной школы стоял историк-юрист Кавелин (1818—1885). Руководствуясь созданной им теорией исторического процесса, он показал эволюцию вотчинных отношений в государственные, а также родовых в личностные на примере татарского влияния: «Смешно утверждать, что Московское государство было создано татарами. Стремление к объединению появилось гораздо раньше и проявлялось постоянно под различными формами. Однако татаро-монголы выдвинули на первый план в своих отношениях с русскими князьями личные качества последних, а не родственные связи и тем способствовали (не подозревая об этом) разрушению родовых отношений и воссозданию политического единства, проявлению личности. Этим и воспользовались «даровитые, умные, смысленные князья московские»⁴⁴. В статье «Взгляд на юридический быт древней Руси» 1846 г. он говорит о том, что татары не внесли никаких новых начал, способных разрушить родовой быт славян. Однако монголы сломали удельную систему и усилили власть великого князя, способствуя складыванию центра русской земли и единодержавия⁴⁵. Произошло ослабление удельно-вечевой системы и замена родового начала семейственно-вотчинным. Монгольское иго играло только отрицательную роль, усилив власть великого князя и воссоздав видимый политический центр России.

Соловьёв (1820—1879) почти полностью игнорирует роль монгольского завоевания в истории России. Он считается главным представителем родовой теории, стремящейся доказать, что до призвания князей славянские племена России жили в формах родового быта. Первым

попытку переменить эти отношения сделал Андрей Боголюбский, а следовательно влияние монголов на этот процесс не было главным и решающим: «Монголы остались жить вдалеке от русских княжеств, заботились о сборе дани, оставляя все как было, следовательно, оставляя в полной свободе действовать те новые отношения, которые начались на севере прежде них»⁴⁶. По его мнению, замена родовых отношений государственными началась гораздо раньше прихода монголов и развивалась вследствие внутренних причин⁴⁷. По мнению Соловьёва, даже в первое время ига, когда по русским городам были поставлены баскаки, мы не можем говорить о решительном влиянии татар на внутреннее управление государством. Царский титул Русь наследует не у царского хана, а у Византии, а влияние татар было не сильнее влияния половцев⁴⁸. Соловьёв не придает большого значения татарской власти как явлению, вошедшему в российскую историю со стороны. Судьбы России определялись, по его мнению, факторами внутреннего характера. Необходимо отметить, что Соловьёв к своим работам привлекал круг новых источников, которые не были известны Карамзину: записки иностранцев и иностранные хроники, а также архивный материал по истории внешних сношений Русского государства⁴⁹.

Теоретик государственной школы Чичерин (1828—1904) отводил большую роль в образовании единой, централизованной власти на Руси татаро-монгольскому игу, которое приучило народ к покорности и способствовало образованию государства «сверху, действиями правительства, а не самостоятельными усилиями граждан»⁵⁰. Однако состояние подчиненности удельных князей великим носило временный характер — на период монгольского владычества — но никак не государственный. В договорах времен Дмитрия Донского указывалось, что, если переменит Бог Орду, то каждый удельный князь берет дань себе, а великий князь не имеет права ничего требовать⁵¹.

Особенное место в исследовании русских летописных сводов и разработке вопроса о татарском влиянии на Русь занимают работы источниковеда А.А. Шахматова (1864—1920). Он рассматривал летописные своды как литературные памятники, отражающие определенные интересы и идеи современников. Как считает Шахматов, в ходе острой борьбы с татарами и в результате политического, экономического и культурного развития страны уже в период княжения Ивана Калиты в начале XIV в. был создан один из первых общерусских сводов. Несмотря на отсутствие единства русских земель, идея единой державы уже проникла в сознание различных социальных слоев населения, хотя сам ученый видел выразителем единовластия только духовенство⁵². В исторической концепции Шахматова татары содействовали уже начатому до них отливу населения из Чернигово-Северской земли на север к междуречью Оки и Волги, на что обращал внимание и Покровский. Под влиянием татарского нашествия окончательно исчезли последние следы племенной жизни, что способствовало образованию областных государств на русской территории. Колонизационное движение к югу и востоку определило образование трех русских народностей: великорусской, белорусской и малорусской⁵³.

В.И. Савва (1865—1920) в своем исследовании делает попытку выяснить влияние Византии и татар на формирование политических порядков Московского государства. Торжественный обряд великокняжеского венчания в конце XV в., если в нем видеть явление, ранее не описываемое в русских летописях, он рассматривал как следствие свержения монголо-татарского ига и политического усиления московского правителя.

Ученик Ключевского Платонов (1860—1933) называл татарское иго «случайностью в нашей истории», влияние которого было минимальным и выразилось лишь в окончательном разделении Руси на Юго-Западную и Северо-Восточную⁵⁴. Такой же точки зрения придерживался историк-марксист Н.А. Рожков (1868—1927), отмечавший, что в период ига происходило усиление торговли с Востоком, что служило одной из предпосылок возникновения товарного хозяйства на Руси⁵⁵. Влияние на политические институты Платонов видел в изменении порядка княжеского престолонаследия, отношениях князей между собой и к населению. Татары застали уже начавшийся до их нашествия процесс распада родового наследования и зарождения семейно-вотчинного владения⁵⁶. В первые годы татарщины население не могло перенимать ничего у татар ввиду враждебного к ним отношения. Сближение произошло позднее, когда иго

начало слабеть, и многие татарские сановники стали являться на службу к русским князьям и даже заключать совместные браки, селясь в Касимове, Елатье, Романове и др. городах⁵⁷.

В конце XIX в. появились дореволюционные работы первых историков-марксистов, рассматривавших в своих трудах татарский вопрос. Здесь необходимо выделить работы Покровского (1868—1932) и Н.А. Рожкова (1868—1927), хотя последний татарского вопроса касался уже в послереволюционных работах. Эти историки отличались марксистским методом осмысления исторического процесса, который ими рассматривался с точки зрения формационного подхода, при большом внимании к социально-экономическим факторам.

Покровский утверждал, что процесс разложения городской Руси начался еще задолго до татар и возник в силу местных экономических условий. Но татарский погром положил конец этому процессу, происходившему на протяжении X—XII веков. Итогом татарского влияния стало становление Руси новой, удельно-московской. Поддерживая русских князей в борьбе с чернью для сбора дани Орда организовала правильную систему раскладки налоговых сборов, которая на много веков пережила самих татар. По этой системе сбор дани начал осуществляться поголовно не только с сельского населения, как было раньше, но и с горожан.

Монгольское нашествие не внесло ничего нового в русскую историю, но внешний кризис способствовал разрешению внутреннего. Монголо-татарское иго закрепило падение городского права и торжество деревенского, которым на много столетий определилось политическое лицо Северо-Восточной Руси. Причиной кризиса Покровский видел не татарское иго, а перемещение мировых торговых путей и истощение страны хищническими приемами хозяйствования. Церковное объединение России на несколько столетий опередило политическое, и существенную роль в этом объединении сыграло татарское иго, создававшее из русской церкви государство в государстве.

Рожков утверждает, что носителем верховной власти в дотатарский период был князь и вече, причем это двоевластие являлось неорганизованным и беспорядочным. Тезис о третьем элементе власти в лице боярской думы он решительно отвергает, считая, что дума, как правило, была лишь простой исполнительницей решений вече или князя, другими словами, она имела совещательный, а не решающий голос⁵⁸.

Бояре и княжеские послы обладали очень малой долей самостоятельности в ведении своих дел и, как правило, всегда находились под строгим контролем княжеской власти. Это прослеживается на поездках князей в Орду, которые не всегда отправлялись туда по требованию хана, но более стремлением князей лично вести хозяйственные дела. Если в древней России князь исполнял широкий круг обязанностей, как низших так и высших, в том числе полюдые, то в период татарской зависимости князь передал эти функции подчиненным органам, а себе оставил только нормативно-финансовую деятельность — установление податей и повинностей, дарование финансовых льгот, пожалование земель и др. Все это были признаки выделения сферы верховного управления в политической системе. В отличие от концепции Карамзина и его последователей, отводивших татарскому игу главную роль в становлении самодержавия, Рожков полагал, что самодержавия в России до XVI в. не существовало, так как этому мало способствовали хозяйственный быт, социальные условия и административная техника⁵⁹.

К третьему течению историков, стремившихся примирить первые две противоположные позиции, относился К.Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897), который был продолжателем исторической концепции своего учителя Соловьёва и диалектической философии Гегеля. Признавая определенную роль в судьбах Руси татаро-монгольского ига, он в то же время в своих трудах указывал на влияние Византии на Русь, которое проявлялось в трех направлениях: развитие понятий государственных, изменение понятий юридических и распространение книжного образования. Бестужев-Рюмин говорит о том, что татарское владычество наложило отпечаток на характер князей Северо-Восточной Руси, отличавшихся от своих киевских предшественников сдержанностью и осторожностью в высшей степени. С появлением татар изменились условия жизни, но не народный характер. Ханская милость стала единственным источником права⁶⁰.

Ключевский (1841—1911) был последователем Карамзина и Костомарова в вопросе о влиянии татарского владычества, утверждая, что власть хана способствовала единству русских

земель, находящихся между собой в постоянном состоянии войны. Но, одновременно, ученый не придавал решающего значения татарскому завоеванию в вопросе формирования единой государственной власти, отмечая, как и Соловьёв, что эти тенденции имели место в Северо-Восточной Руси задолго до нашествия: «Явления, которые мы наблюдаем в Суздальской земле после этого разгрома, последовательно без перерыва развиваются из условий, начавших действовать еще до разгрома в XII в.»⁶¹ Ключевский в целом положительно оценивает воздействие монголо-татарского завоевания, отмечая значимую роль хана в сдерживании усобиц: «Власть хана давала хотя признак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей... Гроза ханского гнева сдерживала забияк, милостью, т.е. произволом, хана не раз предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица. Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли»⁶².

В вопросе о татарском влиянии на посольский церемониал мнения славянофила В.Н. Лешкова (1810—1881) и востоковеда Н.И. Веселовского (1848—1918) разделились. Если Лешков не видел связи между монгольским периодом и русским посольским обрядом, то Веселовский доказывал, что посольский церемониал XV, XVI, XVII вв. носил в полной мере татарский или азиатский характер, за исключением религиозных аспектов: провод между двух огней для очищения от злых мыслей, земные поклоны и лобызание ноги восточных правителей⁶³. М.А. Веневитинов (1844—1901) также считал, что «на характер первых сношений Московского государства с Западной Европой главным образом повлияли с одной стороны отношения русских к татарам, как побежденных к покорителям, а с другой — воспоминания о прежнем блеске восточной Римской империи, изгнанной из Стамбула и нашедшей в Москве приют и новую почву для мечты о восстановлении прошлого»⁶⁴.

Историк церкви Е.Е. Голубинский (1834—1912) в вопросе о татарском влиянии занимал нейтральную позицию. Он выделял три причины веротерпимости татар. Во-первых, татары были язычниками, а язычники рассматривали все окружающие религии и их богов как истинные. Во-вторых, существовала причина политическая, а именно необходимость поддерживать мирные отношения с покоренными народами, для чего в Ясе была прописана веротерпимость и освобождение слугителей культа от налогов. В-третьих, монголо-татары были до крайней степени суеверны и одинаково задабривали богов всех верований, боясь их разгневать. Еще один фактор терпимого отношения к церкви со стороны ханов кроется в том, что в Монгольской империи видное место занимали христианские племена кераитов и уйгуров. Первые приняли христианство несторианского толка еще в начале XI в., а вторые — еще раньше, приблизительно в VIII—IX веках. Уйгуры, перенявшие от несториан сирскую азбуку, были грамотным народом и заняли выдающееся положение в администрации Чингис-хана⁶⁵.

Русские дореволюционные историки собрали большой фактический материал и сделали ряд ценных выводов и наблюдений по теме влияния монгольского завоевания на деятельность политических и социально-экономических институтов Древней Руси. Первоначально источниковедческая база русской дореволюционной историографии была недостаточной, слабо привлекались западные и восточные источники, а также археологический материал. В дальнейшем в результате появления фундаментальных исследований Карамзина, Соловьёва, Кавелина, Костомарова, Ключевского, Платонова и других историков, использовавших в своих работах большое количество новых летописных сведений и иностранных источников, удалось существенно расширить изучение монгольского вопроса. В целом дореволюционную историографию по проблеме влияния монголо-татарского периода на институты Древнерусского государства можно с определенной долей условности разделить на 3 направления. Вследствие ограниченных рамок исследования, мы указали основных, но не всех историков, затрагивавших вопрос о влиянии монголо-татар на Русь. Обобщая труды данных ученых, ниже мы попытаемся систематизировать их взгляды на данный вопрос, отметив и тех, которые не были описаны выше. Первое направление включало в себя историков, признающих решающую роль монголо-татар в образовании единого Московского государства. К ним можно отнести дворянских истори-

ков Татищева, Карамзина и Иловайского, сторонника федеративной теории Костомарова, историков права И.Д. Беляева, В.И. Сергеевича, Леонтовича, А.Д. Градовского, Н.П. Загоскина, а также историков Веселовского, Веневитинова и др. Вторую группу представляли ученые, отрицавшие решающую роль татарского владычества в истории России или преуменьшавшие это влияние. К ним относятся историки государственной школы Кавелин, Соловьёв и Чичерин, историки царской власти М.А. Дьяконов и Савва, а также М.С. Гастев, В.И. Кельсиев, Лешков, И.Е. Забелин, А.Е. Пресняков и др. Третью группу составляют историки, пытавшиеся примирить обе противоположные позиции или имеющие свой особый взгляд на данный процесс. Таковыми являлись Бестужев-Рюмин, Полежаев, Ключевский, его ученик Платонов, историки церкви пр. Макарий и Голубинский, историк-марксист Покровский и др.

Особая роль в исследовании вопроса о влиянии татар на Древнерусское государство первоначально принадлежала Карамзину, ставшему своего рода первооткрывателем не только проблем татарского владычества, но и всей российской истории средневековья. Говоря о Карамзине, важно упомянуть о его талантливом единомышленнике Костомарове, который продолжил развивать взгляды своего учителя на основе выдвинутой им федеративной теории. Результатом борьбы федеративного и единодержавного начал под давлением татарского ига стала победа последнего, способствовавшего объединению страны и торжеству монархии. Сторонником концепции Карамзина был также Иловайский, который являлся известным автором школьных учебников по истории и в связи с этим обратил внимание на катастрофические последствия нашествия для светской образованности.

Новым взглядом на проблематику, связанную с татарским нашествием, была «История русского народа»⁶⁶ Полевого, одним из первых подвергнутого резкой критике «Историю» Карамзина, уделяющую главное внимание не быту народа, а истории правителей. В отличие от Полевого русские славянофилы К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский рассматривали кочевую культуру монголов и русскую городскую культуру как стену, предотвратившую вторжение Запада и католичества на Русь. К славянофилам относился также историк права Беляев, который проследил эволюцию в до- и послетатарский период таких политических институтов, как земщина, боярство, дворянство, холопство, вече, духовенство, дружина, княжеская власть и др. Но славянофилы были близки с Полевым в том, что на первый план изучения выдвигали народ. Одновременно славянофилы стали источником появившейся в 20-е гг. XX в. в среде русской эмиграции теории евразийства, выделяющей монголо-татарское иго как один из ключевых факторов возникновения московского единодержавия.

Переоценка роли татарского ига историками государственной школы в лице Соловьёва, Кавелина и Чичерина стала значимым этапом в осмыслении татарской эпохи. Одним из главных аргументов государственников была критика положений Карамзина о влиянии татар на становление самодержавной государственности. Они акцентировали внимание на том, что эти процессы начались задолго до нашествия, приводя в пример централизаторскую политику великого князя владимирского Андрея Боголюбского. Как и Карамзин, представители государственной школы способствовали привлечению внимания к данной проблеме самого широкого круга ученых. В числе последователей теорий Соловьёва и Кавелина был Ключевский, который также не видел татарского влияния на становление Московского государства, и Платонов, считавший татарское воздействие минимальным, главным образом, оказавшим влияние на порядок престолонаследия и разделение русского народа на три этнические ветви: белорусскую, малорусскую и великорусскую. Упадок значения свободных людей, находившихся вне дружины, и рост княжеской власти в дотатарское время отмечал также Н.И. Хлебников⁶⁷ и целый ряд других историков, не относящихся к историко-юридическому направлению.

Бестужев-Рюмин некоторые объекты влияния относил на счет не татарского, а византийского, как например телесные наказания и понятия о царской власти⁶⁸. К сторонникам преобладающего над татарским византийского фактора относились Дьяконов, Савва, Загоскин и др.

Конец XIX — начало XX в. были ознаменованы появлением работ историков-марксистов, отводивших важное значение экономическим факторам в вопросах воздействия татар на социально-экономические институты Древнерусского государства. Одним из существенных выражений этого влияния было усиление восточной торговли, восстановление товарного хозяйства, становление новой системы налоговых сборов, перемещение мировых торговых путей, о чем упоминали в своих дореволюционных трудах Покровский и Рожков.

О необходимости исследования татарской проблемы в отечественной исторической науке писал в 1913 г. К.А. Стратонитский (род. 1865): «Ни в одной книге, ни в одной статье, где рассматривается та или другая сторона нашей жизни хотя сколько-нибудь с исторической точки зрения, не обходится без упоминания о татарах, татарщине, татарских обычаях... А между тем едва ли можно указать на какой-либо другой вопрос в русской истории, который был бы так мало разработан, как вопрос о татарах»⁶⁹.

Вопрос татарского влияния в дореволюционной историографии проделал долгий путь, начиная от времен зарождения отечественной науки при Татищеве и заканчивая научными монографиями последних историков царского периода. В этот временной отрезок историческая наука осуществила большую работу по исследованию влияния монголо-татарского периода на политическую структуру, быт, нравы, язык и образ мыслей Древнерусского государства. В ходе изучения отечественных летописных сводов были открыты новые источники, привлечено большое количество актового материала, введены в научный оборот летописные свидетельства, путевые заметки, хроники иностранных авторов: монгольских, персидских, западноевропейских, китайских и др. Накопленный благодаря этой кропотливой работе багаж знаний стал надежным фундаментом последующей разработки данного вопроса в советской и современной историографии.

Примечания

1. КАРГАЛОВ В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодалной Руси. М. 1967, с. 219.
2. БОРИСОВ Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру. В кн.: Проблемы истории СССР. М. 1976, с. 129—130.
3. НАСОНОВ А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского. В кн.: Против анти-марксистской концепции М.Н. Покровского. М.-Л. 1940, с. 59—60.
4. ПСРЛ. Книга степенная царского родословия. Ч. 1. Т. 21. Половина 1. СПб. 1908; Ч. 2. Т. 21. Половина 2. СПб. 1913.
5. ГИЗЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ. Синописис или краткое описание о начале славенского народа о первых киевских князьях и о житии святого благоверного князя Владимира и великого князя Феодора Алексеевича. СПб. 1746.
6. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская. В кн.: ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений. Т. I—VII. М. 1994.
7. Там же. Т. I. М.-Л. 1963, с. 366—367.
8. АНДРЕЕВ А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России. В кн.: ТАТИЩЕВ В.Н. История российская. Т. I. М.-Л. 1962, с. 6.
9. ТИЗЕНГАУЗЕН В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб. 1884, с. 554.
10. Евразийский временник. Т. 4. Берлин. 1925, с. 222.
11. Hammer-Purgstall Joseph von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak. Pesth. 1840.
12. ГРЕКОВ Б.Д., ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950.
13. ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Приложение II (Записки Френа). М. 1941, с. 555.
14. ЛАЧАЕВА М.Ю. Историография истории России до 1917 года. Т. I. М. 2003, с. 208—209.
15. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. СПб. 1842, с. 215—219, 221—223.
16. ПОЛЕВОЙ Н.А. История русского народа. Т. I—VI. М. 1833.
17. Там же, т. V, с. 11.
18. Там же, т. IV, с. 251.

19. Там же, с. 9.
20. ШИКЛО А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М. 1981, с. 151.
21. ПОЛЕВОЙ Н.А. Ук. соч., т. V, с. 13.
22. ЛАЧАЕВА М.Ю. Ук. соч., с. 155—156.
23. КОСТОМАРОВ Н.И. Начало единодержавия в древней Руси. — «Вестник Европы». 1870, № 11, с. 53—54; № 12, с. 496, 517, 561.
24. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий. Одесса. 1879, с. 254—255.
25. ЛАЧАЕВА М.Ю. Ук. соч., с. 165.
26. ИЛОВАЙСКИЙ Д.И. История России. Т. 2. М. 1884, с. 412—413.
27. СЕРГЕЕВИЧ В.И. Русские юридические древности. Т. II. 1900, с. 38.
28. Там же, с. 34—35.
29. БЕЛЯЕВ И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М. 1879, с. 278—279.
30. Там же, с. 269—270, 273.
31. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Ук. соч., с. 249, 252—262, 272.
32. Там же, с. 264—265.
33. БОРИСОВ Н.С. Ук. соч., с. 136.
34. БОЛТИН И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка. Т. 2. СПб. 1788, с. 143.
35. БОРИСОВ Н.С. Ук. соч., с. 130.
36. БОЛТИН И.Н. Ук. соч.
37. Там же, с. 295.
38. УСТРЯЛОВ Н.Г. Русская история. Ч. I. СПб. 1855, с. 185, 187—193.
39. ГАСТЕВ М.С. Рассуждения о причинах, замедливших гражданскую образованность в Русском государстве до Петра Великого. М. 1832, с. 99, 112—121, 131.
40. Там же, с. 127—128, 130—131.
41. КИРЕЕВСКИЙ И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. В кн.: Московский сборник. Т. I. М. 1852, с. 17—19.
42. БОРИСОВ Н.С. Ук. соч., с. 135.
43. ЧИМИТОВА Д.К. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Руси. В кн.: Чингисхан и судьбы народов Евразии. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ. 2003, с. 289.
44. ЛАЧАЕВА М.Ю. Ук. соч., с. 296—297.
45. КАВЕЛИН К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб. 1897, с. 12, 42.
46. СОЛОВЬЁВ С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. М. 1852, с. 839.
47. ЕГО ЖЕ. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М. 1847, с. 7, 18.
48. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М.В. Русская история в очерках и статьях. Т. 1. М. 1909, с. 589.
49. ИЛЛЕРИЦКИЙ В.Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М. 1980, с. 99—100.
50. ЛАЧАЕВА М.Ю. Ук. соч., с. 308.
51. ЧИЧЕРИН Б.Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. — Русский вестник, 1857, т. 9, кн. 1—2, с. 42—43.
52. ШАПИРО А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М. 1993, с. 654.
53. ГОТЬЕ Ю.В. Шахматов-историк. В кн.: Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук 1920 г. Т. XXV. Пг. 1922, с. 277—278.
54. ПЛАТОНОВ С.Ф. Лекции по русской истории. Пг. 1917, с. 106, 109.
55. РОЖКОВ Н.А. Татарское иго. В кн.: Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». Т. 41. Ч. VII. М. 1936, с. 84—85, 87.
56. ПЛАТОНОВ С.Ф. Ук. соч., с. 107—108.
57. ЕГО ЖЕ. Учебник русской истории. М. 1992, с. 84.
58. РОЖКОВ Н.А. Происхождение самодержавия в России. Пг. 1923, с. 13.
59. Там же, с. 21, 32.
60. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН К.Н. Русская история. Т. 1. СПб. 1872, с. 279, 471—472.
61. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. I. М. 1904, с. 414.
62. ЕГО ЖЕ. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М. 1952, с. 43.
63. ВЕСЕЛОВСКИЙ Н.И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб. 1911, с. 1, 19.

64. ВЕНЕВИТИНОВ М.А. Русские в Голландии. М. 1897, с. 141.
65. ГОЛУБИНСКИЙ Е.Е. Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к русской церкви или к вере русских и их духовенству. Сергиев Посад. 1893, с. 19—22, 24.
66. ПОЛЕВОЙ Н.А. Ук. соч.
67. ХЛЕБНИКОВ Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб. 1872, с. 411—413.
68. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН К.Н. Ук. соч.
69. СТРАТОНИТСКИЙ К.А. Монгольское управление покоренным Китаем и Арменией. М. 1913.

Т.Л. ЛАБУТИНА. *Англичане в допетровской России*. СПб. Алетейя. 2011. 272 с.; *Британцы в России в XVIII веке*. СПб. Алетейя. 2013. 352 с.

Появление новых монографий доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Татьяны Леонидовны Лабутиной является знаковым событием. Посвященные неисчерпаемой исследовательской теме — иностранцы в России и о России — эти книги вне всяких сомнений «обречены» на повышенное внимание не только профессионального сообщества, но и всех неравнодушных к отечественной и всеобщей истории читателей.

На широком хронологическом фоне с середины XVI по XVIII в. на примере увлекательных «приключений» англичан в России раскрываются многочисленные грани вечной проблемы восприятия образа «чужого» в контексте «своего» и «иного» общества. Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о нескольких очередных столетиях российской истории, но о периоде во многом переломном и исключительно значимом для осознания особенностей культурно-исторического прошлого и перспектив настоящего. Он вобрал в себя множество явлений и процессов, сыгравших ключевую роль в судьбах всей страны, а потому вызвавших бурную поведенческую и публицистическую реакцию российских и зарубежных современников. Не удивительно, что иностранцы, в том числе, англичане, для многих из которых по сути дела тогда лишь начиналось знакомство с загадочной и манящей гипотетическими преференциями Россией, активно откликнулись на происходившие перемены.

Среди авторов-англичан перед нами проходит колоритная галерея различного рода вы-

ходцев с Британских островов от К. Адамса, Р. Ченслера и Дж. Горсея до Ч. Уитворта, леди Дж. Ронды и супругов Димсдейл. В этой когорте купцов, путешественников, врачей, воинов и моряков, дипломатов, мастеров разной профессиональной принадлежности и т.д. не все, конечно, должны быть отнесены к числу откровенных пасквильантов и злопыхателей. Некоторые из них искренне стремились по возможности полноценно отобразить увиденное, а у других были о России интенсивно переплетались с небылицами. Иначе говоря, в распоряжении Лабутиной оказались не самые беспристрастные источники информации, но именно этим они любопытны и ценны.

Надо учитывать, что объективная реальность прошлого не доступна историку такой, какой она, собственно, была на самом деле, а потому ему приходится реконструировать страницы минувших событий через их отображение в сознании участников, свидетелей или просто современников. Лабутина попыталась с рациональных позиций подойти к анализу эмоционально окрашенных иностранных сказаний, донесений, повествований, дневников, писем и тому подобных текстов.

Ее в первую очередь интересовали российско-британские культурные связи, установление дипломатических и торговых отношений, влияние английской культуры и ее носителей, вопрос этнических представлений англичан и русских друг о друге, условия, в которых жили британцы в России, и какие впечатления о нашей стране и русском народе вынесли они за время своих визитов.

В такой постановке вопроса привлеченные источники оказываются для автора весомым информативным подспорьем, буквально изобилуя сведениями о разных сторонах российской действительности. Благодаря им, можно узнать о размерах территории, народонаселении, обустройстве городов, структуре армейской организации, боевой выучке и стойкости русских солдат к тяготам и лишениям военной службы. Кроме того, они сообщают читателю о суровых климатических условиях страны, ее флоре и фауне, тенденциях внутренней и внешней политики, знакомят с личностными характеристиками царских особ и высокопоставленных вельмож. Преимущественно по материалам середины — второй половины XVIII в. раскрываются тончайшие нюансы великосветской жизни петербургского бомонда и многое другое. Однако помимо прочего, читатель получает уникальную возможность в подробностях ознакомиться с широким ассортиментом стереотипов и мифов, имевших стойкое хождение в среде англичан, бывавших в нашей стране или узнававших о ней со слов других, более осведомленных своих соотечественников.

Британцы обращали особое внимание на тиранию, «начинавшуюся на царском престоле и распространявшуюся» на все сферы деятельности государства и функционирования общества, критиковали церковь и духовенство, достойные «презрения за свои предрассудки, идолопоклонство», отмечали «широко распространенное невежество, холодный климат, странную одежду, а также такие черты характера русских людей, как распутство, пьянство, лживость, лень и раболепство» (1, с. 193). Стандартно уточнялось, что русские «люди угрюмы, алчны, скаредны, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны, когда имеют власть, под властью же — смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов» и т.п. (1, с. 240; 2, с. 110).

Не принимая на веру стереотипы образа России, сложившегося в английском общественно-политическом дискурсе, Лабутина посвятила специальные разделы своих работ проверке обоснованности уничижительных суж-

дений, дезавуируя многие из них ссылкой на недостаточность информирования, субъективный фактор и меркантильную преднамеренность создателей и распространителей досужих сплетен и вымыслов.

Стоит напомнить, что характеристика «другого» обычно детерминируется сложившимся кругозором наблюдателя, житейским опытом, шире — картиной мира, а, в конечном счете, спецификой его национальной культуры. Знакомство с обеими книгами убедительно доказывает, что свержкритический, порой вплоть до вульгаризации, взгляд на Россию и русских становился результатом принципиального несовпадения векторов западной и российской культурных традиций, зато роднил британских сочинителей того времени с их европейскими собратьями по перу. Вполне обоснованно Лабутина подчеркивает, что «указанные свойства чаще других упоминались не только английскими путешественниками, дипломатами и литераторами», «но и представителями других иностранных держав» (1, с. 193).

К сказанному добавляется такой влиятельный мировоззренческий катализатор, как идеологические и политические пристрастия, заметно проглядывавшие в оценках и мнениях западных «экспертов». Поэтому едва ли должно удивлять, что в русско-английских отношениях часто ощущалось напряженное противостояние государственных интересов с использованием для их реализации ритуальных дипломатических уверток. Лабутина приводит яркий факт, когда в ответ на упреки Ивана Грозного об участии британцев в боевых действиях Ливонской войны на стороне шведской армии, Елизавета I уверяла, будто это «ошибочная информация». Она, якобы, «произошла из-за того, что в их войске служили 4 тыс. шотландцев, которые проживают в своем королевстве и не подчинены власти английской королевы» (1, с. 39—40).

В рамках решаемых задач автор не забывает о необходимости оценить степень восприятия, заимствования или отторжения основ британской культуры населением России, а потому нередко заостряет дилемму народной «ксенофобии» и элитарной «англомании» как неизбежную составляющую процесса

культурных коммуникаций, отмечая, что «последствиями тесных контактов руководства страны и его приближенных с иностранцами явился начавшийся раскол русского общества» (1, с. 10).

Магистральная сюжетная линия монографий сводится к аргументации выдвинутого еще дореволюционными учеными (В.Н. Александренко, С.М. Середонин, Ю.В. Толстой и др.) тезиса, будто англичан «наша страна интересовала, главным образом, как “сырьевой придаток”» (2, с. 196—197). Сквозь такую прагматичную «призму», как полагает Лабутина, наблюдали внутреннюю жизнь приютившего их государства не только британские купцы, но также дипломаты, военные, медицинские работники и прочие умельцы. Причем некоторые из них, по мнению историка, являлись еще и тайными агентами на службе английского правительства (1, с. 95; 2, с. 197).

Такое возможное, но ограниченное понимание приоритетных установок создателей британских сочинений, хотя и не является авторским «изобретением», влияет на методiku источниковедческой работы и общую оценку этих произведений в целом и каждого из них в отдельности. И здесь позиции Лабутиной оказываются наиболее уязвимыми с точки зрения репрезентативности привлеченного комплекса источников и их содержательного анализа. В результате в каждой из книг образуются существенные информационные лакуны. Так, не совсем ясно, почему практически проигнорированы уже давно введенные в научный оборот английские тексты о событиях в России, начиная от московской Смуты и заканчивая Пугачёвщиной, а также сведения о них же тех авторов, чьи взгляды были детально рассмотрены в монографиях. Слабо верится, что никто из британцев ничего не написал о «параде самозванцев» на протяжении XVII—XVIII вв., в ходе которого явились миру почти полторы сотни ложных искателей царского имени и статуса, либо выдававших себя за кого-либо из венценосных родственников. Судя по отсутствию упоминаний, англичане, вроде бы, активно интересовались религиозной жизнью России, в одночасье умудрились проглядеть церковный раскол середины XVII в. и т.д.

Определенные сомнения вызывает трактовка тех исторических сюжетов, в которых явно преувеличивается роль британского фактора. Например, излишне акцентировано истолкованы причины смерти Ивана IV: «стремление Грозного породниться с королевским домом Англии завершилось трагедией для самого русского царя», ибо «опасаясь возможности наследования русского трона английским претендентом, ближайшее окружение царя во главе с Борисом Годуновым привело к насильственной его кончине» (1, с. 53; 2, с. 347). Неоднократно на страницах монографий изрядно завышается уровень европеизации России XVI—XVII столетий. Между тем, не стоит забывать, что западные инновации затронули тогда лишь отдельных (но далеко не всех) представителей правящих кругов, а потому сама европейская мода была не более чем «тонкой лаковой пленочкой» на толще традиционной культурной жизни. И это обстоятельство принципиально разграничивает две сменяющие друг друга эпохи нашей истории — допетровскую и последующую, начало которой положил первый российский император.

Показательно, что в английских источниках отмечаются не только несомненные успехи, но и глубокие противоречия политики ускоренной вестернизации. Подчеркиваются ее зачастую губительные последствия для самобытной национальной культуры, провоцировавшие ответное насилие, жертвами которого становились и иностранные подданные. В то же время Лабутина приводит немало сведений, подтверждающих, что именно в XVIII в. «прививка» западных культурных ценностей на российской почве принесла определенные плоды, преимущественно на элитарном уровне, способствуя приобщению многих представителей дворянства к европейским (и британским) достижениям. Не удивительно, что оборотной стороной «англомании» в этот период оказывался спорадический всплеск ксенофобии в широких слоях населения и осмысленные вереницы правящих монархов в качестве «неправедных». Впрочем, достигнув своего апогея в петровское время и отчасти в годы «бироновщины», неприязнь социальных низов к

иностранцам вообще и англичанам в частности пошла на спад. «Чужое» все чаще начинало восприниматься как «свое» или, по крайней мере, адаптировалось в массовом сознании в качестве все более привычного.

В заключение осталось еще раз констатировать, что помимо богатого фактического материала, в том числе, нового для российской историографии, книги Лабутиной вызывают интерес тщательной проработкой важнейшего для науки вопроса о диалектическом и антагонистическом соотношении «своего» и «чужого» в различных контекстах изучаемых эпох. Решительное отторжение непривычных инноваций густо перемешивалось с их органичным восприятием, рождая сложный и многоуровневый культурный симбиоз, определявший полифоническое звучание русско-английского диалога.

Обе монографии привлекают внимание также своей несомненной актуальной заостренностью. Знакомство с изучаемой проблематикой привело автора к совершенно справед-

ливой мысли, что и в наше время «многие граждане России с непосредственной доверчивостью по-прежнему продолжают взирать на западные страны, как на своего учителя и наставника, не задумываясь над тем, что бескорыстной дружбы с их стороны ожидать не приходится» (1, с. 262). А потому хотелось бы солидаризоваться с автором в ее надеждах, что содержание рецензируемых трудов поможет, прежде всего, власть предержащим «извлечь уроки из исторического прошлого России» и направить «свои усилия в русло укрепления экономической мощи и безопасности национального государства» (2, с. 350). В противном случае нам суждено, как и несколько веков назад, убеждать самих себя в том, что европейское — a priori значит лучшее, и покорно бежать не «навстречу друг другу», а вдогонку за воображаемым лидером, окончательно утрачивая остатки собственной культурной идентичности.

В.Я. МАУЛЬ

Contents

Articles: **A.V. Mamaev**. Features of municipal finance of tussian cities on the eve of the First world war. Historical profiles: **L.I. Ivonina**. Stanislaw Leszczynski. Memoirs: **N.V. Solntsev**. Sabir. Contributions: **O.A. Plekh**. Malfeasance and punishment in the first half of the XIX century; **A.V. Fedin**. Struggle of Jesuits with Indian alcoholism in New France in XVII century. Diplomacy in history: **S.B. Panin**. «Afghan direction» in the Russian politics before the first world war; **V.S. Romanenko**. Versailles system and the USSR: politics in the Middle East; **P.A. Iskenderov**. Creation of Albanian state. People. Events. Facts: **S.V. Zyablitseva**. The evacuation of 1941—1942 as a factor of change in theatrical and musical life of Western Siberia; **A.A. Nasemtseva**. Political-legal status of Russian emigration in China during the second world war. From history of religions: **A.A. Mashkovtsev**. Baptist and evangelicals Middle Volga and Urals during the First World War. Historiography: **V.V. Politov**. The influence of the Mongol-Tatar yoke in the Old Russian state in pre-revolutionary historiography. *Reviews on books*: **T.L. Labutina**. The British in pre-Petrine Russia; The British in Russia in the XVIII century (by V.Y. Maul).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 2, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.01.2016. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 214-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

ВИА
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**